

ISSN 2686 - 7133

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

2023, № 3

ISSN 2686-7133

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ОБЩЕСТВО**

2023, № 3

**INTERNATIONAL RELATIONS
AND SOCIETY**

2023, № 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

Журнал основан в январе 2019 года

2023, № 3

Международный научный журнал

5.1.5. Международно-правовые науки

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Учредитель и издатель: М.Ю. Летаева

Адрес издателя: 420008, Россия, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-74953, дата регистрации: 25 января 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.А. Летаев – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.В. Пеньковцев – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Абдуллин – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Б.Г. Ахметкаримов – PhD (Polit.), доцент (г. Казань, Россия)

А.В. Белоглазов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А.Г. Большаков – доктор политических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Л.Э. Иликова – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Д.В. Мартынов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Л.Х. Мингазов – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

М.И. Рытик – доктор политических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Р.Х. Усманов – доктор политических наук (г. Астрахань, Россия)

А.Г. Ситдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Р.А. Циунчук – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Г.Р. Шайхутдинова – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, E-mail: irskfu@gmail.com

Дата выхода в свет: 29.02.2024

Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x100 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № 87/12

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Распространяется бесплатно.

INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIETY

The journal was founded in January 2019

2023, № 3

International scientific journal

- 5.1.5. International legal sciences
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.2. General history (historical sciences)
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Founder and publisher: M.Y. Letyaeva

Publisher's address: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008
The number of the certificate media: PI № FS 77-74953, registration date: 25.01.2019

Periodicity: 4 releases per year

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials:
Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

V.A. Letyaev – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

R.V. Penkovtsev – PhD in of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

- A.I. Abdullin** – DSc (Law), Professor (Kazan, Russia)
- B.G. Akhmetkarimov** – PhD (Polit.), Associate Professor (Kazan, Russia)
- A.V. Beloglazov** – CandSc (Hist.), Associate Professor (Kazan, Russia)
- A.G. Bolshakov** – DSc (Polit.), Professor (Kazan, Russia)
- L.E. Ilikova** – CandSc (Soc.), Associate Professor (Kazan, Russia)
- D.V. Martynov** – DSc (Hist.), Professor (Kazan, Russia)
- L.H. Mingazov** – DSc (Law), Professor (Kazan, Russia)
- M.I. Rykhtik** – DSc (Polit.), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
- R.Kh. Usmanov** – DSc (Polit.) (Astrakhan, Russia)
- A.G. Sitdikov** – DSc (Hist.), Professor (Kazan, Russia)
- R.A. Tsiunchuk** – DSc (Hist.), Professor (Kazan, Russia)
- R.R. Khayrutdinov** – CandSc (Hist.), Associate Professor (Kazan, Russia)
- G.R. Shajhutdinova** – DSc (Law), Professor (Kazan, Russia)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** irskfu@gmail.com

Date of publication: 29.02.2024

Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies. **Order № 87/12**

Printed in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board
Available free of charge

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	6
Большаков А.Г. Центральноазиатские исследования в Казанском федеральном университете.....	6

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Раздел I. Приоритетные направления регионального сотрудничества в Центральной Азии	9
Большаков А.Г. Постсоветские регионы и непризнанные государства Евразии в архитектуре нового мирового порядка: ситуационные тренды и фактор неопределенности	9
Белоглазов А.В. Евразийская интеграция как инструмент противодействия радикальному исламу в Центральной Азии в начале XXI в.	17
Назаров Р.Р. Безопасность Центральной Азии: политические и международно-правовые аспекты	30
Рахматуллаев Ш.М. Теоретические парадигмы культурной дипломатии и ее практические особенности на постсоветском пространстве	40
Фоминых А.Е. Влияние событий 2022 г. на субкомплекс региональной безопасности Центральной Азии.....	53
Раздел II. Влияние современных информационных технологий на развитие международных отношений и дипломатии	59
Игнатова К.Э., Малахова Е.П. Кибербезопасность стран БРИКС: сравнительно-правовой анализ.....	59
Пеньковцев Р.В., Габидуллин К.М. Мягкая сила как инструмент внешней политики США в XXI в.....	68
Низамова М.А. Киберугрозы в контексте политики Японии в сфере кибербезопасности в начале XXI в.	77
Шарапов А.М. Роль цифровых медиаресурсов во внешней политике США	88

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Раздел I. Актуальные проблемы истории международных отношений и внешней политики зарубежных стран	97
Ван Юй. О преемственности во внешней политике Китая от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао.....	97
Зайнуллин Т.Р. Нормализации американо-китайских отношений в контексте внешней политики президента Р. Никсона	111
Исламов Д.Р. Внешнеполитические подходы Европейского Союза на постюгославском пространстве в 1991–1997 гг.	118

CONTENTS

INTRODUCTION	6
Bolshakov A.G. Central Asian studies at Kazan Federal University.....	6

INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL STUDIES

Section I. Priority areas of regional cooperation in Central Asia	9
Bolshakov A.G. Post-Soviet regions and non-recognized states of Eurasia in the architecture of the new world order: situational trends and uncertainty factor.....	9
Beloglazov A.V. Eurasian integration as a tool to counter radical Islamism in Central Asia at the beginning of the XXI century	17
Nazarov R.R. Security of Central Asia: political and international legal aspects	30
Rakhmatullaev Sh.M. Theoretical paradigms of cultural diplomacy and its practical features in the Post-Soviet space.....	40
Fominykh A.E. The impact of the events of 2022 on the regional security subcomplex of Central Asia.....	53
Section II. The influence of modern information technologies on the development of international relations and diplomacy	59
Ignatova K.E., Malakhova E.P. Cybersecurity of the BRICS countries: comparative legal analysis	59
Penkovtsev R.V., Gabidullin K.M. Soft power as an instrument of US foreign policy in the XXI century	68
Nizamova M.A. Cyber threats in the context of Japan's cybersecurity policy at the beginning of the XXI century.....	77
Sharapov A.M. The role of digital media resources in US foreign policy	88

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Section I. Actual problems in the history of international relations and foreign policies of foreign countries	97
Wang Yu On the continuity in Chinese foreign policy from Mao Zedong to Hu Jintao.....	97
Zainullin T.R. Normalization of US-China relations in the context of the foreign policy of president R. Nixon.....	111
Islamov D.R. The European Union and the Post-Yugoslav space in 1991–1997.....	118

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО INTRODUCTION

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Большаков Андрей Георгиевич¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Уважаемые читатели, коллеги! Перед нами очередной номер журнала «Международные отношения и общество». По сложившейся традиции данный выпуск отличается своим содержанием, тематикой, направленностью основных статей. Это делает журнал актуальным и обеспечивающим реализацию различных аспектов современных международных отношений, глобальных и региональных дискурсов, мировой политики и экономики, гуманитарного сотрудничества, истории международных отношений.

Изучение международного сотрудничества в регионе Центральной Азии является одним из важнейших направлений научных исследований для Казанского федерального университета. В данном номере журнала представлена подборка ряда материалов по центральноазиатской проблематике известных российских и узбекских исследователей. В публикуемых статьях затронуты проблемы региональной безопасности, политической неопределенности, ситуационные тренды социально-экономического развития, методы противодействия радикальному исламу, евразийская интеграция, культурная дипломатия. Таким образом, журнал становится востребованной площадкой для обсуждения тенденций развития стран Центральной Азии.

Институт международных отношений Казанского университета сформировал собственную школу исследований центральноазиатского региона. В настоящее время проблематикой региона занимается ряд кафедр, а также созданный по инициативе и при поддержке директора Р.Р. Хайрутдинова Институт исследований Центральной Азии. Главная его миссия – содействие возрождению единого гуманитарного пространства Российской Федерации и стран Центральной Азии. Среди основных направлений деятельности: развитие межкультурного диалога и интеграционные проекты, развитие сотрудничества с существующими научными центрами, общественными организациями, вопрос соотечественников, межнациональное сотрудничество, формирование информационного климата. Целью Института исследований Центральной Азии является содействие развитию отношений между институтами гражданского общества России и стран Центральной Азии, стимулирование интеграционных инициатив. В рамках реализации обозначенной цели происходит изучение социальных и экономических явлений в обществе, проводятся научные исследования в области общественных и гуманитарных наук, разрабатываются и реализуются научно-исследовательские программы, направленные на комплексное изучение региона Центральной Азии.

Характеризуя основное содержание номера, также необходимо отметить, что значительная часть публикуемых материалов была подготовлена по итогам работы Международного научного форума по проблемам глобальной безопасности «Андрей Громыко и российская дипломатия в эпоху глобальных проти-

востояний». Последний форум проводился 27–28 октября 2022 г. на базе Казанского университета. Данное мероприятие занимает особое место среди региональных форумов по международным отношениям в России, объединяя московских и региональных ученых и исследователей из России и ряда зарубежных государств. Важной вехой описываемого мероприятия является участие в нем ведущих институтов Российской академии наук и ВУЗов страны, которые специализируются на изучении актуальных проблем международных отношений и глобальной безопасности. Предполагается, что предстоящий в 2024 г. форум затронет также Республику Беларусь и будет проходить на площадках двух стран России и Белоруссии, в частности в Минске.

Информация об авторе

Большаков Андрей Георгиевич. Доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CENTRAL ASIAN STUDIES AT KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

Bolshakov Andrey Georgievich¹

¹ *Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru*

Dear readers, colleagues! We have before us the next issue of the journal “International Relations and Society”. According to established tradition, this issue is distinguished by its content, theme, and focus of the main articles. This makes the journal relevant and ensures the implementation of various aspects of modern international relations, global and regional discourses, world politics and economics, humanitarian cooperation, and the history of international relations.

The study of international cooperation in the Central Asian region is one of the most important areas of scientific research for Kazan Federal University. The present issue of the journal presents a selection of a number of materials on Central Asian issues by famous Russian and Uzbek researchers. The published articles touch upon problems of regional security, political uncertainty, situational trends in socio-economic development, methods of countering radical Islamism, Eurasian integration, cultural diplomacy. Thus, the magazine is becoming a popular platform for discussing development trends in Central Asian countries.

The Institute of International Relations of Kazan University has formed its own school of studies of the Central Asian region. Currently, a number of departments are dealing with the problems of the region, as well as those created on the initiative and with the support of director R.R. Khayrutdinov Institute for Central Asian Studies. Its main mission is to promote the revival of a common humanitarian space of the Russian Federation and the countries of Central Asia. Among the main areas of activity:

the development of intercultural dialogue and integration projects, the development of cooperation with existing scientific centers, public organizations, the issue of compatriots, interethnic cooperation, the formation of an information climate. The goal of the Institute for Central Asian Studies is to promote the development of relations between civil society institutions in Russia and Central Asian countries in order to stimulate integration initiatives. As part of the implementation of this goal, social and economic phenomena in society are studied, scientific research is conducted in the field of social sciences and humanities, research programs are developed and implemented aimed at a comprehensive study of the Central Asian region.

Describing the main content of the issue, it should also be noted that a significant part of the published materials was prepared based on the results of the International Scientific Forum on Global Security Issues “Andrei Gromyko and Russian Diplomacy in the Age of Global Confrontations”. The last forum was held on October 27–28, 2022 at Kazan University. This event occupies a special place among regional forums on international relations in Russia, bringing together Moscow and regional scientists and researchers from Russia and a number of foreign countries. An important milestone of the described event is the participation in it of a number of leading institutes of the Russian Academy of Sciences and universities of the country, which specialize in the study of current problems of international relations and global security. It is assumed that the upcoming forum in 2024 will also affect the Republic of Belarus and will be held at the sites of two Russian countries and Belarus, in particular in Minsk.

About the author

Bolshakov Andrey Georgievich. Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL STUDIES**

**РАЗДЕЛ I. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
SECTION I. PRIORITY AREAS OF REGIONAL COOPERATION
IN CENTRAL ASIA**

УДК 327.3

**ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕГИОНЫ
И НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРАЗИИ
В АРХИТЕКТУРЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА:
СИТУАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ И ФАКТОР НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Большаков Андрей Георгиевич¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена региону Центральной Азии и непризнанным государствам в процессе формирования нового полицентричного мирового порядка. В ней рассматриваются причины и тенденции формирования нового мирового порядка, проблемы переходного периода к нему от моноцентричного мирового порядка. Анализируются возможности и издержки моноцентричного и полицентричного мирового порядка. В качестве главного методологического подхода используется конфликтологическая парадигма понимания процессов мировой политики.

В статье определяется роль и место современных регионов Северо-Западной Евразии в перестройке современного мирового порядка, в частности Центральной Азии, которая служит мостиком для намечающихся союзнических отношений Китая и России, а также территорией сотрудничества Российской Федерации с ведущими странами Азии – Индией, Ираном, Пакистаном, Турцией и др. Выявляются недостатки прежней политики России по отношению к данному региону, методы ее систематизации и развития.

Значительное место в статье посвящено изучению феномена непризнанных государств постсоветского пространства. Данные государства на сегодня являются примерами глокализации. Большинство из них (четыре из шести) не только выжили в жестких условиях вооруженных конфликтов, но и сумели сохранить свой суверенитет, получить необходимое развитие, а через него достичь цели своего существования – признания со стороны более сильного государства, которое способно обеспечить безопасность и социально-экономическое развитие бывшего квазигосударства. Положение Приднестровья и особенно Карабаха в настоящее время неопределенно и зависит от ряда обстоятельств.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, Центральная Азия, сотрудничество стран Центральной Азии и России, непризнанные государства Северо-Западной Евразии, вооруженный конфликт, гибридная война, экономический и политический кризисы, российско-китайское взаимодействие и сотрудничество, новый мировой порядок, моноцентризм и полицентризм.

POST-SOVIET REGIONS AND NON-RECOGNIZED STATES OF EURASIA IN THE ARCHITECTURE OF THE NEW WORLD ORDER: SITUATIONAL TRENDS AND UNCERTAINTY FACTOR

Bolshakov Andrey Georgievich¹

¹ *Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the region of Central Asia and the non-recognized states in the process of forming a new polycentric world order. It examines the causes and trends in the formation of a new world order, the problems of the transition period to it from monocentric world order. The possibilities and costs of a monocentric and polycentric world order are analyzed. The conflictological paradigm of understanding the process of world politics is used as the main methodological approach.

The article defines the role and place of the modern regions of Northwestern Eurasia in the restructuring of the modern world order. In particular, Central Asia, which serves as a bridge for the emerging allied relations between China and Russia, as well as the territory of cooperation between the Russian Federation and the leading Asian countries - India, Iran, Pakistan, Turkey, etc. The shortcomings of Russia's previous policy towards this region are revealed, methods of its systematization and development.

A significant place in the article is devoted to the study of the phenomenon of non-recognized states of the Post-Soviet space. These states today are examples of glocalization. Most of them (four out of six) not only survived in the harsh conditions of armed conflicts, but also managed to maintain their sovereignty, get necessary development, and through it achieve the goal of their existence - recognition from a stronger state that is able to ensure security and social economic development of the former quasi-state. The position of Transnistria and especially Karabakh is currently uncertain and depends on a number of circumstances.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, Central Asia, cooperation between the countries of Central Asia and Russia, non-recognized states of Northwestern Eurasia, armed conflict, hybrid war, economic and political crises, Russian-Chinese interaction and cooperation, New World Order, mono-centrism and polycentrism.

Введение

На современном этапе мирового политического развития происходит мощный геополитический разлом. Установившееся после распада СССР более трех десятков лет назад моноцентричное мироустройство постепенно меняется в сторону полицентричной системы международных отношений. У каждой

из этих систем есть свои возможности и издержки, которые интересно рассмотреть с точки зрения теории международно-политического конфликта. При этом сам международный конфликт трактуется как столкновение интересов двух и более акторов, обладающих международной правосубъектностью.

У моноцентричного мира есть свои значительные возможности. К ним следует отнести порядок, организацию, стабильность. Условный «золотой миллиард» контролирует остальные семь миллиардов населения планеты в экономическом, геополитическом, военном, культурном («мягкая сила») отношении. Многие страны мира (ООН насчитывает 193 официально признанных государства – прим. А.Б.) устраивает такое положение вещей, за которое они расплачиваются фактической утратой международного суверенитета [5, с. 47–56].

Однако есть страны, которые это терпят лишь до определенного времени. Дело в том, что у субъектов международного права разные интересы, народы значительно отличаются по менталитету, культуре, истории происхождения. Для того, чтобы контролировать подобные страны, моноцентричному миру приходится регулярно применять административное давление. Всякое действие рождает противодействие: сдерживаемая реакция накапливается, и в какой-то момент конфликт из латентного переходит в активную фазу. Это мы наблюдаем сегодня между США и Россией на Украине. Конфликт между США и Китаем после визита Н. Пелоси на Тайвань также перешел из чисто экономической плоскости в политическую сферу, однако он не носит характер вооруженного противоборства.

Сегодня, глядя на Россию и Китай, другие страны тоже начинают проводить более самостоятельную политику как в двусторонних отношениях, так и в рамках организаций международного сотрудничества (БРИКС+, ШОС и др.). Постепенно формируется альтернативное – полицентричное мироустройство. Его основное преимущество заключается в соревновании между геополитическими центрами, потому что развитие справедливого мирового порядка возможно только через здоровую конкуренцию стран между собой. В случае же монополии и доминирования одной страны или группы стран мировой прогресс замедляется вплоть до стагнации.

Материалы и методы

Издержками полицентричной системы являются политическая нестабильность, обусловленная противоречием интересов мировых держав, и, как следствие, повышенная вероятность возникновения открытых конфликтов между ними. Сегодня это могут быть не прямые боевые столкновения, а гибридные и/или прокси-войны.

В существующей теории международных отношений считается, что не нужно бояться международно-политических конфликтов как таковых, сами по себе они объективная реальность. Другое дело, что необходимо минимизировать разрушительные последствия таких конфликтов на практике [3, с. 36–45]. Поэтому на современном этапе мирового политического развития необходим эффективный институционализированный посредник – площадка, на которой могли бы обсуждаться и успешно разрешаться международные разногласия.

С одной стороны, такой площадкой уже почти 80 лет является ООН. Вместе с тем ключевые решения в ней принимает Совет Безопасности, каждый из пяти постоянных членов которого имеет право вето. Очевидно, что в случае, когда проект резолюции противоречит интересам одного из членов

«пятерки» (что происходит достаточно часто), он не принимается. В ряде случаев некоторые члены Совбеза ООН в принципе не интересовались мнением этого международного посредника [1, с. 21–25]. Так было, в частности, при военном вторжении США во Вьетнам, Афганистан, Ирак, бомбардировках Югославии и Ливии.

В этой связи ООН сегодня нуждается в существенном реформировании в части повышения эффективности института посредничества. Оно призвано позволить сторонам осуществлять реальные (не показательные) переговоры, а на основании взаимных уступок и договоренностей составить «дорожную карту», способствующую если не урегулированию конфликта, то хотя бы возвращению его в латентное, «спящее» состояние («замораживание»). ООН пытаются реформировать уже много лет, начиная с 1963 г. Однако эти реформы не дают значимых результатов, особенно в последние двадцать пять – тридцать лет [8, с. 8–17]. Гегемонистская позиция США допускает создание «новой ООН» без Китая и России, организации, которая будет состоять исключительно из союзников США. Но подобная организация большинству стран мира не нужна. С ней вряд ли согласятся Китай, Россия, Индия, Бразилия, африканские и латиноамериканские страны, большинство стран Азии, включая Иран и Турцию, Мексику и др.

Результаты исследования

В настоящее время в архитектуре нового мирового порядка господствует фактор неопределенности. Исследователи и эксперты, которые анализируют архитектуру нового мирового порядка, говорят о том, что он еще не сложился, обозначаются лишь его контуры [4, с. 28–35]. В рамках такого подхода я рассматриваю в своем выступлении лишь один из регионов «Большой Евразии» – Центральную Азию, а также феномен непризнанных государств, который является лакмусовой бумагой процесса формирования нового мирового порядка, что позволяет выявить и обозначить некоторые ситуационные тренды.

Россия лишь в октябре 2022 г. наконец-то продемонстрировала свою стратегию и политику в отношении региона Центральной Азии. Понятно, что это необходимо было сделать намного раньше, но произошло это только в период гибридного вооруженного конфликта. Активизация центральноазиатского вектора внешней политики стала естественным следствием геополитической ситуации, складывающейся вокруг России после начала СВО. Фактическая отмена взаимодействия с «коллективным Западом», существенные ограничители в отношениях с Китаем и Индией, другими партнерами по БРИКС оставляют не так много возможностей для российской дипломатии на международной арене.

Одним из потенциально ключевых направлений для Российской Федерации становятся страны Центральной Азии [6]. В таких обстоятельствах в последние несколько месяцев 2022 г. резко возросло количество формальных и неформальных мероприятий с участием глав государств России и ее южных соседей. Три страны Центральной Азии являются участниками ЕАЭС, а Узбекистан имеет статус наблюдателя. Членами ОДКБ являются Казахстан, Киргизия и Таджикистан, а Узбекистан, выйдя из данной организации, активно взаимодействует с соседями в сфере безопасности, особенно с Россией на основе двухстороннего договора. Центральная Азия для Российской Федерации сегодня это не только географический сосед, но и стабильный и предсказуемый экономический партнер, ресурс в преодолении масштабных санкций посред-

ством параллельного импорта, поставщик трудовых и кадровых ресурсов, важный рынок сбыта для российских производителей и поставщиков услуг.

Потенциально Центральная Азия является именно той территорией, которая выводит Россию на новые рынки сбыта товаров, связанные с Индией и Пакистаном (через Узбекистан), является той площадкой, где возможно союзническое взаимодействие между Россией и Китаем. В свою очередь, для Центральной Азии Россия – ключевой экономический партнер в торговле и инвестициях, гарант региональной безопасности, транзитный мост для связи с мировыми рынками, важнейший поставщик образовательных услуг и рынок труда для граждан.

В октябре 2022 г. российская внешняя политика была крайне активна именно на центральноазиатском направлении. Основными были встречи в Санкт-Петербурге и Астане, где прошло сразу несколько знаковых встреч.

Сначала 13 октября 2022 г. в казахстанской столице с участием президента России В. Путина прошел саммит Сопредседания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВДМА). Эта организация активно использовалась руководителями Казахстана для укрепления авторитета данного государства на международной арене.

На данной площадке российский президент провел трехсторонние переговоры с лидерами Киргизии С. Жапаровым и Таджикистана Э. Рахмоном с целью запустить процесс политико-дипломатического урегулирования пограничного конфликта между центральноазиатскими странами, который, к сожалению, перерос в полноценное военное противостояние с регулярными боевыми действиями с применением тяжелого вооружения. Контакты на высшем уровне, а также планы по внесению изменений в деятельность ОДКБ, членами которой являются обе страны, дает осторожный оптимизм в оценках этой встречи и перспектив урегулирования изначально территориального конфликта между Кыргызстаном и Таджикистаном.

14 октября 2022 г. в Астане состоялся саммит СНГ под председательством Казахстана. Позже в этот же день прошла встреча лидеров в формате: «Центральная Азия – Россия». Эти переговоры стали знаковыми, так как впервые прошли на уровне глав государств в таком формате. По итогам встречи президенты приняли расширенное совместное заявление, которое обозначило основные сферы взаимодействия в данном формате и план мер и последующих шагов. Лидеры стран также договорились, что встречи шестерки теперь будут проходить регулярно, что создает условия для постепенной институционализации формата «Россия – Центральная Азия» [7, с. 112–123].

Интересно, что подобный формат взаимодействия между пятью центральноазиатскими государствами и США был установлен в ноябре 2015 г. для обсуждения региональных вопросов в сферах экономики, экологии и безопасности. Если в это время подобные встречи рассматривались российской дипломатией как деятельность, ослабляющая российские связи со стратегическими партнерами, то через семь лет стало ясно, что Центральную Азию стремятся политически оторвать от союзничества с Россией и Китаем несмотря на то, что политика США уже потерпела фиаско в Афганистане в 2021 г. и нуждается в пересмотре.

Кейс с выступлением президента Таджикистана Э. Рахмона на данном саммите, на мой взгляд, нельзя сводить к тезису «необходимость уважать страны региона, но не как во время СССР». В Таджикистане хорошо известно, что эта политика, при всех ее недостатках, была менее жесткой, чем у Китая, кото-

рый требует возврата долгов и забирает активы должников, если это не получается. «Коллективный Запад» идет еще дальше и имеет четкие требования по либерализации и соблюдению прав человека в ответ на любую экономическую помощь.

Показательна другая часть выступления Э. Рахмона, где президент посетовал, что на бизнес и инвестиционные форумы в республике невозможно пригласить российского министра. По мнению лидера Таджикистана, российские компании не спешат осваивать недра республики. При этом президент Э. Рахмон ничего не сказал о полном отсутствии инфраструктуры для ведения бизнеса, гарантий для предпринимателей, сложных горных условиях ведения работ в Республике Таджикистан.

Не менее удивителен и другой тезис Президента Таджикистана: «2 млн граждан РТ в России не только работают, но в основном учатся или проходят лечение». Это как минимум не соответствует действительности, поскольку основной развития для республики является именно трудовая миграция молодежи в Россию. Скорее всего, подобные высказывания – способ привлечь к Таджикистану внимание, а вслед за этим увеличить зарубежные (российские) инвестиции.

Важнейшим индикатором современных изменений мирового порядка является состояние непризнанных государств уходящего постсоветского пространства (или Северо-Западной Евразии). Как и само постсоветское пространство, его сегменты переживают сегодня времена быстрых трансформаций после десятилетий забвения [2, с. 83–88]. Непризнанные государства на постсоветском пространстве были представлены шестью случаями до конца 2022 г.: ДНР, ЛНР, Приднестровье, Ю. Осетия, Абхазия, Карабах.

Все эти шесть государственных образований делятся на две части: «частично признанные» и «собственно непризнанные» до начала 2022 г. К «частично признанным» относят Ю. Осетию и Абхазию, они признаны в качестве таковых Россией и несколькими другими государствами – членами ООН: Венесуэлой, Никарагуа, Науру, Сирией. Все остальные непризнанные государства из этого списка из 6 государств (а именно четыре) не признаны никем. В этой связи интересно, что Карабах не был признан даже Арменией.

Непризнанные государства Северо-Западной Евразии в настоящее время находятся в состоянии различных трансформаций. Так, 4 территории, освобожденные в рамках СВО, только что по результатам референдумов вошли в состав Российской Федерации. Среди них два бывших непризнанных государства (ДНР и ЛНР), а также Запорожская и Херсонская области. Фактически эти 4 новых субъекта России проделали путь, который сходен с Крымом, если только учитывать, что сам полуостров никогда не был непризнанным государством, а скорее был территорией, претендующей на автономию, которая не была реализована в рамках Украины. В постсоветский период Крым был в составе Украины, но тяготел к Российской Федерации, исторически Крым – это территория России, что и подтвердил референдум 2014 г., в результате которого Крым вошел в состав Российской Федерации.

По всей видимости, Южная Осетия через некоторое время войдет в состав России. Для этого есть предпосылки – вхождение военных частей Ю. Осетии в состав вооруженных сил России. Абхазия выбрала путь подтверждения своего суверенитета и не стремится войти в состав Российской Федерации, но при этом готова стать частью Союзного государства Беларуси и России. Российская Федерация поддерживает этот процесс, Беларусь пока не признала Абхазию

независимым государством, но политика белорусского государства резко изменилась в 2021–2022 гг., видимо, есть шанс для интеграции Абхазии в Союзное государство.

Фактор неопределенности существенно влияет еще на два кейса непризнанных государств. Судьба Приднестровья целиком зависит от результатов СВО. А вот Карабах может перестать существовать как суверенная территория, если будет реализован западный план по урегулированию конфликта, а российские миротворцы уйдут из зоны карабахского противостояния.

Обсуждение

Таким образом, на примерах трансформации Центральной Азии и непризнанных государств можно увидеть, что новый мировой порядок постепенно формируется. Этот процесс ускорился по сравнению с прогнозами начала века, но период трансформации продлится в течение длительного времени (эксперты здесь называют 2040–2050 гг.). Пока можно предположить лишь одно: новый мировой порядок будет менее стабилен, но более справедлив с точки зрения большинства стран мира. Для его поддержания понадобятся новые институты посредничества и более гибкие механизмы управления мировой политикой [4, с. 31–35].

Выводы

Мировая политика, по всей видимости, будет в ближайшие годы и десятилетия насыщена разнообразными кризисами, гибридными войнами и конфликтами. Они не всегда будут совпадать с циклическими экономическими кризисами, но центр мирового развития экономики уже перемещается в Юго-Восточную Азию, позитивные перспективы России могут быть связаны с «восточной политикой» экономического и социокультурного образца, но в целом она сохранится державой с военно-политическим доминированием в рамках Большой Евразии.

Список источников

1. *Аватков В.А.* Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 21–25.
2. *Большаков А.Г.* Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 83–88.
3. *Бребдани А.* Китай на Ближнем Востоке: противостояние с США // Международные отношения. 2022. № 4. С. 36–45.
4. *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
5. *Пантин В.И., Лапкин В.А.* Трансформация политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66.
6. *Панфилова В.* Россия и страны Центральной Азии перезагрузили отношения // Независимая газета. 2022. № 227.
7. *Притчин С.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 6. С. 112–123.
8. *Юрченко М.М.* Реформирование ООН: основные направления и подходы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 6–26.

Информация об авторе

Большаков Андрей Георгиевич. Доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Avatkov V.A. Contours of the new world order and the growth of aggressiveness of the West // Free Thought. 2022. No. 5. P. 21–25.
2. Bolshakov A.G. Unrecognized states of the European periphery and borderlands // International Processes. 2007. Vol. 5. No. 3 (15). P. 83–88.
3. Brebdani A. China in the Middle East: Confrontation with the USA // International Relations. 2022. No. 4. P. 36–45.
4. Lebedeva M.M. New world order: Parameters and possible contours // Political Studies. 2020. No. 4. P. 24–35.
5. Pantin V.I., Lapkin V.A. Transformation of political spaces in the context of the transition to a polycentric world order // Political Studies. 2018. No. 6. P. 47–66.
6. Panfilova V. Russia and the countries of Central Asia have reset relations // Nezavisimaya Gazeta. 2022. No. 227.
7. Pritchins S. “Great Game 2.0” in Central Asia at the present stage // World Economy and International Relations. 2022. T. 66, No. 6. P. 112–123.
8. Yurchenko M.M. Reforming the UN: main directions and approaches // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the World. 2020. No. 3 (25). P. 6–26.

About the author

Bolshakov Andrey Georgievich. Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5036-000X; e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОМУ ИСЛАМИЗМУ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XXI В.**

Белоглазов Альберт Владиславович¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1982-9519; e-mail: Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию радикального исламизма в Центральной Азии и поиску путей противодействия ему. В ней рассматриваются проявления радикального исламизма в начале XXI в., а также участие выходцев из региона в акциях и организациях радикальных исламистов за его пределами. Анализируются политические, социально-экономические и культурно-идеологические причины возникновения и распространения радикального исламизма в регионе. Намечаются пути противодействия ему с помощью евразийской интеграции. Выявляются возможности военно-политического противодействия с помощью ОДКБ и ШОС. Исследуются перспективы влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе через экономические евразийские интеграционные проекты, особенно при помощи Евразийского экономического союза. Определяется возможность культурно-идеологического противодействия с помощью культурно-гуманитарной составляющей евразийских интеграционных процессов.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, Центральная Азия, евразийская интеграция, радикальный исламизм, терроризм, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз.

**EURASIAN INTEGRATION AS A TOOL TO COUNTER
RADICAL ISLAMISM IN CENTRAL ASIA
AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Beloglazov Albert Vladislavovich¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,

ORCID: 0000-0002-1982-9519; e-mail: Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of radical Islamism in Central Asia and the search for ways to counter it. It examines the manifestations of radical Islamism at the beginning of the XXI century, as well as the participation of immigrants from the region in actions and organizations of radical Islamists outside its borders. The political, socio-economic, cultural and ideological causes of the emergence and spread of radical Islamism in the region are analyzed. Ways of countering it with the help of Eurasian integration are being outlined. The possibilities of military-political counteraction with the help of the CSTO and the SCO are revealed. The prospects of influencing the socio-economic situation in the region through economic Eurasian

integration projects, especially with the help of the Eurasian Economic Union, are investigated. The possibility of cultural and ideological counteraction with the help of the cultural and humanitarian component of the Eurasian integration processes is determined.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, Central Asia, Eurasian integration, radical Islamism, terrorism, Collective Security Treaty Organization, Shanghai Cooperation Organization, Eurasian Economic Union.

Введение

Радикальный исламизм в Центральной Азии в начале XXI в. стал одной из наиболее серьезных угроз как национальной безопасности государств региона, так и стабильности всего пространства СНГ.

В первое десятилетие после распада СССР в регионе возник ряд радикальных исламистских организаций, существующих до сих пор. Наиболее крупные из них – Исламское движение Узбекистана – ИДУ (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ), Исламская партия Туркестана (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) и Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ), до августа 2015 г. бывшая единственной легальной исламистской партией в регионе. Одновременно в регионе начала действовать транснациональная партия Хизб ут-Тахрир аль-Ислами – ХТИ (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ). Постепенно радикальные исламистские группы распространились по всей Центральной Азии.

Их члены неоднократно участвовали в локальных конфликтах в различных государствах региона. Наиболее известные среди них – гражданская война в Таджикистане в 1992–1997 гг., Баткенские события в Киргизии в 1999 г., прорыв боевиков ИДУ в Киргизию и Узбекистан в августе 2000 г., Андижанские события в Узбекистане в 2005 г., столкновения на юге Киргизии в июне 2010 г., мятеж в Таджикистане в сентябре 2015 г., беспорядки в Казахстане в январе 2022 г. Одиночных же терактов в различных странах региона было великое множество.

С 2014 г. в Центральной Азии активизировались представители так называемого Исламского государства – ИГ (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ). Отчасти это было связано с выводом из Афганистана Международных сил содействия безопасности (ISAF), отчасти с усилением глобального геополитического противостояния. Неслучайно американская аналитическая организация Stratfor в 2015 г. опубликовала прогноз до 2025 г., в котором предсказывала затяжные конфликты возле границ России, в том числе и в Центральной Азии [1]. Кроме того, 29 июня 2014 г. ИГ (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) провозгласило «всемирный халифат». Под влиянием исламистских вербовщиков достаточно большое количество представителей региона отправилось в Сирию и в Ирак. К осени 2015 г., по данным замдиректора ФСБ Сергея Смирнова, количество граждан стран Центральной Азии, воюющих на стороне ИГ, составляло более 2 600 человек [2]. Некоторые из них позже заняли руководящие посты в террористической организации. Например, бывший глава таджикского ОМОНа Гулмурод Халимов летом 2016 г. был из-

бран главным военным руководителем ИГ (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) [3].

Кроме того, немало выходцев из региона входило в состав других группировок, в частности в Джабхат ан-Нусру (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ), с июля 2016 г. переименованную в Джабхат Фатах аш-Шам (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ). Выходцы из региона даже сформировали в Сирии собственные подразделения по этническому признаку. Так, узбекские подразделения «Джамаат Имам Бухари» (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) и «Таухид валь-Джихад» (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) действовали в рядах террористических организаций в Алеппо и в Идлибе соответственно.

В 2017 г. после масштабных операций правительственной армии, поддержанных российскими ВКС в Сирии, а также после завершения штурма Мосула в Ираке уцелевшие боевики из Центральной Азии начали возвращаться в свои страны, что повысило степень угроз региональной безопасности. Также Афганистан после победы талибов в августе 2021 г. стал площадкой притяжения исламистов и плацдармом для их проникновения в центрально-азиатские страны СНГ.

Таким образом, различных радикальных исламистских организаций в Центральной Азии немало. Они отличаются по численности, по национальному признаку, по масштабам своей деятельности. При этом все они стремятся захватить власть с помощью оружия, не признают существующие правительства, требуют вводить нормы шариата, используют террористические акты как наиболее эффективный способ для оказания давления на правительства [4, с. 289].

В начале XXI в. в регионе сформировалось новое поколение исламистов, которое активно ведет агитацию в интернете, вербует государственных чиновников, делает акцент на работу в традиционных структурах, формируя местные базовые ячейки [5, с. 483]. Их эмиссары проводят вербовку граждан стран Центральной Азии не только на территории региона, но и в России, прежде всего среди мигрантов. Также после начала российской операции в Сирии участились попытки терактов на территории нашей страны силами выходцев из Центральной Азии. Некоторые из них, к сожалению, не удалось предотвратить. Так, кровопролитный теракт в Санкт-Петербургском метро 3 апреля 2017 г. совершил Акбаржон Джалилов, узбек по национальности, уроженец Киргизии.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является принцип историзма. Он позволяет рассматривать развитие радикального исламизма в Центральной Азии в соответствии с исторической обстановкой, во взаимосвязи с политическими реалиями в мире в целом и в странах региона.

Соответственно, одним из методов исследования стал проблемно-хронологический, позволяющий изучить проблему радикального исламизма в Центральной Азии в последовательности ее развития, вычленить этапы деятельности радикальных исламистских организаций и рассмотреть основные проблемы, связанные с противодействием им.

Однако основным методом стал системный анализ, позволяющий выяснить причины возникновения и развития радикального исламизма в Централь-

ной Азии. Эти причины удалось подразделить на политические, социально-экономические и культурно-идеологические. Вместе с тем были определены инструменты для системного противодействия радикальному исламу в регионе, которые, соответственно, подразделяются на военно-политические, социально-экономические и культурно-идеологические.

Также с помощью системного анализа выявляется способ их комплексного применения в ходе евразийских интеграционных процессов и с помощью евразийских интеграционных образований: Организации договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза.

В деятельности каждой из них рассматриваются аспекты и компоненты, способные нейтрализовать или заместить негативное влияние радикального исламизма и советуемых региональных организаций.

Результаты исследования

1. Причины возникновения и развития радикального исламизма в Центральной Азии. Для того чтобы успешно противостоять радикальному исламу в Центральной Азии, необходимо выявить не только его проявления, но и причины появления и развития. На наш взгляд, их можно подразделить на три большие группы.

1.1. Политические причины. Политические причины трудно разделить на внутривластные и внешнеполитические, настолько тесно они переплетены. В начале постсоветского периода руководители новых независимых республик региона активно использовали ислам как один из инструментов политики, с помощью которого они надеялись создать новую идентичность и построить суверенное государство. Президенты приносили клятву на Коране, совершали хадж, вводили исламские элементы в символику государств. Власти поощряли строительство мечетей, совершение хаджа, отправку молодежи в учебные заведения мусульманских государств вообще и в специализированные исламские университеты в частности. В регионе также открылись исламские учебные заведения, праздники советского периода заменялись на религиозные.

Но с инициативой подобных действий могли выступать представители либо руководства страны, либо официального исламского духовенства, умеренного и лояльного властям. Одновременно оппозиционные правительству силы в условиях низкой политической активности населения начали облекать свой протест в форму радикального исламизма, обвиняя власти в нарушении исламских норм.

На волне исламского ренессанса в регионе появились зарубежные миссионеры-проповедники, первоначально выходцы из Саудовской Аравии, а позже и из других мусульманских государств. Они пропагандировали идеи радикального исламизма. При этом население региона, в советские годы потерявшее связь с исламской традицией, воспринимало эту пропаганду как истинное исламское учение. Поэтому сразу же после распада СССР в регионе возникали радикальные исламистские организации.

За последующие четверть века большое значение для радикальных исламистов имела и имеет поддержка, которую они регулярно получали и получают из-за рубежа, особенно из государств Персидского Залива. Кроме того, сильное воздействие на них оказала обстановка в Северной Африке и на Ближнем Во-

стоке, где радикальные исламисты активизировались в процессе «Арабской весны». Одновременно большое влияние на Центральную Азию оказывал и Афганистан, в котором сначала победа, а с 2001 г. партизанская война движения «Талибан» (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) создавали ситуацию, благоприятную для усиления экстремистских настроений и их проявлений в регионе. Эта тенденция еще более усилилась после очередного прихода «Талибана» (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) к власти в стране в 2021 г.

1.2. Социально-экономические причины. После распада СССР произошло резкое падение уровня жизни населения Центральной Азии, что было связано с прекращением дотаций из Москвы. В СССР все республики региона потребляли больше, чем производили. Так, потребление Узбекистана превышало производство в 2,15 раза, а Туркменистана – в 1,95 раза [6]. К 1993 г., когда все государства региона вышли из рублевой зоны, прекратилось и косвенное их финансирование. В то же время произошли деиндустриализация региона, разрыв хозяйственных связей, отток высококвалифицированных специалистов не титульных национальностей и, как следствие, падение ВВП. Одновременно высокий уровень рождаемости привел к безработице и обнищанию населения.

И в настоящее время страны региона испытывают значительные экономические трудности. Так, по данным МВФ, на октябрь 2022 г. ВВП на душу населения в Таджикистане составляет 1 015 долл. США (197 место в мире), в Киргизии – 1 435 долл. (185 место), а в Узбекистане – 2 243 долл. (174 место) [7]. В этих условиях радикальный исламизм стал не просто формой протеста населения против нищеты, но и способом заработать. Известно, что многие выходцы из Центральной Азии отправились воевать в ряды террористических организаций не столько из идеологических побуждений, сколько ради денег.

В условиях усиливающегося имущественного расслоения общества, авторитаризма властей, вседозволенности чиновников, масштабной коррупции и невозможности легального выражения протеста участие в радикальных исламистских организациях стало в глазах социальных низов наиболее доступным инструментом борьбы за справедливость, которая является одной из важнейших ценностей в исламе. К этому можно добавить конфликт поколений и отсутствие социальных лифтов. Львиная доля граждан из стран Центральной Азии, примкнувших к радикальным исламистам, – молодые люди до тридцати лет, не видящие иных перспектив самореализации.

1.3. Культурно-идеологические причины. Катастрофическое снижение в постсоветские годы уровня культуры и образования в государствах региона привело к тому, что сформировалось уже два поколения, легко поддающихся на идеологическую обработку радикальных исламистских организаций. Это стало результатом постепенного сворачивания деятельности школьных, внешкольных и дошкольных учреждений (детские сады, школы, библиотеки, дома пионеров, кружки, секции), действовавших в советский период. Кроме того, молодое поколение ощутило ограничение доступности высшего образования, становившееся повсеместно платным при одновременном снижении качества [8, с. 228].

В условиях, когда Советский Союз распался, правительства новых независимых государств Центральной Азии не смогли оправдать ожиданий населения, а западная демократия воспринималась им как безнравственная и амораль-

ная, возник кризис в общественном сознании. Идеологический вакуум заполняли исламисты, позиционировавшие ислам как вариант третьего пути развития человечества.

Они призывали и призывают выстраивать на его основе не только религиозные и культурные институты, но и политику, экономику, социальные отношения, что позитивно воспринимается народами региона. К тому же в этот период ушел в прошлое пролетарский интернационализм, согласовывавший интересы отдельных этносов в регионе, и ислам, не разделяющий население по национальной принадлежности, стал восприниматься новой объединяющей силой.

2. Роль евразийской интеграции в противодействии радикальному исламизму. Наиболее действенным инструментом противостояния радикальному исламизму в регионе, на наш взгляд, является евразийская интеграция.

2.1. Военно-политическое противодействие. С помощью военно-политической составляющей евразийской интеграции можно противостоять военным и террористическим угрозам силовыми методами. Центральную роль здесь призвана сыграть созданная Россией в 2002 г. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), включающая сегодня три государства региона: Казахстан, Киргизию и Таджикистан. Она проводит регулярные учения в Центральной Азии, направленные на отработку координации вооруженных сил стран-участниц. Наряду с этим на всех последних саммитах Организации одной из главных тем было противодействие вызовам и угрозам, исходящим из Афганистана, а также помощь Таджикистану в укреплении таджикско-афганской границы.

Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ состоят из мобильных армейских контингентов государств-участников и из формирований сил спецназначения, объединяющих подразделения органов безопасности и спецслужб, внутренних дел и внутренних войск, а также чрезвычайного реагирования. С 2009 г. они находятся в постоянной готовности [9]. Авиационную поддержку КСОР обеспечивает российская авиабаза в киргизском Канте.

Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. продемонстрировала эффективность и оперативность организации, ее способность быстро стабилизировать ситуацию.

Второй евразийской интеграционной структурой, способной противостоять радикальному исламизму в Центральной Азии силовыми методами, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят все страны региона, кроме Туркменистана. В Стратегии ее развития до 2025 г. подчеркивается, что «приоритетами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» [10].

ШОС регулярно проводит в регионе антитеррористические учения. Так, с 15 по 21 сентября 2016 г. в прибрежной зоне озера Иссык-Куль в Киргизии прошли учения «Мирная миссия – 2016», в ходе которых подразделения из России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана провели совместную антитеррористическую операцию [11]. Последующие учения «Мирная миссия» в 2018, 2020 и 2021 гг. проходили в России, но с участием всех четырех стран-членов из Центральной Азии.

При ШОС в 2004 г. была создана Региональная Антитеррористическая структура (РАТС) с центром в Ташкенте. С тех пор ею был сформирован единый реестр террористических организаций и лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, нейтрализовано большое количество экстремистов во всех странах ШОС.

2.2. Социально-экономические факторы. Для успешной борьбы с радикальным исламизмом необходимы не только силовые акции, но и экономические реформы, решение социальных проблем и грамотная внешняя политика с опорой на силы, заинтересованные в безопасности и стабильности региона.

Здесь важнейшую роль призван сыграть Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС). Он был сформирован для того, чтобы обеспечить кооперацию и повысить конкурентоспособность экономик союзных государств, а также жизненный уровень их населения. В настоящее время Союз обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводит скоординированную, согласованную или единую политику в различных экономических отраслях. При этом он обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество и функционирование его внутреннего рынка [12, с. 26]. Таким образом, участие в ЕАЭС дает странам региона возможность нарастить товарооборот и усилить инвестиционное сотрудничество, что приводит к росту экономики и повышению благосостояния граждан.

Кроме того, оно также открывает новые рынки за пределами Союза. Так, 29 мая 2015 г. был подписан первый договор о создании Зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом. Стороны договорились в течение 10 лет обнулить пошлины почти на 90 % товаров, что позволит увеличить товарооборот более чем в два раза [13]. На таких же принципах были позже сформулированы и подписаны договоры о Зонах свободной торговли с Ираном, Сербией, Сингапуром. Переговоры об аналогичных соглашениях и экспертная проработка ведутся с Индией, Египтом, Израилем, Таиландом, Монголией, Турцией и другими странами. Кроме того, благодаря свободному перемещению рабочей силы, снимаются многие социальные вопросы региона, связанные с перенаселением и безработицей.

Конечно, пока из региональных государств в ЕАЭС входят только Казахстан и Киргизия. Однако в декабре 2020 г. Узбекистан вступил в нее в качестве наблюдателя с перспективой на полноценное членство. Также прорабатываются возможности расширения Союза за счет других региональных республик, прежде всего Таджикистана.

Еще более масштабные перспективы просматриваются в реализации проекта Сопряжения строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», стартовавшего 8 мая 2015 г. Поскольку Центральная Азия является стыковочным звеном китайского и российского участков проекта, в его рамках в регионе планируется создать много новых инфраструктурных объектов и рабочих мест, что также должно привести к оздоровлению социально-экономической обстановки.

2.3. Культурно-идеологическая составляющая противодействия. Евразийская интеграция может также способствовать повышению образовательного и культурного уровня молодежи в странах региона благодаря усилению культурно-гуманитарного сотрудничества. Уже сейчас увеличивается приток абитуриентов из Центральной Азии в учебные заведения России и откры-

ваются филиалы российских вузов в регионе. Например, филиалы МГУ действуют в Астане, Ташкенте и Душанбе. Кроме того, Россия создает в рамках реализации культурно-гуманитарных аспектов евразийских интеграционных процессов совместные с государствами региона учебные заведения, преподающие на русском языке и по российским программам: Киргизско-Российский Славянский университет (КРСУ), Российско-Таджикский Славянский университет (РТСУ), Российско-Туркменская средняя общеобразовательная школа им. А.С. Пушкина. Как показывает анализ их деятельности, они вносят большой вклад в развитие поликультурного образования и противодействия радикализму в центральной Азии [14]. Однако для успешной реализации евразийской интеграционной политики она, на наш взгляд, должна быть дополнена созданием специализированного культурно-гуманитарного интеграционного объединения.

Кроме того, чрезвычайно важно противопоставить радикальному исламу позитивную идеологию, направленную на межнациональное и межконфессиональное согласие, континентальную интеграцию, поддержку культурных, национальных, религиозных особенностей. Такой идеологией, на наш взгляд, является евразийство.

При этом оно не противоречит традиционному умеренному исламу и не враждебно ему. Напротив, евразийство предполагает максимально бережное сохранение культур, религий, национальных обычаев всех народов Евразии, межнациональный и межконфессиональный диалог. Об этом говорят не только политики и исследователи, но также исламские лидеры и богословы, как в России, так и в Центральной Азии. Так, например, Талгат Таджуддин, Верховный муфтий Центрального Духовного управления мусульман России, подчеркивал, что «ваххабитов и экстремистов всех мастей евразийское движение не устраивает. И в этом для нас признак верности движения» [15, с. 67]. А Муфтий Казахстана Шейх Абсарат хаджи Дербисали отмечал, что геополитическое положение Казахстана предполагает «не столкновение, а диалог цивилизаций» [16, с. 294].

Обсуждение

Возникновение и развитие радикального исламизма в Центральной Азии, а также возникающие в связи с этим угрозы региональной безопасности рассматриваются в той или иной степени в ряде научных работ. Общий анализ международных отношений в регионе и влияния ислама на политическую ситуацию дается в коллективных монографиях «Россия – Средняя Азия: политика и ислам в конце XVIII – начале XXI в.» [17], «Годы, которые изменили Центральную Азию» [18] и «Международные отношения в Центральной Азии» [19].

В монографии И.Д. Звягельской «Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении» [20] анализируются общие процессы десекуляризации и усиление религиозного фактора и межконфессионального соперничества в Центральной Азии. Работа К.И. Полякова «Исламский экстремизм в Центральной Азии» [21] посвящена рассмотрению вопросов зарождения и развития исламского экстремизма в странах Центральной Азии. А.А. Казанцев в работе «Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан» [22] проводит исследование взаимосвязей, сформировавшихся между религиозными экстремистами в раз-

ных регионах постсоветского пространства, а также на Ближнем Востоке и в Южной Азии.

Зарубежные исследователи также обращались к данной тематике. Так, Арне К. Зайферт (Германия) в работе «Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать?» [23] рассматривает необходимость выдвижения политических ненасильственных методов предупреждения религиозной радикализации, ведущей к экстремизму и терроризму в регионе. Адиб Халид (США) в монографии «Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии» [8] исследует истоки появления исламистских организаций.

В то же время целый ряд работ посвящен исследованию евразийских интеграционных структур. Так, например, К.Е. Мещеряков в работе «Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России» [24] рассматривает истоки евразийской интеграции. Коллективная монография «Евразийский экономический союз» [25] исследует экономическую интеграцию на постсоветском пространстве и принципы деятельности ЕАЭС. А.Я. Бабаджанов в работе «Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: Проблема сочетаемости национальных подходов» [26] рассматривает функционирование ОДКБ. А Р.К. Алимов в монографии «Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы» исследует все аспекты деятельности ШОС [27].

Однако ни в одной из вышеупомянутых работ евразийские интеграционные процессы и структуры не рассматриваются в качестве инструмента для противодействия радикальному исламизму в Центральной Азии. Восполнению этого пробела и посвящена настоящая статья.

Выводы

Таким образом, мы видим, что радикальный исламизм в настоящее время становится одной из самых серьезных угроз региональной безопасности в Центральной Азии. Его возникновению и развитию способствовал целый комплекс политических, социально-экономических и культурно-идеологических факторов.

«Арабская весна» и экспансия так называемого Исламского государства (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ) стали мощными катализаторами для расширения рядов радикальных исламистов в регионе. А в условиях обострения глобального противоборства повышается значимость безопасности Центральной Азии как «мягкого подбрюшья» России. Коллективный Запад стремится создать здесь второй фронт для нашей страны, в связи с чем подпитывает экстремистские организации исламистской направленности.

Поэтому необходимо противостоять радикальному исламизму в Центральной Азии всеми имеющимися средствами. Однако сделать это успешно возможно лишь сообща, силами России, государств региона и их союзников. При этом необходимо использовать весь потенциал, заложенный в евразийской интеграции, и охватывающий военно-политические, социально-экономические и культурно-гуманитарные аспекты развития и сотрудничества.

Так, развитие экономической интеграции, прежде всего в рамках ЕАЭС, позволит купировать многие негативные социальные факторы, являющиеся питательной средой радикального исламизма. Для этого надо стимулировать вхождение в Евразийский Союз Таджикистана, ранее уже бывшего членом ЕвразЭС, и Узбекистана, являющегося наблюдателем в ЕАЭС. Развитие воен-

но-политической интеграции, как в рамках ОДКБ, так и в ШОС, позволит противостоять экстремистским исламистским организациям силовыми средствами, не допуская дестабилизации ситуации. А создание культурно-гуманитарного интеграционного объединения евразийской направленности с участием России и стран Центральной Азии позволит ликвидировать идеологические пробелы, заполняемые в сознании местного населения радикальным исламизмом.

В перспективе успешное проведение евразийской интеграции должно привести к формированию многоуровневой интеграционной модели в Евразии, Большого евразийского партнерства, о чем В.В. Путин говорил на Международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине 14 мая 2017 г. [28]. И в рамках такой «интеграции интеграций» станет возможным более эффективное противодействие любому экстремизму, включая и радикальный исламизм.

Список источников

1. Decade Forecast: 2015–2025. URL: <https://www.stratfor.com/article/decade-forecast-2015-2025/> (дата обращения: 06.11.2022).
2. Сколько граждан РФ и ЦА воюют в отрядах ИГИЛ? // Новости Узбекистана. URL: <http://nuz.uz/antiterror/8099-skolko-grazhdan-rf-i-ca-vouyut-v-otryadah-igil.html/> (дата обращения: 06.11.2022).
3. Волков К. Экс-полковник станет мишенью. Бывший глава таджикского ОМО-На возглавил ДАИШ // Российская газета. Столичный выпуск. 2016. № 198 (7066).
4. Махкамов М. Исламский экстремизм и его геополитическое влияние на государства СНГ // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. С. 286–294.
5. Звягельская И.Д. Исламское возрождение в Центральной Азии: причины и игроки // Исламский фактор в истории и современности. М.: ИВ РАН, 2011. С. 475–485.
6. Производство и потребление в СССР по республикам. URL: <http://iamruss.ru/production-and-consumption-in-the-ussr/> (дата обращения: 06.11.2022).
7. International Monetary Fund (IMF). Regional Economic Outlook Middle East and Central Asia. 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October/select-subjects?a=1&c=400/> (дата обращения: 06.11.2022).
8. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 304 с.
9. Бордюжа Н.Н. ОДКБ – гарант стабильности и безопасности в Евразии // Независимое военное обозрение. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-04-20/1_odkb.html?print=Y/ (дата обращения: 06.11.2022).
10. Стратегии развития ШОС до 2025 г. // Официальный сайт ШОС. URL: <http://sco-russia.ru/documents/> (дата обращения: 06.11.2022).
11. Генштаб: учения стран ШОС «Мирная миссия – 2016» показали высокие результаты // РИА Новости. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160921/1477492550.html/ (дата обращения: 06.11.2022).
12. Евразийская экономическая интеграция. Цифры и факты. 2017 г., первое полугодие // Библиотека евразийской интеграции. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2017. 80 с.
13. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union, and its Member States of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. URL: <http://www.eaeunion.org/#about/> (дата обращения: 06.11.2022).

14. *Белоглазов А.В.* Роль России в организации и развитии современного поликультурного образования в государствах Центральной Азии // Педагогическое образование в изменяющемся мире: сборник научных трудов III Международного форума по педагогическому образованию. Казань: Отечество, 2017. Ч. 1. С. 88–93.
15. *Таджуддин Т.* Евразийство есть самый гармоничный и искренний российский патриотизм // Основы евразийства. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 64–70.
16. *Дербисали А.Б.* Ислам – религия мира и созидания: теологическо-религиоведческие, историко-филологические исследования, статьи, размышления, доклады и интервью. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 516 с.
17. Россия – Средняя Азия: политика и ислам в конце XVIII – начале XXI в. М.: Издательство Московского университета, 2013. 480 с.
18. Годы, которые изменили Центральную Азию / рук. проекта: В.В. Наумкин, П. Линке; отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. 332 с.
19. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы / под ред. А.Д. Богатунова. М.: Аспект Пресс, 2014. 560 с.
20. *Звягельская И.Д.* Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2019. 224 с.
21. *Поляков К.И.* Исламский экстремизм в Центральной Азии / отв. ред.: В.В. Наумкин, Р.Я. Эмануилов. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 136 с.
22. *Казанцев А.А.* Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан. М.: МГИМО-Университет, 2020. 256 с.
23. *Зайферт А.К.* Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать? / отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 69 с.
24. *Мещеряков К.Е.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб.: Скифия-принт, 2012. 237 с.
25. *Винокуров Е.Ю., Коршунов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В.* Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
26. *Бабаджанов А.Я.* Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов. М.: Аспект Пресс, 2014. 256 с.
27. *Алимов Р.К.* Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.
28. Международный форум «Один пояс, один путь». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491/> (дата обращения: 06.11.2022).

Информация об авторе

Белоглазов Альберт Владиславович. Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-1982-9519; e-mail: Albert.Beloglazov@kpfu.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Decade Forecast: 2015–2025. URL: <https://www.stratfor.com/article/decade-forecast-2015-2025/> (access date: 06.11.2022).
2. How many citizens of the Russian Federation and Central Asia are fighting in ISIS units? // News of Uzbekistan. URL: <http://nuz.uz/antiterror/8099-skolko-grazhdan-rf-i-ca-voyuyut-v-otryadah-igil.html/> (access date: 06.11.2022).
3. Volkov K. The ex-colonel will become a target. The former head of the Tajik riot police headed Daesh // Rossiyskaya Gazeta. Capital Issue. 2016. No. 198 (7066).
4. Makhkamov M. Islamic extremism and its geopolitical influence on the CIS states // Islam and politics (interaction of Islam and politics in the countries of the Near and Middle East, the Caucasus and Central Asia). M.: IV RAS; Kraft+, 2001. P. 286–294.
5. Zvyagelskaya I.D. Islamic revival in Central Asia: causes and players // Islamic factor in history and modernity. M.: IV RAS, 2011. P. 475–485.
6. Production and consumption in the USSR by republic. URL: <http://iamruss.ru/production-and-consumption-in-the-ussr/> (access date: 06.11.2022).
7. International Monetary Fund (IMF). Regional Economic Outlook Middle East and Central Asia. 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October/select-subjects?a=1&c=400/> (access date: 06.11.2022).
8. Khalid A. Islam after communism: Religion and politics in Central Asia. M.: New Literary Review, 2010. 304 p.
9. Bordyuzha N.N. The CSTO is a guarantor of stability and security in Eurasia // Independent Military Review. 04/20/2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-04-20/1_odkb.html?print=Y/ (access date: 06.11.2022).
10. SCO development strategies until 2025 // Official website of the SCO. URL: <http://sco-russia.ru/documents/> (access date: 06.11.2022).
11. General Staff: the SCO countries' exercises "Peaceful Mission 2016" showed good results // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160921/1477492550.html/ (access date: 06.11.2022).
12. Eurasian economic integration. Figures and facts. 2017, first half of the year // Library of Eurasian Integration. M.: Eurasian Economic Commission, 2017. 80 p.
13. Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union, and its Member States of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part. URL: <http://www.eaeunion.org/#about/> (access date: 06.11.2022).
14. Beloglazov A.V. The role of Russia in the organization and development of modern multicultural education in the states of Central Asia // Pedagogical education in a changing world: Collection of scientific papers of the III International Forum on Teacher Education. Kazan: Fatherland, 2017. Part 1. P. 88–93.
15. Tadzhuiddin T. Eurasianism is the most harmonious and sincere Russian patriotism // Fundamentals of Eurasianism. M.: Arktogeya-Center, 2002. P. 64–70.
16. Derbisali A.B. Islam is a religion of peace and creation. Theological, religious, historical and philological studies, articles, reflections, reports and interviews. Almaty: Dyke-Press, 2010. 516 p.
17. Russia – Central Asia: Politics and Islam at the end of the 18th – beginning of the 21st century. M.: Moscow University Publishing House, 2013. 480 p.
18. The years that changed Central Asia / ruk. project: V.V. Naumkin, P. Linke; resp. ed. I.D. Zvyagelskaya. M.: IV RAS; CSPI, 2009. 332 p.
19. International relations in Central Asia: events and documents / ed. by A.D. Bogaturova. M.: Aspect Press, 2014. 560 p.
20. Zvyagelskaya I.D. Middle East and Central Asia: global trends in regional implementation. M.: Aspect Press, 2019. 224 p.

21. Polyakov K.I. Islamic extremism in Central Asia / rep. ed.: V.V. Naumkin, R.Ya. Emanuilov. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2014. 136 p.
22. Kazantsev A.A. International networks of jihadism: Central Asia, the Caucasus, the Middle East and Afghanistan. M.: MGIMO-University, 2020. 256 p.
23. Seifert A.K. Civil counteraction to religious radicalism in Central Asia – where to start? / rep. ed. V.A. Kuznetsov. M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2020. 69 p.
24. Meshcheryakov K.E. Integration processes in the post-Soviet space and Russia's participation in them. SPb.: Scythia-print, 2012. 237 p.
25. Vinokurov E.Yu., Korshunov D.A., Pereboev V.S., Tsukarev T.V. Eurasian Economic Union. SPb.: EDB Center for Research and Development. 2017. 296 p.
26. Babajanov A.Ya. Military-political cooperation of post-Soviet states: the problem of compatibility of national approaches. M.: Aspect Press. 2014. 256 p.
27. Alimov R.K. Shanghai Cooperation Organization: formation, development, prospects M.: Ves Mir, 2017. 336 p.
28. International Forum “One Belt, One Road”. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491/> (access date: 06.11.2022).

About the author

Beloglazov Albert Vladislavovich. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1982-9519; e-mail: Albert.Beloglazov@kpfu.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Назаров Равшан Ринатович¹

¹*Институт государства и права Академии наук Республики Узбекистан,*

Ташкент, Республика Узбекистан

ORCID: 0000-0003-3773-9442; e-mail: Shon2002@yandex.ru

Аннотация. Центральная Азия представляет собой важный во многих отношениях (минерально-сырьевые ресурсы, транспортно-логистический потенциал, трудовые ресурсы, геополитическое положение и т. д.) регион в самом центре Евразии. Здесь сходятся многие маршруты – с Запада на Восток и с Севера на Юг. Поэтому сохранение стабильности и укрепление безопасности данного региона – задача, важная не только непосредственно для государств региона, но также и для глобальных и региональных акторов, а также для международных организаций. Основной фокус нашего внимания – внутривосточные, внешнеполитические и международно-правовые аспекты становления и укрепления системы региональной безопасности.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, Центральная Азия, постсоветское пространство, СНГ, безопасность, международное право.

SECURITY OF CENTRAL ASIA: POLITICAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Nazarov Ravshan Rinatovich¹

¹*Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,*

Tashkent, Republic of Uzbekistan

ORCID: 0000-0003-3773-9442; e-mail: Shon2002@yandex.ru

Abstract. Central Asia is an important region in many respects (mineral resources, transport and logistics potential, labor resources, geopolitical position, etc.) in the very center of Eurasia. Many routes converge here – from West to East and from North to South. Therefore, maintaining stability and strengthening the security of this region is an important task not only directly for the States of the region, but also for global and regional actors, as well as for international organizations. The main focus of our attention is the domestic, foreign policy and international legal aspects of the formation and strengthening of the regional security system.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, Central Asia, Post-Soviet space, CIS, security, international law.

Введение

Во избежание каких бы то ни было терминологических недопониманий сразу уточним, что автор понимает регион Центральной Азии только как пост-

советскую «пятерку» бывших советских республик, они же ранее – «Средняя Азия и Казахстан», иными словами – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Любое другое понимание термина «Центральная Азия» с включением в это понятие любых других государств и территорий (Афганистан, Хорасан, Кашмир, Синьцзян и т. д.) – вне поля нашего профессионального анализа.

Важными аспектами безопасности региона Центральной Азии являются: участие всех пяти государств региона в деятельности Содружества независимых государств (СНГ) [5; 19], участие лидеров всех государств региона в ежегодных Консультативных встречах глав государств Центральной Азии [17], участие ряда государств региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) в деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) [13; 32], участие ряда государств региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [20, с. 25–36], сотрудничество государств региона в сфере безопасности – между собой [3, с. 19–24], сотрудничество государств региона в сфере безопасности с внерегиональными акторами (прежде всего с Российской Федерацией) [11].

Материалы и методы

Формирование ЦА как особого геополитического региона началось в начале 1990-х гг. Сразу после заключения трехсторонних Беловежских соглашений о создании СНГ 13 декабря 1991 г. в Ашхабаде встретились лидеры Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. Политико-правовым итогом данной встречи стало общее заявление, в котором страны выразили согласие войти в новую организацию при условии обеспечения равноправного участия всех субъектов Союза и признания всех государств СНГ в качестве учредителей [1, с. 912].

В июне 1992 г. два ключевых государства региона – Узбекистан и Казахстан подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Ряд статей Договора посвящены тем или иным аспектам безопасности: признание и уважение территориальной целостности и нерушимости границ (ст. 2); содействие развитию и укреплению дружественных отношений между государствами, защите прав человека, *обеспечению безопасности народов* (ст. 3), содействие *процессу разоружения* под международным контролем (ст. 6), обеспечение *экологической безопасности*, предотвращение загрязнения окружающей среды, рационализация природопользования, помощь при природно-экологических катастрофах (ст. 11–12), согласованная оборонная политика, обеспечение взаимодействия в охране границ, *сохранение мира и безопасности в регионе* (ст. 18), сотрудничество в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, оружия и контрабандой (ст. 22) [8].

Результаты исследования

4 января 1993 г. в Ташкенте состоялось очередное совещание глав государств региона, на котором участники договорились отказаться от прежнего громоздкого и не очень удобного термина «Средняя Азия и Казахстан» и перейти к использованию термина «Центральная Азия» [16]. Первое время во из-

бежание путаницы со «старой» ЦА (Монголия, Тибет, юг Сибири и т. д.) употреблялись термины «новая ЦА» [23] или «постсоветская ЦА» [6, с. 53–66]. К рубежу веков термин достаточно хорошо прижился и сегодня стал общепотребительным, причем как в самом регионе, так и за его пределами.

В октябре 1998 г. Узбекистан и Казахстан подписали Договор о вечной дружбе, многие статьи которого также охватывают вопросы безопасности: предотвращение угрозы независимости и суверенитету, территориальной целостности и проведению независимой политики (ст. 4), взаимодействие в целях укрепления мира, повышения *международной стабильности и безопасности* в Центральной Азии, укрепления *коллективной безопасности*, урегулирования региональных конфликтов (ст. 5), обеспечение *экологической безопасности*, борьба с последствиями экологических катастроф и антропогенного воздействия на природную среду (ст. 16), сотрудничество в борьбе с терроризмом, оргпреступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, контрабандой оружия, незаконной продажей культурных ценностей, легализацией противоправных доходов (ст. 19).

В апреле 2000 г. четыре государства региона (кроме Туркменистана) подписали Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности [7], а в августе 2000 г. президенты этих же четырех государств приняли Совместное Заявление о более тесном сотрудничестве в борьбе против международного терроризма.

В июне 2013 г. в Ташкенте был подписан Договор о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и Казахстаном. Согласно документу стороны взаимодействуют в целях укрепления мира, повышения стабильности и безопасности в регионе (ст. 3), содействуют международным усилиям ООН по обеспечению глобальной и региональной безопасности (ст. 4), сотрудничают в сфере экологической безопасности (ст. 8), сотрудничают в военной и военно-технической сферах, в области гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ст. 9), координируют усилия по ликвидации угроз и вызовов безопасности, таких как терроризм, наркотрафик, контрабанда оружия и т. д. (ст. 12) [11].

В марте 2017 г. в Ашхабаде был заключен Договор о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и Туркменистаном, ратифицированный в июне 2017 г. [14]. Согласно указанному Договору стороны: не предпринимают каких-либо действий, включая заключение договоров с третьими странами, наносящих ущерб суверенитету, *безопасности* и территориальной целостности друг друга (ст. 2), содействуют международным усилиям ООН по нераспространению ядерного оружия, обеспечению глобальной и региональной безопасности (ст. 3), поддерживают создание надежных и *безопасных* транспортных коридоров, отвечающих экономическим интересам обеих сторон (ст. 6), способствуют водно-энергетической и экологической *безопасности* региона ЦА (ст. 7), сотрудничают в военной и военно-технической сферах, в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ст. 8), координируют усилия, направленные на противодействие транснациональной организованной преступности, другим угрозам и вызовам *безопасности* (ст. 9) [12].

В августе 2018 г. был заключен Договор между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан о стратегическом партнерстве, ряд статей которого также посвящен вопросам безопасности [9].

В июле 2021 г. в Ташкенте прошла Международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности». Комментируя ее итоги, известный политолог И.Д. Звягельская отметила: «В настоящее время значимость этой региональной части в системе международной безопасности резко возросла, выветив неразделимость безопасности и показав возрастающую зависимость от нее любых планов социально-экономического развития» [15].

На состоявшейся в августе 2021 г. в Туркменбаши (Туркменистан) Третьей Консультативной встрече глав государств Центральной Азии было принято Совместное заявление из 28 пунктов, многие из которых были посвящены вопросам региональной безопасности: решение вопросов афганского урегулирования (п. 7), создание диалога по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии в качестве постоянно действующей консультативной платформы (п. 8), вопросы информационной безопасности (п. 15), сохранение экологической безопасности, проблемы Арала, рациональное использование водных и земельных ресурсов, сохранение биоразнообразия (п. 16–18), вопросы борьбы с пандемией коронавируса и другими инфекциями, обеспечение медицинской и биологической безопасности (п. 19), вопрос развития «зеленых коридоров» в целях продовольственной безопасности региона (п. 20), подготовка Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в целях развития Центральной Азии в XXI в. (п. 25) [27].

В июле 2022 г. в г. Чолпон-Ата (Кыргызстан) состоялась Четвертая Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. На ней было принято Совместное заявление из 34 пунктов, ряд из которых отвечали на вопросы, касающиеся различных аспектов безопасности: приверженность открытости и широкому взаимодействию в интересах обеспечения мира, стабильности, *безопасности и устойчивого развития в регионе* и мире (преамбула), консолидация усилий в деле ядерного разоружения и нераспространения (п. 8), дальнейшее развитие взаимодействия по вопросам обеспечения *радиационной, химической, биологической безопасности* (п. 9), обеспечение *информационной безопасности* (п. 10), взаимодействие в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией, трансграничной организованной преступностью, наркотрафиком (п. 11), *обеспечение безопасности и стабильности* в Афганистане (п. 12), сотрудничество в области сельского хозяйства и обеспечение *продовольственной безопасности* (п. 21), *экологическая безопасность*, развитие «зеленых технологий», ресурсосбережение, рациональное использование водных, энергетических, минеральных ресурсов (п. 22–23), развитие санитарно-эпидемиологической и медицинской безопасности (п. 31) [1].

В рамках укрепления военного сотрудничества стран региона в августе 2022 г. вышло Постановление Президента Узбекистана «О мерах по совершенствованию системы подготовки и обучения военных кадров зарубежных государств в Университете общественной безопасности Республики Узбекистан», в котором указано, что Национальной гвардией РУз подписаны Меморандумы о взаимопонимании с МВД Беларуси, МВД Казахстана, Национальной гвардией Вооруженных Сил Кыргызстана, Национальной гвардией Таджикистана и «определено осуществление сотрудничества по подготовке и обучению кадров» [24]. С этой целью в структуре Университета общественной безопасности РУз создан факультет по работе с зарубежными военными кадрами.

В октябре 2022 г. в Астане состоялся саммит «Центральная Азия + Россия». По итогам саммита было принято совместное заявление, в котором значительное место было уделено вопросам безопасности: формирование устойчивой архитектуры международной безопасности на основе равноправия и взаимного учета интересов всех сторон; стабилизация ситуации в Афганистане; координация усилий в борьбе с международными террористическими, радикально-экстремистскими группировками и наркопреступностью; противодействие терроризму и экстремизму, нелегальной миграции, незаконному производству и обороту наркотиков; нейтрализация угроз в области международной информационной безопасности, противодействие обострению конфронтации в глобальном медиапространстве; борьба с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [26].

Сразу после саммита состоялся экспертный форум в том же страновом формате. Как отметил участник форума, известный политолог С. Притчин: «Россия традиционно выступает для Центральной Азии наиболее важным партнером. Я бы сказал, что она играет ключевую роль для поддержания внутривнутриполитической стабильности государств региона. Россия также оказывает миротворческую поддержку, обеспечивает безопасность от внешних рисков и вызовов – как в многосторонних, так и в двусторонних форматах. По самым разным угрозам (ситуация в Афганистане, терроризм, наркотрафик) у России и центральноазиатских стран есть успешный опыт взаимодействия и схожие позиции» [25].

В ноябре 2022 г. в Самарканде состоялось заседание глав стран – участниц Организации тюркских государств, на котором было отмечено: «приоритетное направление – обеспечение безопасности в нашем регионе. Указано на важность постоянных контактов и укрепления взаимодействия между правоохранительными органами и специальными службами в борьбе с терроризмом, экстремизмом, радикализацией молодежи, торговлей людьми, наркотрафиком, в сферах обеспечения общественной и кибербезопасности» [28].

В ноябре 2022 г. состоялась десятая встреча председателя Исполкома СНГ С. Лебедева с генеральным секретарем ОДКБ С. Засем и генеральным секретарем ШОС Чжан Мином. С. Лебедев отметил: «Координация и сопряжение работы в рамках трех наших организаций должны стать надежным инструментом для снижения международной напряженности и предотвращения конфликтов, содействовать обеспечению безопасности и росту благополучия народов» [4].

Надо иметь в виду, что безопасность в регионе ЦА – это не статичный, а очень динамичный, развивающийся процесс [31].

Обсуждение

Некоторые эксперты (особенно внерегиональные) алармистски и критически рассматривают ситуацию в регионе. Так, Т.Х. Мелоян полагает, что «необходимо отметить наличие широкого спектра проблем политического, экономического, экологического и социального характера, оказывающих давление на безопасность в Центрально-Азиатском регионе. Клановая система государственного управления, отток рабочей силы и вызванное этим падение валового ВВП во многом непосредственно инициирует развитие религиозного экстремизма и внутрирегионального и межнационального терроризма, а конфликты на приграничных территориях предполагают под собой риск дальнейшего ухудшения политической и социальной ситуации в республиках» [21].

Выводы

Безусловно, реальные сложности и проблемы безопасности региона, особенно в 2021–2022 гг. характеризовались целым рядом реальных проблем и угроз:

- вывод войск западной коалиции и приход к власти в Афганистане движения «Талибан» (признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ), в связи с чем серьезно осложнилась приграничная ситуация, особенно в зоне границ Афганистана с Таджикистаном [29];
- январские события 2022 г. («Черный январь») в Казахстане [22];
- июльские волнения в Каракалпакстане [30];
- серьезные проблемы на границе Кыргызстана и Таджикистана [18];
- возрастание угроз со стороны международного экстремизма, радикализма и терроризма.

Однако, на наш взгляд, ситуация в регионе, хотя и далека от идиллии, все же не является такой уж безнадежной. Страны Центрально-Азиатского региона за 30 лет суверенитета накопили достаточный опыт строительства и укрепления национальной государственности во всех отношениях, включая и *сферу безопасности*. Развитие сотрудничества в данной сфере в двусторонних и многосторонних форматах позволяет надеяться на сохранение относительной стабильности в регионе.

Список источников

1. 21 июля в г. Чолпон-Ата состоялась IV Консультативная встреча глав государств Центральной Азии. URL: https://e-cis.info/news/568/101986/?sphrase_id=46729/ (дата обращения: 22.11.2022).
2. *Аббасов Ф.Ф., Рахимов Б.* Содружество Независимых Государств: история создания и перспективы развития // Academic Research in Educational Sciences. 2022. Т. 3. № 1. С. 912–924.
3. *Аземкулова А.Ш.* Интеграция – важнейшее условие обеспечения безопасности стран Центральной Азии и роль политической элиты // Вестник Дипломатической академии МИД КР имени К. Дикамбаева. 2020. № 13. С. 19–24.
4. В Москве прошла встреча председателя Исполкома СНГ и генеральных секретарей ОДКБ и ШОС. URL: <https://e-cis.info/news/564/104748/> (дата обращения: 22.11.2022).
5. *Вардазарян С.С.* Система коллективной безопасности стран-членов СНГ // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).11.
6. *Грозин А.* Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). С. 53–66.
7. Договор между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, трансграничной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/17088/10/> (дата обращения: 22.11.2022).
8. Договор между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Туркестан, 24 июня 1992 г.). URL: <https://lex.uz/docs/4634868/> (дата обращения: 22.11.2022).
9. Договор между Республикой Узбекистан и Республикой Таджикистан о стратегическом партнерстве (Ташкент, 17 августа 2018 г.). URL: <http://old.lex.uz/docs/4147689/> (дата обращения: 22.11.2022).

10. Договор между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан «О развитии военно-технического сотрудничества» от 29.11.2016. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=294095/> (дата обращения: 22.11.2022).
11. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан от 14 июня 2013 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000201/> (дата обращения: 22.11.2022).
12. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Туркменистаном (Ашхабад, 6 марта 2017 г.). URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/4647214/> (дата обращения: 22.11.2022).
13. Евсеев В.В. ОДКБ и безопасность на постсоветском пространстве. Постсоветский материк. 2021. № 2 (30). С. 13–24.
14. Закон Республики Узбекистан от 01.06.2017 № ЗРУ-433 «О ратификации Договора о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Туркменистаном (Ашхабад, 6 марта 2017 г.)» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 22. Ст. 409.
15. *Звягельская И.Д.* Взаимосвязанность Центральной и Южной Азии: конференция в Ташкенте оценила вызовы и возможности межрегионального сотрудничества. URL: <https://www.kp.ru/daily/28314.5/4455759/> (дата обращения: 22.11.2022).
16. История введения термина «Центральная Азия» вместо «Казахстан и Средняя Азия». URL: <https://zolord.ru/interesting/3140/> (дата обращения: 22.11.2022).
17. Качественно новый этап развития регионального диалога на высшем уровне. URL: <https://uza.uz/ru/posts/kachestvenno-novyy-etap-razvitiya-regionalnogo-dialoga-na-vy-30-11-2019/> (дата обращения: 22.11.2022).
18. Конфликт на кыргызско-таджикской границе. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/09/18/conflict-kg-taj/> (дата обращения: 22.11.2022).
19. *Лазович М.* Роль СНГ и ОДКБ в обеспечении безопасности Центральной Азии. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/rol-sng-i-odkb-v-obespechenii-bezopasnosti-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 22.11.2022).
20. *Мальшева Д.Б.* Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности в Азии // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 4 (49). С. 25–36.
21. *Мелоян Т.Х.* Проблемы безопасности в Центральной Азии в XXI в. и пути их решения. Оценки. Прогнозы. Рекомендации. URL: <https://ia-centr.ru/mediatorcis/mediatorcis2020/problemy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii-v-xxi-veke-i-puti-ikh-resheniya-otsenki-prognozy-rekomendats/> (дата обращения: 22.11.2022).
22. *Назаров Р.Р.* Последствия событий в Казахстане станут дополнительным экономическим бременем для страны и народа. URL: <https://nuz.uz/svobodnoemnenie/1220314-posledstviya-sobytij-v-kazahstane-stantut-dopolnitelnym-ekonomicheskim-bremenem-dlya-strany-i-naroda.html/> (дата обращения: 22.11.2022).
23. Новая Центральная Азия. Какое будущее ждет регион? URL: <https://vlask.kz/novosti/35499-novaa-centralnaa-azia-kakoe-budusee-zdet-region.html/> (дата обращения: 22.11.2022).
24. Постановление Президента Республики Узбекистан от 16 августа 2022 г. № ПП-352 «О мерах по совершенствованию системы подготовки и обучения военных кадров зарубежных государств в Университете общественной безопасности Республики Узбекистан». URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/6159547/> (дата обращения: 22.11.2022).

25. *Притчин С.* Россия – ответственный игрок, нацеленный на безопасность в Центральной Азии. URL: https://e-cis.info/news/566/104122/?sphrase_id=46731/ (дата обращения: 22.11.2022).
26. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи «Центральная Азия – Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5857/> (дата обращения: 22.11.2022).
27. Совместное Заявление по итогам Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии от 6 августа 2021 г. URL: <https://e-cis.info/news/568/93891/> (дата обращения: 22.11.2022).
28. Состоялось заседание глав стран-участниц Организации тюркских государств. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5689/> (дата обращения: 22.11.2022).
29. *Сулаймони И.* Как враждуют и сотрудничают Таджикистан и «Талибан»? URL: <https://asiaplustj.info/news/centralasia/20220217/tochki-soprikosnoveniya-kak-vrazhduyut-i-sotrudnichayut-tadzhikistan-i-taliban/> (дата обращения: 22.11.2022).
30. Указ Президента Республики Узбекистан от 2 июля 2022 г. «О введении чрезвычайного положения на территории Республики Каракалпакстан». URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5306/> (дата обращения: 22.11.2022).
31. *Хасанов У.* Центральная Азия: региональная безопасность как процесс. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-regionalnaya-bezopasnost/> (дата обращения: 22.11.2022).
32. *Щеколдина Т.И.* Контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность ОДКБ // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1373–1384.

Информация об авторе

Назаров Равшан Ринатович. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан. ORCID: 0000-0003-3773-9442; e-mail: Shon2002@yandex.ru; Адрес: 100047, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Я. Гуломова, д. 70, Академия наук Республики Узбекистан.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. On July 21, the fourth Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia took place in Cholpon-Ata. URL: https://e-cis.info/news/568/101986/?sphrase_id=46729/ (access date: 22.11.2022).
2. Abbasov F.F., Rakhimov B. Commonwealth of Independent States: History of creation and development prospects // Academic Research in Educational Sciences. 2022. Т. 3. No. 1. P. 912–924.
3. Azemkulova A.Sh. Integration is the most important condition for ensuring the security of the countries of Central Asia and the role of the political elite // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambaeva. 2020. No. 13. P. 19–24.
4. A meeting was held in Moscow between the Chairman of the CIS Executive Committee and the Secretaries General of the CSTO and the SCO. URL: <https://e-cis.info/news/564/104748/> (access date: 22.11.2022).
5. Vardazaryan S.S. Collective security system of the CIS member countries // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. No. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(3).11.

6. Grozin A. Post-Soviet Central Asia: New geopolitical trends and Russian interests // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 5 (53). P. 53–66.
7. Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan on joint actions to combat terrorism, political and religious extremism, transnational organized crime and other threats to stability and security. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/17088/10/> (access date: 22.11.2022).
8. Agreement between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Kazakhstan on friendship, cooperation and mutual assistance (Turkestan, June 24, 1992). URL: <https://lex.uz/docs/4634868/> (access date: 22.11.2022).
9. Agreement between the Republic of Uzbekistan and the Republic of Tajikistan on strategic partnership (Tashkent, August 17, 2018). URL: <http://old.lex.uz/docs/4147689/> (access date: 22.11.2022).
10. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan “On the development of military-technical cooperation” dated November 29, 2016. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=294095/> (access date: 22.11.2022).
11. Agreement on strategic partnership between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan dated June 14, 2013. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000201/> (access date: 22.11.2022).
12. Agreement on strategic partnership between the Republic of Uzbekistan and Turkmenistan (Ashgabat, March 6, 2017). URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/4647214/> (access date: 22.11.2022).
13. Evseev V.V. CSTO and security in the post-Soviet space // Post-Soviet Continent. 2021. No. 2 (30). P. 13–24.
14. Law of the Republic of Uzbekistan dated 01.06.2017 No. ZRU-433 “On the ratification of the Agreement on Strategic Partnership between the Republic of Uzbekistan and Turkmenistan (Ashgabat, March 6, 2017)” // Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan. 2017. No. 22. Art. 409.
15. Zvyagelskaya I.D. The interconnectedness of Central and South Asia: The conference in Tashkent assessed the challenges and opportunities of interregional cooperation. URL: <https://www.kp.ru/daily/28314.5/4455759/> (access date: 22.11.2022).
16. History of the introduction of the term “Central Asia” instead of “Kazakhstan and Central Asia”. URL: <https://zolord.ru/interesting/3140/> (access date: 22.11.2022).
17. A qualitatively new stage in the development of regional dialogue at the highest level. URL: <https://uza.uz/ru/posts/kachestvenno-novyy-etap-razvitiya-regionalnogo-dialoga-na-vy-30-11-2019/> (access date: 22.11.2022).
18. Conflict on the Kyrgyz-Tajik border. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/09/18/conflict-kg-taj/> (access date: 22.11.2022).
19. Lazovich M. The role of the CIS and CSTO in ensuring the security of Central Asia. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/rol-sng-i-odkb-v-obespechenii-bezopasnosti-tsentralnoy-azii/> (access date: 22.11.2022).
20. Malysheva D.B. Shanghai Cooperation Organization and security problems in Asia // Russia and the New States of Eurasia. 2020. No. 4 (49). P. 25–36.
21. Meloyan T.Kh. Security problems in Central Asia in the 21st century and ways to solve them. Ratings. Forecasts. Recommendations. URL: <https://ia-centr.ru/mediatorcis/mediatorcis2020/problemy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii-v-xxi-veke-i-puti-ikh-resheniya-otsenki-prognozy-rekomendats/> (access date: 22.11.2022).
22. Nazarov R.R. The consequences of events in Kazakhstan will become an additional economic burden for the country and people. URL: <https://nuz.uz/svobodnoe->

- mnenie/1220314-posledstviya-sobytij-v-kazahstane-stanut-dopolnitelnym-ekonomicheskim-bremenem-dlya-strany- i-naroda.html/ (access date: 22.11.2022).
23. New Central Asia. What future awaits the region? URL: <https://vlast.kz/novosti/35499-novaa-centralnaa-azia-kakoe-budusee-zdet-region.html/> (access date: 22.11.2022).
 24. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-352 dated August 16, 2022 “On measures to improve the system of training and education of military personnel of foreign countries at the University of Public Security of the Republic of Uzbekistan”. URL: <http://old.lex.uz/ru/docs/6159547/> (access date: 22.11.2022).
 25. Pritchins S. Russia is a responsible player aimed at security in Central Asia. URL: https://e-cis.info/news/566/104122/?sphrase_id=46731/ (access date: 22.11.2022).
 26. Joint statement of the heads of state of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation, the Republic of Tajikistan, Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan following the meeting “Central Asia – Russia”. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5857/> (access date: 22.11.2022).
 27. Joint Statement on the results of the Consultative Meeting of the Heads of State of Central Asia dated August 6, 2021. URL: <https://e-cis.info/news/568/93891/> (access date: 22.11.2022).
 28. A meeting of the heads of member countries of the Organization of Turkic States was held. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5689/> (access date: 22.11.2022).
 29. Sulaimoni I. How do Tajikistan and the Taliban quarrel and cooperate? URL: <https://asiaplustj.info/news/centralasia/20220217/tochki-soprikosnoveniya-kak-vrazhduyut-i-sotrudnichayut-tadzhikistan-i-taliban/> (date access: 22.11.2022).
 30. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On the introduction of a state of emergency on the territory of the Republic of Karakalpakstan” dated July 2, 2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5306> (access date: 22.11.2022).
 31. Khasanov U. Central Asia: regional security as a process. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-regionalnaya-bezopasnost/> (access date: 22.11.2022).
 32. Shchekoldina T.I. Counter-terrorism and anti-extremist activities of the CSTO // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. No. 6. P. 1373–1384.

About the author

Nazarov Ravshan Rinatovich. Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of State and Law, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan. ORCID: 0000-0003-3773-9442; e-mail: Shon2002@yandex.ru; Address: 100047, Republic of Uzbekistan, Tashkent, 70 Y. Gulomov street, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рахматуллаев Шавкатжон Мухамаддалиевич¹

*¹Институт государства и права Академии наук Республики Узбекистан,
Ташкент, Республика Узбекистан
e-mail: s_muhammad@mail.ru*

Аннотация. В современной системе международных отношений важное место занимает «культурная дипломатия», которая имеет различные аспекты – от «мягкой силы» влияния одних государств на другие до распространения тех или иных культурных феноменов на широкое геополитическое пространство. В статье проанализированы термины, близкие к понятию «культурная дипломатия»: массовая дипломатия, народная дипломатия, публичная дипломатия и т. д. В статье также рассмотрены основные модели культурной дипломатии в современной политической практике, которые условно можно назвать «французской», «английской», «немецкой» моделями. Особое место уделено американской массовой культуре как особому феномену, возникшему в XX в. Также показаны процессы влияния культурной дипломатии различных стран (США, Россия, Китай, Германия и т. д.) на страны постсоветского пространства, в частности на Узбекистан.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, культурная дипломатия, массовая культура, мягкая сила, модели культурной дипломатии, постсоветское пространство, Узбекистан.

THEORETICAL PARADIGMS OF CULTURAL DIPLOMACY AND ITS PRACTICAL FEATURES IN THE POST-SOVIET SPACE

Rakhmatullaev Shavkatjon Mukhamaddalievich¹

*¹Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan
e-mail: s_muhammad@mail.ru*

Abstract. In the modern system of international relations, an important place is occupied by “cultural diplomacy”, which has various aspects – from the “soft power” of the influence of some states on others to the spread of certain cultural phenomena over a wide geopolitical space. The article analyzes the terms close to the concept of “cultural diplomacy” – mass diplomacy, people’s diplomacy, public diplomacy, etc. The article also considers the main models of cultural diplomacy in modern political practice, which can be conditionally called “French”, “English”, “German” models. A special place is given to American popular culture as a special phenomenon that emerged in the twentieth century. The processes of influence of cultural diplomacy of various countries (USA, Russia, China, Germany, etc.) on the countries of the post-Soviet space, in particular, on Uzbekistan, are also shown.

Keywords: international relations, world politics, cultural diplomacy, mass culture, soft power, models of cultural diplomacy, post-Soviet space, Uzbekistan.

Введение

Дипломатия является специфическим инструментом осуществления внешней политики государства, посредством которого обеспечивается и защищается внешняя политика и экономические интересы страны. В условиях современных процессов глобализации, характеризующейся все более сложными международными отношениями, вопросы обеспечения национальных интересов и повышения имиджа страны на международной арене не теряют своей актуальности. В данном контексте одним из важнейших критериев внешней политики в начале XXI в. стала пропаганда истории и богатой культуры государства посредством культурной дипломатии как вида публичной дипломатии и неотъемлемой части политики «мягкой силы».

В условиях распространения коммуникационных технологий культурная дипломатия значительно упрощает общение между людьми разных стран и является одним из аспектов поддержания мира и стабильности. На современном этапе культурная дипломатия стала одним из наиболее эффективных методов осуществления внешней политики и неотъемлемой частью культурной жизни международного сообщества. Задача культурной дипломатии заключается в укреплении отношений, повышении социально-культурного сотрудничества, продвижении национальных интересов. Хотя часто и упускается из виду, но культурная дипломатия играет важную роль в достижении целей национальной безопасности.

Материалы и методы

После распада СССР на постсоветском пространстве культурная дипломатия постепенно формировалась на основе современных критериев, внося существенный вклад в повышение роли и авторитета государств на международной арене. Если в 1990-х гг. практически во всех странах осуществлялись первые шаги, то в начале XXI в. данный вид дипломатии стал одним из приоритетных направлений внешней политики.

Культурная дипломатия, как и другие проявления государственной деятельности, имеет свою предысторию. Он функционировал в процессе развития человеческой цивилизации. Однако само понятие «культурная дипломатия», хотя и применялось в истории человечества на протяжении его развития, относительно недавно приобрело политический «окрас».

Поскольку именно в западных странах сформировались традиции научного и политического обращения, также активного использования термина «культурная дипломатия», необходимо остановиться на существующих в некоторых странах подходах. Как подчеркивают российские эксперты, во Франции, например, используются несколько терминов: внешняя культурная деятельность, внешняя культурная политика, международная культурная политика и культурная дипломатия. Англо-американские политики и ученые используют термин «культурная дипломатия», или «массовая дипломатия», в основном употребляют вместе. Немецкие ученые, как правило, отказываются использовать термин «культурная дипломатия», так как считают, что только внешняя культурная политика может использоваться в решении политических задач

и в целях пропаганды. С конца прошлого века данное понятие стало широко распространяться в научном и политическом языке развивающихся стран. Например, использование термина «публичная дипломатия» больше характерно для Китая [8, с. 277–278].

Исходя из особенностей данного феномена, можно утверждать, что в странах СНГ сформировались специфические политические термины. Например, в официальных документах Казахстана чаще упоминаются «культурно-гуманитарные критерии внешней политики», «духовная дипломатия» [18], а в Туркменистане речь идет о культурной дипломатии в качестве «социального института», «эффективного внешнеполитического механизма сферы политической деятельности», «формы народной дипломатии» [11].

В официальных подходах Беларуси, Армении, Таджикистана и Азербайджана существуют определенные различия. В российской науке идет дискуссия об относительном сходстве понятий «культурная дипломатия» и «внешняя культурная политика». Как отмечают российские эксперты, «неопределенность во многом связана с тем, что такие фразы не определены или не ограничены российским законодательством» [8, с. 280].

Если исходить из подхода каждого отдельно взятого исследователя к той или иной сфере, то в системе международных отношений культура иногда имеет «универсальную» специфику. Например, в 1960-х гг. французский эксперт А. Моль отмечал, что культура как уникальное и масштабное понятие имеет более 250 значений [17]. В то же время важно отметить, что каждая культура уникальна, поскольку она охватывает систему внутренних культурных элементов духовных и культурных ценностей, которые имеют отношение к конкретному обществу. Культурная дипломатия конкретной страны в первую очередь носит национальный характер.

В новую и новейшую эпоху каждое государство продвигает свой собственный бренд внешней политики на основе своей культуры, а в процессе культурной дипломатии оно демонстрирует иностранцам собственную высокую культуру (литература, искусство, образование и т. д.) и традиционную культуру (культуру, широко распространенную среди народа). Культурная дипломатия является частью публичной дипломатии, что означает создание привлекательного имиджа страны за рубежом. Она призвана повышать информированность международного сообщества, поддерживать и развивать отношения с другими странами в области образования и культуры. Участниками публичной дипломатии могут выступать профессиональные дипломаты и неправительственные организации.

В англо-саксонской литературе дается более подробное описание культурной дипломатии, ее целей и задач. Например, в работе под редакцией Майкла Уоллера утверждается, что целью культурной дипломатии является ее влияние на уровень и характер отношений с зарубежными странами и систему международных отношений в целом. Культурная дипломатия заключается в следующем: формирование позитивного отношения иностранцев к народу, культуре и политике государства; способствование расширению сотрудничества между странами; изменение политического климата в стране; защита национальных интересов; стремление к использованию элементов культуры для предотвращения и смягчения конфликтов между странами [3, с. 77].

Культурная дипломатия, в свою очередь, призвана помочь государствам лучше понять другие народы. А это способствует укреплению солидарности. Программы культурного обмена дают возможность для формирования положительного имиджа страны за рубежом посредством передачи культурных ценностей другим народам, а также посредством развития межкультурного диалога.

По словам английского политолога Марка Леонарда, все эти инструменты позволяют гражданам других государств понять национальную культуру страны и достичь внешнеполитических целей государства путем развития международного культурного сотрудничества. Они также могут быть использованы ННО, зарубежными диаспорами и политическими партиями [5, с. 51]. Эти инструменты обычно не создаются государством, а являются производными от культуры, однако культурные достижения за рубежом продвигают именно правительства.

Можно с уверенностью сказать, что в научной литературе нашли свое отражение различные интерпретации понятия «культурная дипломатия». Также она находится в тесной взаимосвязи с публичной дипломатией. Например, согласно М. Уоллеру, это «является неотъемлемой частью политики «мягкой силы», которая включает в себя обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими составляющими культуры между государствами и народами с целью укрепления взаимопонимания, как формы публичной дипломатии» [3, с. 74]. На нее возложены следующие задачи: укрепление отношений, укрепление социального и культурного сотрудничества, продвижение национальных интересов.

Следовательно, современная парадигма культурной дипломатии сосуществует с публичной дипломатией. Можно с уверенностью сказать, что культурная дипломатия является неотъемлемым элементом публичной дипломатии. В современном мире стало недостаточно учитывать какие-либо политические или социально-экономические особенности любого государства. Одним из важнейших аспектов общей оценки его состояния является степень влияния государства на мировое пространство.

Если мы глубже рассмотрим понятие «культурная дипломатия», то одно из наиболее распространенных ее определений в мире – это цепочка «позитивный взгляд – призыв к расширению сотрудничества – изменение общественного мнения – предотвращение и смягчение конфликтов, управление ими», которая означает обмен идеями, информацией, сотрудничество в области искусства и других форм культуры для содействия в деле достижения политических и экономических целей [6, с. 19–74]. Субъектами культурной дипломатии обычно являются государственные органы, хозяйствующие субъекты, вовлеченные в качестве единого доминирующего субъекта во внешнеполитическую деятельность.

В рамках инициатив в области культурной дипломатии можно использовать следующее: искусство, в том числе театр, кинематографию, музыку, танцы, живопись, скульптуру; выставки, в том числе международные; образовательные программы и программы академического обмена, программы иностранных языков; литературу, создание библиотек за рубежом и перевод национальных произведений на иностранные языки; передача за рубеж новостей

и культурных программ; религиозную дипломатию, в том числе межрелигиозные инициативы.

Одним из ключевых направлений культурной дипломатии является установление долгосрочных отношений с обычными людьми с помощью программ культурного и академического обмена, грантов и стипендий, тренингов, конференций и информационных каналов [1].

Таким образом, понятие «культурная дипломатия» может стать эффективным инструментом публичной дипломатии и способствовать формированию позитивного имиджа страны. Это диктует необходимость использования культурной дипломатии во внешней политике государств, стремящихся оказывать влияние на «сердца и умы» людей.

По мнению зарубежных аналитиков, современные международные отношения используют традиционные модели культурной дипломатии, каждая из которых уникальна в национальных подходах к разработке и реализации внешнеполитических стратегий. Это три обобщенные модели: первая отражает внешнюю политику государства, которая систематически внедряет межкультурное сотрудничество в практику международных отношений и характеризуется строгой централизованностью и прямым государственным контролем, а политика межкультурного сотрудничества специально создается государственными органами или национальными организациями (Франция), специально созданными за рубежом.

Вторая модель основана на принципе косвенного надзора, когда культурная дипломатия полностью или частично финансируется правительством, а административная и координирующая ответственность за осуществление внешней культурной политики возлагается на неправительственные учреждения (Великобритания).

Третья модель – это организационная модель, которая основана на государственном контроле и децентрализации международной культурной деятельности, с одной стороны, а с другой – на принципе отделения от правительства, т. е. Министерство иностранных дел формирует официальное руководство внешней культурной политики, а осуществляет неправительственными организациями. Их деятельность финансируется государством (Германия) на уровне полномочий, делегированных государству [4].

В плане организации культурная дипломатия осуществляется в следующих основных формах:

1. Год культуры, в котором страна-донор оплачивает все расходы на мероприятие, и эта форма является торжественной и политизированной.

2. Регулярные ежегодные Недели культуры и Дни культуры, а также ограниченные по времени и месту фестивали, к которым часто привлекают волонтеров из принимающей страны.

3. Долгосрочные программы культурного сотрудничества, которые могут быть связаны с такими сферами, как наука и образование [14, с. 62].

Что касается внешнеполитической культуры государства, то США, несомненно, на глобальном уровне занимают первые ряды. В работе Б. Павловского анализируется тенденция развития американской внешней политики с 1990-х гг. [20]. После распада СССР американская культура как «неформальное» идеологическое оружие в американской внешней политике продолжала

быстро распространяться, проявляясь на разных этапах в различных областях. Здесь уместно упомянуть так называемый культурный аспект глобализации, который часто сравнивают с американским культурным империализмом, и этот вопрос стал очень актуальным в 1990-х гг. Эта неоднозначная проблема была предметом многих споров и может стать предметом отдельного исследования.

Истоки управляемой США «культурной» глобализации восходят к европейскому ренессансу. Начиная с эпохи Возрождения в Италии этот процесс прошел через французское, английское, а затем и американское культурное влияние. География этого влияния расширялась с каждым разом. Например, статус итальянского Ренессанса был ограничен Западной Европой, в то время как остальной мир продолжал жить своей культурной жизнью. Французская культурная экспансия в конце XVIII – начале XIX в. распространилась по всей Европе, и английское влияние XIX в. стало, исходя из охвата, глобальным явлением. Можно без преувеличения сказать, что американская культурная традиция принадлежит всему миру: к концу XX в. не осталось ни одного государства, где население не было бы знакомо с такими понятиями, как «рок», «Пепси» или «Голливуд».

Очевидно, что массовая культура – это феномен «американской культуры». Термин был впервые использован в 1941 г. в работе Хоркхаймера «Искусство и массовая культура» [9]. В качестве синонима этого понятия также используются такие выражения, как «массовая культура», или «поп-культура», «индустрия развлечений», «коммерческая культура» и другие.

Как отмечал З. Бжезинский в своей монографии, «если Рим предоставил миру право, Англия – парламентскую деятельность, Франция – культуру и республиканский национализм, то Соединенные Штаты Америки внесли в мир научно-технический прогресс и массовую культуру» [2, с. 50].

Результаты исследования

Узбекистан, как и другие постсоветские государства, стал объектом культурного влияния (точнее, экспансии) многих развитых стран. Здесь прежде всего выделяются Соединенные Штаты Америки. В первую очередь это аудиовизуальная индустрия, кинорынок, а также мультипликационный рынок, который заполняет не только кинотеатры, но и телевидение. С каждым днем увеличивается число американских фильмов, пропагандирующих и формирующих общие критерии различных культур.

Наряду с этим на постсоветском пространстве стало активно развиваться двустороннее сотрудничество двух стран в культурно-гуманитарной сфере. В частности, эта деятельность была особенно заметна в сфере образования и науки. В начале 1990-х гг. представительством Американского совета по международным исследованиям и научному обмену открылись IREX (International Research & Exchanges Board), а затем представительство влиятельной международной организации – Американский совет по международному образованию (ACCELS – American Councils for International Education). Управление информации, культуры и образования посольства США осуществило ряд программ по обмену в области образования, таких как программа Уильяма Фулбрайта, программа Хьюберта Хамфри, программа развития младших преподавателей, программа стипендий Эдмунда Маска для выпускников высших учебных заведений (более 250 стипендиатов в год) [24].

Франция выделяется среди других ведущих государств глобальным характером своей внешней культурной политики. Французская культурная дипломатия уже давно играет важную роль в популяризации культуры этой страны и поддерживает дружественные отношения со многими странами мира. Например, в средние века эта страна представлялась раем на земле [22, с. 128–130.]. Как отмечалось выше, с XVI в. культурная дипломатия стала основным звеном во внешней политике Франции.

По словам С.А. Малороссияновой, на данном этапе Франция является единственным государством с хорошо развитой структурой и программой культурной политики за рубежом. Именно поэтому во Франции культура и политика неразрывно связаны между собой [16].

Примером успешной организации государственной политики в течение длительного времени является «Альянс Франсез». Хотя он был основан в 1883 г., сейчас он становится все более популярным. На сегодняшний день международная сеть «Альянс Франсез» насчитывает более 800 организаций в 146 странах. Более 500 000 человек из разных стран изучают французский в «Альянс Франсез» [21]. Основные направления его деятельности: культурный обмен, обмен студентами и преподавателями университета; распространение французского языка по всему миру; проведение выставок, ярмарок, форумов, фестивалей для продвижения французской культуры; сотрудничество в области культуры, образования и науки.

Французская культурная дипломатия в СНГ представлена такими организациями, как Французский культурный центр имени Виктора Гюго, Французская школа, ИФИАК, Французский альянс и др.

Внешняя политика Германии в области культуры прошла большой путь от культурной экспансии до стратегии «диалога культур». В настоящее время среди трех оплотов внешней политики Германии (классическая дипломатия, экономическая политика и культурная дипломатия) именно культурная дипломатия занимает важное место.

По мнению А.Г. Зимина, помимо Министерства иностранных дел Германии, посредники, относящиеся к первой группе, также занимаются культурной политикой. Крупнейшими посредническими организациями в Германии являются Институт Гете, Немецкая служба академических обменов (DAAD), Институт международных культурных связей (IFA), Фонд Гумбольдта и др. Например, Институт Гете имеет 150 филиалов в 93 странах мира, которые предлагают сотрудничество всем, кто интересуется немецким языком и немецкой культурой. Институт Гете организует курсы немецкого языка, оказывает помощь в поддержке преподавателей немецкого языка за рубежом, организует культурные мероприятия, научные исследования и дискуссии в других государствах [13, с. 137].

Деятельность Института в Узбекистане осуществляется в культурном центре, расположенном в Ташкенте. Одной из основных целей Института Гете в Ташкенте является содействие международному культурному сотрудничеству (помимо языка) [10].

Китай, умело использующий культурную дипломатию в своей внешней политике, в последнее время активизировался в этом направлении, что стало важным фактором продвижения интересов Пекина в рамках ШОС и в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Ранние представления о культурной дипломатии Китая связаны с появлением Институтов Конфуция, одного из важнейших инструментов продвижения

«мягкой силы» КНР. Первый Институт Конфуция был открыт в ноябре 2004 г. в Сеуле (Южная Корея). С тех пор они начали открываться по всему миру [19]. В настоящее время в странах Азии существует около 100 этих учреждений и более 30 курсов китайского языка. На долю стран АСЕАН приходится 29 Институтов Конфуция и 15 языковых курсов [19].

Первая школа Конфуция в Центральной Азии была открыта в мае 2005 г. в Ташкенте. Здесь обучались 350 слушателей, состоявших из студентов, научных сотрудников и др. С момента своего основания эти курсы окончили более 2 500 молодых людей. Во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Узбекистан в сентябре 2013 г. было подписано соглашение о создании в рамках сотрудничества еще одного Института Конфуция в Самарканде. В 2014–2015 уч. г. правительство Китая в рамках двусторонних соглашений и в рамках ШОС предоставило гранты 120 узбекским студентам и стажерам. Около 50 студентов учатся в Институте Конфуция в университете Ланьчжоу [23]. Кроме того, в 5 университетах Узбекистана были открыты курсы китайского языка. В рамках ШОС Китай ежегодно выделяет Узбекистану 20 квот на обучение в китайских университетах [19].

Институционализованная форма культурной дипломатии на постсоветском пространстве сформировалась в начале 1990-х гг. Одним из первых правовых документов, регулирующих многостороннюю культурную дипломатию, было подписанное 15 мая 1992 г. в г. Ташкенте 11 странами СНГ Соглашение о сотрудничестве в области культуры. При всех своих недостатках Соглашение, к примеру, призывает к развитию самостоятельного народного творчества, созданию национальных культурных центров и т. п. В то же время трудно назвать выполняемыми статьи о свободном обмене и распространении на своих территориях теле-, радио- и видеопрограмм (1); взаимной поставке в национальное фондохранилище обязательных экземпляров печатной продукции, фото- и фондодкументов, создании интегрированных библиотечно-информационных систем, сводных каталогов и межбиблиотечных абонементов (2) и т. п. Как требующие или конкретизации, или вовсе изъятия, можно рассматривать статьи о совершенствовании системы эстетического воспитания и художественного образования (1); организации на взаимовыгодной основе поставок оборудования и технических средств для учреждений культуры и искусства (2) и др. За годы существования Содружества в практическом плане сделано и делается немало. Так, в рамках СНГ функционирует Межгосударственный Фонд гуманитарного сотрудничества, проводятся форумы научной и творческой интеллигенции, фестивали (театральный «Встречи в России», школьного спорта, «Киношок» и т. п.), учреждены премии («Звезды Содружества», «Содружество дебютов» и т. п.). Хотя, если анализировать состав участников, номинантов, лауреатов, он не является представительным, авторитетным, весомым, что лишь подтверждает необходимость теоретической подпитки культурной дипломатии.

Если смотреть на примере РФ, то культурная дипломатия России до конца 1990-х гг. не была приоритетом внешней политики. В 1999 г. при Министерстве иностранных дел был создан Совет по культуре, науке и образованию, а в 2001 г. в истории российской дипломатии была сделана первая попытка осмыслить цели, задачи, характер и механизм культурного сотрудничества с внешним миром [12, с. 250.].

Представительство «Россотрудничества» активно взаимодействует в научной, культурной, экономической, информационной и социальной сферах с Международным культурным центром Республики Узбекистан, Русским

культурным центром и его территориальными подразделениями, Татарским культурным центром, Башкирским социально-культурным центром имени А. Валиди, Крымско-татарским национально-культурным центром “AVDET”, Русской православной церковью в Ташкенте и ее епархией в Узбекистане.

Обсуждение

В целом необходимо отметить, что неоднозначные процессы на постсоветском пространстве на протяжении последних трех десятилетий также оказали свое влияние на процесс формирования и развития культурной дипломатии в регионе.

Во-первых, невзирая на целый ряд теоретико-практических публикаций, данное актуальное направление системы межгосударственных отношений все еще недостаточно разработано, в результате чего в странах СНГ не сложилось единообразного отношения к ней как инструменту мягкой силы. Руководство большинства постсоветских стран так и не смогли противопоставить действенное против пропаганды и культа силы, наживы, аморальности и вседозволенности, изнурительной, бессмысленной погоне за успехом, деньгами и т. п. [15, с. 124].

Во-вторых, общая идея, «культурный код», объединяющие культурные дипломатии стран СНГ и в целом народов, населяющих постсоветское пространство, до сих не найдены или не «увенчались успехом». Этому не способствуют излишние «ссылки» на досоветскую и советскую историю, где приоритет отдается выдвиганию историко-культурной и модернизаторской миссии той или иной нации, выпячивание негативных аспектов колониального прошлого и т. п. Неоднозначные оценки и «экспертные мнения», распространяющиеся через СМИ, особенно через электронные, по поводу выступлений глав государств или членов правительств стран содружества по разным актуальным вопросам современности или исторического прошлого своей страны.

Другая заметная проблема – разное отношение к диаспорам как объекту и субъекту культурной дипломатии. Вряд ли кто станет отрицать, что все страны, «отправляющие» и «принимающие», просто обязаны создавать необходимые условия для возрождения национальных традиций и обычаев, изучения родного языка, сохранения самобытной и колоритной культуры того или иного национального меньшинства. Но вместе с тем, во-первых, принимающая сторона, кроме всего прочего, должна создавать условия для активного участия соответствующей диаспоры во всех сферах экономической, политической, культурной, социальной жизни экзогенной страны. И, во-вторых, диаспоры не должны быть заложниками глубоко продуманной и хорошо организованной акции со стороны третьих сил (как это случилось с узбекской диаспорой в 2010 г. в Кыргызстане) [7, с. 664].

Выводы

Подводя итог, стоит еще раз отметить важность культурной дипломатии в современных международных отношениях, особенно на постсоветском пространстве. В целях полноценного использования потенциала культурной дипломатии требуется совершенствование действующей нормативно-правовой базы, пересмотр и увеличение доли, значимости в финансировании программ и проектов как существующих, так вновь создаваемых (государственных, полугосударственных, частных, общественных) культурных фондов. Вместе с тем необходимо также дальнейшее повышение роли диппредставительств (посоль-

ств, консульств, посольских резиденций, атташе по вопросам культуры) в проведении за рубежом культурной политики. Для определения дальнейших перспектив совместных культурно-дипломатических усилий требуется дальнейшая активизация и консолидация исследований ученых, специалистов, экспертов самых различных сфер знания. Создавая межстрановые рабочие экспертные сообщества, направлять их деятельность в первую очередь на реанимацию положительно образа общего исторического прошлого и межнациональных культурных традиций.

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод, что степень влияния государства на процесс формирования имиджа страны (в том числе на пространстве СНГ) и развития межкультурного диалога определяется не только историческими традициями и политическим устройством каждой отдельной страны. Усиление этой роли диктуется реалиями международных процессов в современных условиях глобализации, информационной открытости и кризиса международной геополитической ситуации, в частности на постсоветском пространстве.

Список источников

1. *Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S.* Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P. 24. URL: www.demos.co.uk/ (дата обращения: 17.11.2022).
2. *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1970. P. 50.
3. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare / ed. by M.J. Waller. Washington: Institute of World Politics Press, 2009. P. 74–77.
4. *Lending M.* Change and Renewal. Norwegian foreign cultural policy 2001–2005. Report. URL: <https://odin.dep.no/ud/english/doc/reports/032001-990437/dok-bn.html/> (дата обращения: 21.11.2022).
5. *Leonard M.* Diplomacy by other means // Foreign Policy. 2002. No. 132. P. 51.
6. *Waller M.* Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counter propaganda, and Political Warfare. Washington: Institute of World Politics Press, 2009. P. 19–74.
7. *Бафоев Ф.* Культурная дипломатия в системе международных связей на постсоветском пространстве // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 664.
8. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Теоретические аспекты проблемы внешней культурной политики // Америка и мир: история и современность: сборник статей / под ред. Ю.Г. Акимова, В.Г. Буркова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 277–280.
9. *Боровикова Н.М.* Феномен массовой культуры: «реальная» (истинная) культура или псевдокультура? URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2016/1/5.html/> (дата обращения: 23.11.2022).
10. Гете-институт Ташкент был основан в 1998 г. согласно узбекско-германскому межправительственному культурному соглашению // Гете-институт. Десять лет в Ташкенте. URL: <https://www.fergananews.com/articles/5866/> (дата обращения: 17.11.2022).
11. *Гурбангельдыев Дж.* Культурная дипломатия – язык межнационального диалога // Туркменистан: золотой век. 2012. URL: www.turkmenistan.gov.tm/ (дата обращения: 18.11.2022).
12. Дипломатическая служба: учебное пособие / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 250.
13. *Зимин А.Г.* Культурная дипломатия Германии // Государственный советник. 2014. № 1. С. 137.

14. *Козлов Л.Е.* Культурная дипломатия как ресурс регионального развития // Ойкумена. 2017. № 1. С. 62.
15. *Косенко С.И.* «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 124.
16. *Малороссиянова С.А.* Эволюция и перспективы развития культурной дипломатии Франции // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/31654/> (дата обращения: 20.11.2022).
17. *Моль А.* Социодинамика культуры / пер. с фр. М., 2008. С. 39.
18. *Назарбаев Н.А.* Встреча с главами зарубежных дипломатических миссий, аккредитованных в Казахстане (5 февраля 2014 г.). URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/vstrecha-s-glavami-zarubezhnyh-diplomaticheskikh-missii-akkreditovannyh-v-kazahstane-1/ (дата обращения: 22.11.2022).
19. *Ногаева А.М.* «Культурная дипломатия» или «мягкая сила» Китая: на примере Центральной Азии. URL: <https://docplayer.ru/44443495-Kulturnaya-diplomatiya-ili-myagkaya-sila-kitaya-na-primere-centralnoy-azii.html/> (дата обращения: 21.11.2022).
20. *Павловский Б.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» и проводник национальных ценностей. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/2034/> (дата обращения: 24.11.2022).
21. Сеть «Альянс Франсез» по всему миру. URL: <http://af-tachkent.uz/index.html/> (дата обращения: 24.11.2022).
22. *Скрипкарь М.В.* Общественные мечты: от «золотого века» к «стране изобилия» // Социосфера. 2013. № 1. С. 128–130.
23. Сотрудничество Республики Узбекистан со странами АТР. URL: <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/61/> (дата обращения: 22.11.2022).
24. *Юлдашева Г.* США и Узбекистан – обзор пройденного пути и вопросы будущего. URL: <https://caa-network.org/archives/8342/> (дата обращения: 21.11.2022).

Информация об авторе

Рахматуллаев Шавкатжон Мухамаддалиевич. Кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: s_muhammad@mail.ru; Адрес: 100047, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Я. Гуломова, д. 70, Академия наук Республики Узбекистан.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S. Cultural Diplomacy. London: Demos, 2007. P. 24. URL: www.demos.co.uk/ (access date: 17.11.2022).
2. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1970. P. 50.
3. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counterpropaganda, and Political Warfare / ed. by M.J. Waller. Washington: Institute of World Politics Press, 2009. P. 74–77.
4. Lending M. Change and Renewal. Norwegian foreign cultural policy 2001–2005. Report. URL: <https://odin.dep.no/ud/english/doc/reports/032001-990437/dok-bn.html/> (access date: 21.11.2022).
5. Leonard M. Diplomacy by Other Means//Foreign Policy. 2002. No. 132. P. 51.

6. Waller M. Cultural Diplomacy, Political Influence, and Integrated Strategy // Strategic Influence: Public Diplomacy, Counter propaganda, and Political Warfare. Washington: Institute of World Politics Press, 2009. P. 19–74.
7. Bafoev F. Cultural diplomacy in the system of international relations in the post-Soviet space // Young Scientist. 2016. No. 6 (110). P. 664.
8. Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. Theoretical aspects of the problem of foreign cultural policy // America and the world: history and modernity: collection of articles / ed. by Yu.G. Akimova, V.G. Burkova. SPb.: Publishing House of Saint Petersburg State University, 2006. P. 277–280.
9. Borovikova N. M. The phenomenon of mass culture: “real” (true) culture or pseudo-culture? URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2016/1/5.html/> (access date: 23.11.2022).
10. The Goethe Institute Tashkent was founded in 1998 according to an intergovernmental agreement // Goethe Institute: Ten years in Tashkent. URL: <https://www.fergananews.com/articles/5866/> (access date: 17.11.2022).
11. Gurbangeldiyev J. Cultural diplomacy – the language of interethnic dialogue // Turkmenistan: Golden Age. 2012. URL: www.turkmenistan.gov.tm/ (access date: 18.11.2022).
12. Diplomatic Service: tutorial / ed. by A.V. Torkunov, A.N. Panov. M.: Aspect Press, 2017. P. 250.
13. Zimin A.G. Cultural diplomacy of Germany // State Advisor. 2014. No. 1. P. 137.
14. Kozlov L.E. Cultural diplomacy as a resource for regional development // Oikoumena. 2017. No. 1. P. 62.
15. Kosenko S.I. “Soft power” as a factor in French cultural diplomacy // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. No. 1. P. 124.
16. Malorossiyanova S.A. Evolution and prospects for the development of cultural diplomacy in France // Modern Scientific Research and Innovation. 2014. No. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/31654/> (access date: 20.11.2022).
17. Mol A. Sociodynamics of culture / transl. from France. M., 2008. P. 39.
18. Nazarbayev N.A. Meeting with the heads of foreign diplomatic missions accredited in Kazakhstan (February 5, 2014). URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/vstrecha-s-glavami-zarubezhnyh-diplomaticheskikh-missii-akkreditovannyh-v-kazahstane-1/ (access date: 22.11.2022).
19. Nogaeva A.M. “Cultural diplomacy” or “soft power” of China: The example of Central Asia. URL: <https://docplayer.ru/44443495-Kulturnaya-diplomatiya-ili-miyagkaya-sila-kitaya-na-primere-centralnoy-azii.html/> (access date: 21.11.2022).
20. Pavlovsky B. Cultural diplomacy as a tool of “soft power” and a conductor of national values. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/2034/> (access date: 24.11.2022).
21. Alliance Française network around the world. URL: <http://af-tachkent.uz/index.html/> (access date: 24.11.2022).
22. Skripkar M.V. Social dreams: From the “golden age” to the “land of abundance” // Sociosphere. 2013. No. 1. P. 128–130.
23. Cooperation of the Republic of Uzbekistan with the countries of the Asia-Pacific region. URL: <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/61/> (access date: 22.11.2022).
24. Yuldasheva G. USA and Uzbekistan – a review of the path traveled and future issues. URL: <https://caa-network.org/archives/8342/> (access date: 21.11.2022).

About the author

Rakhmatullaev Shavkatjon Mukhamaddalievich. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Scientific Secretary, Institute of State and Law, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: s_muhammad@mail.ru; Address: 100047, Republic of Uzbekistan, Tashkent, 70 Y. Gulomov street, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 2022 Г. НА СУБКОМПЛЕКС РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Фоминых Алексей Евгеньевич¹

¹Марийский государственный университет,

Йошкар-Ола, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4459-6320; e-mail: alexfom@volgatech.net

Аннотация. В статье анализируется влияние событий 2022 г. (январских беспорядков и операции сил ОДКБ в Казахстане, специальной военной операции России на Украине, конфликта на границе Таджикистана и Киргизии и др.) на региональную безопасность Центральной Азии. В качестве теоретической основы использована концепция региональных комплексов безопасности Барри Бузана и Оле Вэвера. В работе рассматривается опыт анализа динамики изменения состояния региональной безопасности с использованием «метода Дельфы» в проекте «Индекс безопасности Центральной Азии» (2011–2012) и возможность экстраполяции апробированных в его рамках подходов на реалии 2022 г. При этом даже первичный этап анализа – формирование событийного ряда – демонстрирует явное преобладание угроз в военном и социетальном спектре, что свидетельствует как о внутренней неустойчивости региональных государств, так и об их сохраняющейся уязвимости перед внешними вызовами.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, безопасность, комплекс региональной безопасности, Центральная Азия, Индекс безопасности.

THE IMPACT OF THE EVENTS OF 2022 ON THE REGIONAL SECURITY SUBCOMPLEX OF CENTRAL ASIA

Fominykh Alexey Evgenyevich¹

¹Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation,

ORCID: 0000-0003-4459-6320; e-mail: alexfom@volgatech.net

Abstract. The article analyzes the impact of the events of 2022 (the January riots and the CSTO mission in Kazakhstan, the Russian special military operation in Ukraine, the armed conflict on the border of Tajikistan and Kyrgyzstan, etc.) on the regional security of Central Asia. The author uses the concept of regional security complexes proposed by Barry Buzan and Ole Waver As a theoretical basis. The paper considers the experience of analyzing the dynamics of changes in the state of regional security using the “Delphi method” in the project «Central Asian Security Index» (2011–2012) and the possibility of extrapolating the approaches tested within its framework to the realities of 2022. At the same time, even the primary stage of the analysis (formation of an event line) demonstrates the predominance of threats in the military and societal spectrum, which indicates both the internal instability of regional states and their continuing vulnerability to external challenges.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, security, regional security complex, Central Asia, Security Index.

Введение

Следуя конструктивистской теории, предложенной Б. Бузаном и О. Вэвером, комплексом региональной безопасности (regional security complex) можно считать макрорегион, или «совокупность акторов, процессы секьюритизации и десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих акторов нельзя анализировать или разрешить отдельно друг от друга» [1, с. 8; 2, с. 44].

В этих теоретических рамках пять постсоветских республик Центральной Азии уместно рассматривать как субкомплекс в составе большого Постсоветского комплекса [1, с. 16; 3, с. 163]. В то же время регион тесно связан с Азиатским «суперкомплексом» региональной безопасности (сказывается соседство Китая, близость Индии и Пакистана) и Ближневосточным комплексом (как часть исламского мира). Роль «изолятора», или разделителя (англ. “insulator”, по Б. Бузану и О. Вэверу) Центральноазиатского субкомплекса региональной безопасности от Южноазиатского и Ближневосточного комплексов выполняет Афганистан. Он же воспринимается практически всеми пятью региональными государствами как один из главных раздражителей и источников внешних угроз.

Сами Б. Бузан и О. Вэвер в 2003 г. определяли Центральноазиатский субкомплекс как «слабый», поскольку внутренние процессы национально-государственного строительства в «новых независимых государствах» были далеки от завершения, а роль внешних акторов (РФ, Китая, США) во внутри-региональных процессах сравнительно велика. Как следствие, внутренние угрозы заметно преобладают над внешними, а государственная система в некоторых странах «настолько слаба, что угрозы безопасности могут вызвать общий кризис политического порядка и в некоторых случаях гражданскую войну» [2, с. 423; 4].

Следует признать, что за время, прошедшее с момента публикации работ по теории комплексов региональной безопасности, государства Центральной Азии заметно укрепили свою экономическую и политическую устойчивость, однако во многом характеристики, данные авторами «Копенгагенской школы», сохраняют свою актуальность. Это особенно проявилось в ходе турбулентных событий 2022 г.

Материалы и методы

Одной из первых попыток осмыслить состояние и динамику безопасности региона на основе методов прикладного политического анализа был проект «Индекс безопасности Центральной Азии», реализованный Институтом политических решений (ИПР) в Алматы (2011–2012). Раз в квартал ИПР проводил экспертное анкетирование (метод «Дельфы»). Экспертам предлагалось оценить степень влияния событий, произошедших в расчетный период (квартал) на состояние региональной безопасности. Оценка событийного ряда производилась по шкале со значениями от –10 до +10, где 0 (ноль) означал нейтральное восприятие события для региональной безопасности. Выбор тех или иных событий для учета в анализе диктовался их релевантностью к сфере безопасности – в соответствии с теорией секьюритизации, выдвинутой все теми же Б. Бузаном

и О. Вэвером. Сам событийный ряд выделялся из информационного массива, формируемого на основе открытых источников, в основном заслуживающих доверия русскоязычных средств массовой информации пяти государств. Экспертная оценка (с выборкой в несколько десятков человек) производилась по пяти секторам: военному, экономическому, политическому, экологическому и социокультурному (социетальному) [5; 6]. В этом контексте под социетальной безопасностью (термин также введен в оборот представителями Копенгагенской школы) понималось осознание отсутствия угроз и уверенность в выживаемости сообществ как «групп индивидов, объединяемых наличием общих верований, национального и религиозного характера, психологическим ощущением единой идентичности» [7, с. 78].

Полученные от экспертов оценки формировали своеобразное «облако чисел», из которого можно было вычислить медианное значение (собственно, Индекс безопасности того или иного сектора). Соответственно, понижение этого показателя в следующий расчетный период свидетельствовало об ухудшении ситуации и угрожающих тенденциях в тех или иных отраслевых секторах безопасности, а повышение – об улучшении [5].

Результаты исследования

Сама мысль о возможных колебаниях Индекса региональной безопасности Центральной Азии (если бы проект продолжался в наши дни) при анализе событий 2022 г. внушает определенный трепет. Действительно, даже на этапе выстраивания событийного ряда бросаются в глаза очевидные аномалии и «знаковые» инциденты, многие из которых при последующей экспертной оценке получили бы негативную окраску.

Выделим наиболее значимые эпизоды.

В секторе военной безопасности:

- миротворческая операция сил ОДКБ в Казахстане (январь);
- операции по эвакуации граждан стран Центральной Азии с территории Украины после начала российской специальной военной операции (СВО) (февраль-март);
- вооруженный конфликт на границе Таджикистана и Кыргызстана (сентябрь);
- отмена маневров миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство» в Киргизии (октябрь);
- проведение учений Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ «Рубеж-2022» в Таджикистане, без участия военных из Кыргызстана (октябрь).

В секторе социетальной безопасности:

- массовые протесты против повышения цен на газ в Казахстане, переросшие в политические акции, а затем в беспорядки и погромы в Алматы (январь);
- реакция властей Казахстана на январские события: анонсированные президентом К. Токаевым политические и экономические реформы, призванные снизить остроту накопившихся в обществе противоречий (январь-март);

- заявления казахстанских и международных правозащитников о массовых нарушениях прав человека (в том числе пытках) в ходе подавления беспорядков и проведения следственных действий (январь-февраль);
- резонансные сюжеты в СМИ и соцсетях о появлении в том же Казахстане «языковых патрулей» и последовавшая реакция местных и российских политиков на проявления русофобии (апрель);
- массовые протесты в Каракалпакстане в связи с попытками пересмотра суверенного статуса республики в новой версии конституции Узбекистана, жертвы и задержания в Нукусе, Чимбае и Муйнаке (июль);
- предупреждения властей Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана своих граждан об уголовной ответственности за участие в СВО на территории Украины (август);
- массовый исход на территории стран Центральной Азии (особенно Казахстана) граждан РФ, уклоняющихся от частичной мобилизации и связанные с этим социально-экономические и гуманитарные проблемы в принимающих странах (сентябрь).

В секторе политической безопасности:

- инициированный К. Токаевым демонтаж «суперпрезидентской» модели власти в Казахстане, вытеснение «назарбаевского клана» из политической сферы, ребрендинг правящей партии (Нур Отан – Аманат), анонс внеочередных президентских выборов (январь, март, сентябрь);
- визит помощника государственного секретаря США в Бюро по делам Южной и Центральной Азии Дональд Лу в Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан (май);
- саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Самарканде: активная дипломатия Ш. Мирзиева, Р.Т. Эрдогана, Си Цзиньпина, договоренности МИД Киргизии и Таджикистана о дипломатическом урегулировании пограничного конфликта, урегулирование на уровне ГКНБ двух стран (сентябрь);
- саммит Сопровождения по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМ-ДА) в Астане: инициативы Казахстана о преобразовании Сопровождения в постоянно действующую международную организацию («азиатский аналог ОБСЕ»), посреднические усилия Р.Т. Эрдогана (октябрь);
- саммит «Россия – Центральная Азия» на следующий день (14 октября 2022 г.), впервые – на уровне глав государств; призывы К.К. Токаева к отказу от необоснованных нападков и обвинений в адрес друг друга. Эмоциональное обращение Э. Рахмона с просьбой к В.В. Путину уважать интересы стран региона (октябрь);
- второй в 2022 г. визит помощника государственного секретаря США по Южной и Центральной Азии Дональда Лу в Туркменистан, Узбекистан и Казахстан (ноябрь)
- продолжение серии внутренних реформ в Казахстане (судебно-правоохранительной, административной системы), проведение внеочередных выборов президента Республики Казахстан (ноябрь).

Обсуждение

На этом фоне ситуация в экономике Центральной Азии оставалась «стабильно неблагоприятной» со времен пандемии COVID-19. Из трендов 2022 г., оказавших влияние на сектор экономической безопасности, можно отметить

синусоиду волн трудовой миграции из стран региона в Россию и обратно, а также исход в Центральную Азию (особенно Казахстан, Узбекистан) нескольких сот тысяч российских «релокантов» после объявления о частичной мобилизации в РФ.

Негативные тенденции усугубляются общим замедлением темпов роста региональных экономик вследствие их ориентации на Россию, подвергшуюся западным санкциям, зависимости местных валют от курса рубля и снижения объемов денежных переводов на родину от трудовых мигрантов в РФ. Так, еще в марте Европейский банк реконструкции и развития снизил свой прогноз относительно ожидаемых в 2022 г. темпов роста экономики Центральной Азии с 5 до 3,2 % в год [8].

Крайне непростая региональная обстановка в секторе экологической безопасности в рассматриваемый период почти не создавала резонансных информационных поводов.

Выводы

Таким образом, всплеск социетальных и военных угроз в Центральной Азии в 2022 г. можно считать следствием кризисных явлений, нараставших в период пандемии (2020–2021), и, несомненно, «побочным эффектом» российско-украинского конфликта.

Активность руководства стран региона в политическом поле (пакет реформ в Казахстане с целью снятия внутреннего социального напряжения, высокая концентрация дипломатических встреч на высшем уровне осенью 2022 г., в том числе с участием лидеров России, КНР и Турции) свидетельствует о безусловном осознании перечисленных угроз региональными элитами. В целом же событийный ряд 2022 г. подтверждает тезис авторов «Копенгагенской школы» о преобладании для государств Центральной Азии внутренних вызовов безопасности и высокой степени проницаемости региона для внешних сил.

Список источников

1. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7–20.
2. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
3. Черных И.А., Бурнашев Р.Р. Условия секьюритизации международного терроризма в Центральной Азии // Connections. The Quarterly Journal. 2005. Т. IV. № 1. С. 161–173.
4. Umarov A. Central Asia: construction of the new regional security complex? // The Journal of Cross-Regional Dialogues / La Revue de dialogues inter-regionaux [En ligne]. 2020 Spec. Is. P. 69–82. URL: <https://popups.uliege.be:443/2593-9483/index.php?id=135/> (дата обращения: 01.01.2023).
5. Амирбекова А.Б. Исследовательский проект «Индекс безопасности Центральной Азии» // Сравнительная политика. 2011. № 4. С. 127.
6. Фоминых А.Е. «Индекс безопасности Центральной Азии»: казахстанский опыт анализа и прогнозирования конфликтов // Методология исследования конфликтов на постсоветском пространстве: очерки / под ред. А.Г. Большакова. Казань: Издательство Казанского университета, 2013. 284 с.
7. Цыганков П.А. Теория человеческой безопасности: политические последствия, уроки для России // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 78–83.

8. ЕБРР ухудшил прогноз роста экономики стран Центральной Азии // Фергана. 2022. URL: <https://fergana.media/news/125652/> (дата обращения: 20.10.2022)

Информация об авторе

Фоминых Алексей Евгеньевич. Кандидат политических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-4459-6320; e-mail: alexfom@volgatech.net; Адрес: 424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1, Марийский государственный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Lukin A.L. Theory of regional security complexes and East Asia // *Oikumena. Regional Studies*. 2011. No. 2. P. 7–20.
2. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
3. Chernykh I.A., Burnashev R.R. Conditions for the securitization of international terrorism in Central Asia // *Connections. The Quarterly Journal*. 2005. Vol. IV. No. 1. P. 161–173.
4. Umarov A. Central Asia: construction of the new regional security complex? // *The Journal of Cross-Regional Dialogues / La Revue de dialogues inter-regionaux [En ligne]*. 2020 Spec. Is. P. 69–82. URL: <https://popups.uliege.be:443/2593-9483/index.php?id=135/> (access date: 01.01.2023).
5. Amirbekova A.B. Research project “Security Index of Central Asia” // *Comparative Politics*. 2011. No. 4. P. 127.
6. Fominykh A.E. “Security Index of Central Asia”: Kazakh experience in analyzing and forecasting conflicts // *Methodology for studying conflicts in the post-Soviet space: essays* / ed. by A.G. Bolshakov. Kazan: Kazan University Press, 2013. 284 p.
7. Tsygankov P.A. The theory of human security: Political consequences, lessons for Russia // *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*. 2010. No. 4. P. 78–83.
8. The EBRD worsened the economic growth forecast for the countries of Central Asia // *Fergana*. 2022. URL: <https://fergana.media/news/125652/> (access date: 20.10.2022).

About the author

Fominykh Alexey Evgenyevich. Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4459-6320; e-mail: alexfom@volgatech.net; Address: 424000, Russian Federation, Yoshkar-Ola, 1 Lenina pl., Mari State University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

**РАЗДЕЛ II. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ**
**SECTION II. THE INFLUENCE OF MODERN INFORMATION
TECHNOLOGIES ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL
RELATIONS AND DIPLOMACY**

УДК 327+341

**КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН БРИКС:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**Игнатова Каринэ Эдуардовна¹,
Малахова Елена Петровна²**

*¹ Волжский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет», Волжский, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2953-3444; e-mail: ignatova.ke@vgi.volsu.ru*

*² Волжский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет», Волжский, Российская Федерация
ORCID: 0009-0001-6697-9907; e-mail: malakh66@mail.ru*

Аннотация. В основе союза БРИКС определены идеи координирования экономических и политических взаимоотношений между членами союза и выработки рентабельных путей развития с целью формирования наиболее устойчивого положения на мировой арене каждой страны-участника. В современном мире цифровизация активно поглощает общество, а инновационные технологии укрепляют международное сотрудничество государств. Автор приходит к выводу, что посредством распространения технологий и обмена опытом между странами БРИКС появляются новые возможности, но вместе с тем и новые риски, в частности в сфере информационной безопасности – расширение угрозы киберпреступлений глобального масштаба.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, киберпреступление, союз, цифровизация, инновационные технологии, страны БРИКС.

CYBERSECURITY OF THE BRICS COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

**Ignatova Karine Eduardovna¹,
Malakhova Elena Petrovna²**

*¹Volga branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2953-3444; e-mail: ignatova.ke@vgsu.ru*

*²Volga branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation
ORCID: 0009-0001-6697-9907; e-mail: malakh66@mail.ru*

Abstract. The BRICS union is based on the ideas of coordinating economic and political relations between the members of the union and developing cost-effective ways of development in order to form the most stable position on the world stage for each participating country. In the modern world, digitalization is actively absorbing society, and innovative technologies strengthen international cooperation between states. The author concludes that through the dissemination of technologies and the exchange of experience between the BRICS member countries, new opportunities appear, but at the same time new risks, in particular in the field of information security - the expansion of the threat of cybercrimes on a global scale.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, cybercrime, union, digitalization, innovative technologies, BRICS countries.

Введение

Государства, образовавшие новый формат международных отношений, вступив в экономический союз и став членами межправительственной организации БРИКС, объединили пять сильнейших экономик в мире. Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, расширяя экономические связи и повышая уровни влияния на разрешение имеющихся проблем в международной сфере, заложили начало формирования многополярного мира. Страны БРИКС совместно отвечают на современные внешнеполитические и внутриполитические вызовы, регулируют процесс трансформации международных отношений, но особое место отводят процессу обеспечения кибербезопасности.

Автор проводит анализ действующей системы информационной безопасности в процессе цифровизации, рассматривает сотрудничество стран БРИКС в обеспечении кибербезопасности участников союза и его расширение. Вопрос об улучшении механизма кибербезопасности на протяжении длительного времени остается актуальным, выступая в качестве одной из центральных тем в повестке обсуждений стран экономического союза БРИКС. Каждое государство преследует общие цели, при этом интересы не затрагивают границ международного сотрудничества.

О разрешении поставленной проблемы, устранения преступлений в информационной среде, впервые было сказано в Декларации, принятой по итогам III саммита БРИКС 14 апреля 2011 г. в городе Санья (Китай) [1].

Данная проблема была обозначена в качестве остро стоящей в «Форталезской декларации», которую приняли по итогам VI саммита БРИКС в июле 2014 г. в Форталезе (Бразилия). В Декларации отмечалась необходимость в усилении обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий и борьбе с киберпреступностью. Особое значение имели разоблачения Эд-

варда Сноудена, после которых странами БРИКС были приняты меры, направленные на обеспечение информационной безопасности, а также сделан вывод о необходимости коллективного противостояния «актам массовой электронной слежки» [2].

Материалы и методы

В статье использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Анализируя поставленную проблему, образовавшуюся в международном праве, использовались для этого следующие материалы:

Уфимская декларация 2015 г., Югорская декларация 2015 г., Дорожная карта практического сотрудничества БРИКС в обеспечении безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий 2017 г., декларация Бразилиа 2019 г., соглашение о киберполиции 2018 г., Московская декларация 2020 г., Йоханнесбургская декларация-II 2023 г. и другие источники.

Югорская декларация 2015 г. определила основные направления сотрудничества участников БРИКС: демократическая информационная система «Открытый регион – умный регион», IT-решения с целью выработки стратегии и территориального планирования, электронное взаимодействие в международном сотрудничестве, открытое образование и др. Формирование единообразного мнения в союзе в информационной сфере, единые формулировки обязательных требований к обеспечению кибербезопасности информационного общества.

Одним из важных направлений в обеспечении цифровой безопасности стал организованный мониторинг в инновационном развитии стран БРИКС с целью предупреждения кибератак и кибертерроризма.

Результаты исследования

Принципиальность в сохранении суверенитета, отсутствие переходов границ государств и непринятие такого направления, как организация и исполнение массовой электронной слежки, указали в «Уфимской декларации», что приняли на VII саммите БРИКС, который прошел 9 июля 2015 г. в г. Уфе.

В Декларации обозначались основные направления по сотрудничеству стран БРИКС в области кибербезопасности и были поставлены следующие задачи для их достижения:

- обмен информацией и передовыми практиками в вопросах безопасности в сфере использования ИКТ;
- координация мер противодействия киберпреступности;
- сотрудничество между странами БРИКС с использованием существующих групп реагирования на компьютерные инциденты в области компьютерной безопасности (CSIRT);
- укрепление потенциала; разработка международных норм, принципов и стандартов и т. д. [3].

Значение такого сотрудничества, а также указание требований для ответственного поведения в цифровом пространстве отметили по заключению XI съезда БРИКС в ноябре 2019 г., принятой Декларации Бразилиа, где отметили «важность общепризнанных под эгидой ООН норм, правил и принципов ответственного поведения государств в сфере использования ИКТ» [4].

Обратим внимание на тот факт, что с 2015 г. существует Рабочая группа экспертов стран БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ. Спустя несколько лет, в 2017 г., была принята «Дорожная карта практического сотрудничества БРИКС в обеспечении безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий», которая образует взаимовыгодное сотрудничество БРИКС на международной арене.

XII саммит БРИКС, завершившийся 17 ноября 2020 г., в повестку дня включил девиз «Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, общей безопасности и инновационного роста», в ходе чего была принята Московская декларация, которая отразила в себе пункты о важности обеспечения кибербезопасности в информационной сфере в рамках союза [5].

Декларация включает в себя пункты об обязательном международном сотрудничестве, описании многовариантных форматов для обеспечения кибербезопасности стран-участников.

Во время проведения XIII саммита БРИКС все более глубокое и детальное рассмотрение на себя берет вопрос о кибербезопасности всеобщего информационного блока. Считаем, что расширение круга БРИКС осуществляется включением тех стран, которые имеют с Российской Федерацией один взгляд на подход в вопросе обеспечения информационной безопасности на международном поле.

Какие положительные факторы будут ожидать кандидатов? Для потенциальных стран-участников присоединение к союзу послужит приобретением таких возможностей, как:

1) взаимопомощь в повышении и укреплении киберпотенциала и ликвидация «технологического отставания» [2];

2) помощь участникам БРИКС, предоставляемая по мере необходимости и по личному обращению, пострадавшим от кибератак в обнаружении и расследовании этих киберпреступлений, идентификации преступных личностей, изучении вирусов, нейтрализации последствий кибератак и т. д. В 2018 г. страны БРИКС подписали соглашение о создании киберполиции, которая, в свою очередь, работает по принципу международной организации международной полиции (Интерпол) и носит наднациональный характер. Однако деятельность нового правоохранительного органа будет ограничиваться странами-участницами БРИКС [6]. Стоит отметить и опыт взаимодействия международной организации “Group-IB” по предотвращению и расследованию преступлений на цифровом поле, когда ими была оказана помощь киберполиции Индонезии в раскрытии киберпреступников, подвергших кибератаке большое количество онлайн-магазинов по всему миру [7];

3) эффективная координация мер противодействия киберпреступности и кибертерроризму [3];

4) обмен информацией и передовыми практиками в вопросах информационной безопасности, это касается в том числе и обнаружения информационных угроз [3];

5) сотрудничество в выявлении возможностей для осуществления совместных действий по решению общих проблем информационной безопасности [2];

6) научно-техническое сотрудничество в области обеспечения информационной безопасности [2].

Во время приготовлений к проведению саммита, 3 марта 2023 г. министр иностранных дел ЮАР Наледи Пандор подтвердила информацию о присут-

ствии В.В. Путина на съезде несмотря на то, что ордер Международного уголовного суда не был снят. Она указала на то, что Президент России является одним из лидеров союза БРИКС, а полученный ордер является поводом для беспокойства, на что оппозиция – Демократический альянс – выступила с судебным иском для того, чтобы добиться ареста В.В. Путина, после чего, по решению, Владимир Владимирович выступил на саммите в дистанционном формате через видеоконференцию. Южноафриканские представители еще до начала саммита поделились информацией о желании более 40 стран присоединиться к БРИКС, а 20 из них подали официальную заявку о приеме, среди которых Аргентина, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Венесуэла, Иран и ряд африканских стран (в том числе Алжир).

XV саммит БРИКС прошел в Йоханнесбурге 22–24 августа 2023 г., по заключению которого была принята Йоханнесбургская декларация, в которой вновь подчеркивается значимость инициатив, направленных на укрепление кибербезопасности, включая обмен знаниями и опытом в этой области [8].

Отметим, что в подведении итогов XV саммита БРИКС было принято решение о приглашении в состав БРИКС следующих членов: Объединенные Арабские Эмираты, Аргентина, Иран, Эфиопия, Египет и Саудовская Аравия, членство которых будет с 2024 г.

Обсуждение

Крайне важна выработка странами БРИКС консолидированной политики в сфере обеспечения информационной безопасности. Первые меры по данному вопросу уже были применены.

Во-первых, появились инновационные технические разработки в сфере противодействия информационным преступлениям. Отметим инновационную разработку российской группы компаний, основанной в 2003 г., АО «ИнфоВотч» – систему «Щит», направленную на обеспечение защиты автоматизированных систем управления технологическими процессами от кибератак, а с 2013 г. была запущена система защиты «Тайга», направленная на безопасность мобильных устройств от слежения и хищения информации. Использование систем компании «ИнфоВотч» позволит избежать нарушения работоспособности систем управления, аварии на промышленных объектах, корпораций, техногенных катастроф, проведение автоматической экспертизы исходных кодов для выявления слабых зон на предприятиях и в различных организациях [9].

Поначалу основная цель компании была в обеспечении защиты корпораций и промышленных производств от информационных утечек, теперь же это целый механизм, создающий информационные продукты для предотвращения и обнаружения попыток кибератак, возможных цифровых преступлений, контроль за работой бизнес-приложений, защита мобильных устройств и т. д.

Во-вторых, формируются инструменты для информационной среды с целью сотрудничества стран БРИКС, например общий сайт министерств иностранных дел союза БРИКС.

В-третьих, можно увидеть, как интерес ученых возрастает к проблеме кибербезопасности в странах межконтинентального экономического союза.

Международные взаимоотношения в области цифровизации совместно с учеными-исследователями играют важную роль. Так, в апреле 2012 г. Национальный комитет по исследованию БРИКС запустил регулярные бюллетени. В них собираются все сведения о российских и зарубежных исследованиях, от-

дельно отмечается новостная лента Национального комитета по исследованию БРИКС и предлагается обзор планируемых собраний и мероприятий [10].

Анализируя процесс обеспечения кибербезопасности в сфере цифровизации современного мира, обращаем внимание на защиту информационного общества каждого члена-участника союза и на важность сохранения мира не только в политической и экономической сферах, но и в области инновационной безопасности на международной арене.

Выводы

Образовавшаяся проблема в международном сотрудничестве БРИКС в контексте реализации поставленных задач в области цифровой безопасности обозначена интенсивной динамикой развития современного общества.

Проведенный анализ материалов дает возможность сделать вывод о том, какое направление развития отношений будет сохраняться в странах БРИКС с учетом меняющихся политических и экономических процессов, глобального развития информационного поля, а также размещение инновационных, кибернетических и информационно-телекоммуникационных технологий.

Как уже отмечалось ранее, актуальность темы исследования находит свое подтверждение кибератаками, которыми были подвержены крупные компании по всему миру. Информационные данные, хранящиеся на электронных носителях, в «облаке», которые осуществляют накопление и хранение информации, имеют способность повлиять на любую сферу современного общества – экономику, политику, культуру и общество в целом.

БРИКС отмечает необходимость активно заниматься не только вопросами улучшения обеспечения кибербезопасности информации и технологичных систем, но и расширением своего экономического союза.

На наш взгляд, Египет или Индонезия могли бы оформить выгодное сотрудничество с БРИКС, в частности наладив особый процесс коммуникации с Российской Федерацией.

Индонезия, являясь государством с инициативой, поддерживающей усилия на международной арене по решению вопроса обеспечения цифровой безопасности, имеет схожие политические взгляды с Россией.

Поскольку контакт между Индонезией и Россией уже был налажен, эта ситуация может стать ориентиром для развития и самого БРИКС. Усовершенствующую тенденцию в сотрудничестве союза может привнести страна Африки АО «ИнфоВотч» – система «щит», Египет. Интеграция кандидатов в результате покажет, как БРИКС успешно строит систему сотрудничества по вопросам организации и распространения кибербезопасности.

Египет повысит резерв БРИКС в сфере информационной безопасности, когда Индонезия поспособствует направлению развития защиты от кибератак на международном поле, что всецело отвечает требованиям Уфимской декларации, которая закрепляет, что страны союза признают «потенциал развивающихся государств в системе ИКТ и их важную роль в решении вопросов, связанных с проблематикой ИКТ в рамках Повестки дня в области развития на период после 2015 г.».

Список источников

1. Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 г.) // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907/> (дата обращения: 20.11.2023).

2. Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС) // Kremlin.ru. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf/> (дата обращения: 20.11.2023).
3. VII саммит БРИКС, Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 г.) // Kremlin.ru. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf/> (дата обращения: 20.11.2023).
4. Декларация Бразилиа по итогам XI саммита государств – участников БРИКС // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5458/> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Московская декларация XII саммита БРИКС // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5581/> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Страны БРИКС подписали соглашение о создании объединенной киберполиции // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/495098.php?ysclid=lpmsph6qva938246829/> (дата обращения: 22.11.2023).
7. В Индонезии при участии “Group-IB” задержаны киберпреступники, заразившие сотни онлайн-магазинов по всему миру // CNews. 2020. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-01-27_v_indonezii_pri_uchastii_groupib?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_refer-rer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2Fnews/ (дата обращения: 22.11.2023).
8. БРИКС // БРИКС – 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/> (дата обращения: 22.11.2023).
9. Информационная безопасность в цифровой экономике // АО «ИнфоВотч». URL: <https://www.infowatch.ru/?ysclid=lpmsvcw7nm977517680/> (дата обращения: 22.11.2023).
10. О комитете НКИ БРИКС // НКИ БРИКС. URL: <https://nkibrics.ru/pages/about/> (дата обращения: 22.11.2023).

Информация об авторах

Игнатова Каринэ Эдуардовна. Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры юриспруденции Волжского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет», Волжский, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-2953-3444; e-mail: ignatova.ke@vgi.volsu.ru; Адрес: 404133, Российская Федерация, г. Волжский, ул. 40 лет Победы, 11, Волжский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет».

Малахова Елена Петровна. Магистрант кафедры юриспруденции Волжского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет», Волжский, Российская Федерация. ORCID: 0009-0001-6697-9907; e-mail: malakh66@mail.ru; Адрес: 404133, Российская Федерация, г. Волжский, ул. 40 лет Победы, 11, Волжский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет».

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Declaration adopted following the BRICS summit (Sanya, Hainan Island, China, April 14, 2011) // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/907/> (access date: 20.11.2023).
2. Fortaleza declaration (adopted following the results of the sixth BRICS summit) // Kremlin.ru. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf/> (access date: 20.11.2023).
3. VII BRICS summit, Ufa Declaration (Ufa, Russian Federation, July 9, 2015) // Kremlin.ru. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf/> (access date: 20.11.2023).
4. Declaration of Brasilia following the XI BRICS summit // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5458/> (access date: 01.12.2023).
5. Moscow Declaration of the XII BRICS Summit // Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5581/> (access date: 20.11.2023).
6. The BRICS countries signed an agreement on the creation of a united cyber police // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/495098.php?ysclid=lpmsph6qva938246829/> (access date: 22.11.2023).
7. In Indonesia, with the participation of Group-IB, cybercriminals who infected hundreds of online stores around the world were detained // CNews. 2020. URL: http://www.cnews.ru/news/line/2020-01-27_v_indonezii_pri_uchastii_groupib?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_refer-rer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2Fnews/ (access date: 22.11.2023).
8. BRICS // BRICS 2023. URL: <https://brics2023.gov.za/> (access date: 22.11.2023).
9. Information security in the digital economy // JSC “InfoWatch”. URL: <https://www.infowatch.ru/?ysclid=lpmsvcw7nm977517680/> (access date: 22.11.2023).
10. About the BRICS NKI Committee // BRICS NKI. URL: <https://nkibrics.ru/pages/about/> (access date: 22.11.2023).

About the authors

Ignatova Karine Eduardovna. Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Jurisprudence, Volga branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2953-3444; e-mail: ignatova.ke@vgi.volsu.ru; Address: 404133, Russian Federation, Volzhsky, st. 40 years of Victory, 11, Volga branch of Volgograd State University.

Malakhova Elena Petrovna. Undergraduate, Department of Jurisprudence, Volga branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-6697-9907; e-mail: malakh66@mail.ru; Address: 404133, Russian Federation, Volzhsky, st. 40 years of Victory, 11, Volga branch of Volgograd State University.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

МЯГКАЯ СИЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В XXI В.

Пеньковцев Роман Владимирович¹,
Габидуллин Камиль Маратович²

¹ Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6579-5786; e-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

² Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
ORCID: 0009-0003-2545-9985; e-mail: balanly1999@gmail.com

Аннотация. В основу данной статьи положен всесторонний и комплексный анализ внешнеполитических решений, которыми руководствовались Соединенные Штаты в рамках концепции «мягкой силы», как при правлении президента Барака Обамы и президента Дональда Трампа. США при президенте Барака Обамы сделал основополагающей концепцией внешней политики США именно фактор мягкой силы. Когда позднее на смену ему пришел Дональд Трамп, мягкая сила перестала играть важную роль в проведении внешнеполитического курса Белого дома. В целом США начали не только применять мягкую силу, но и пользоваться более агрессивной политикой в отношении тех стран, которые не признавали США единоличным лидером мирового порядка.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, международная безопасность, внешняя политика, мягкая сила, глобализация, США, Барак Обама, Дональд Трамп.

SOFT POWER AS AN INSTRUMENT OF US FOREIGN POLICY IN THE XXI CENTURY

Penkovtsev Roman Vladimirovich¹,
Gabidullin Kamil Maratovich²

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6579-5786; e-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

² Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
ORCID: 0009-0003-2545-9985; e-mail: balanly1999@gmail.com

Abstract. This article is based on a comprehensive and comprehensive analysis of the foreign policy decisions that have guided the United States under the concept of “soft power”, both under the administration of President Barack Obama and President Donald Trump. The United States under President Barack Obama made the soft power factor the fundamental concept of US foreign policy. When Donald Trump later replaced him, soft power ceased to play an important

role in the White House's foreign policy. In general, the United States began to use not only soft power, but also a more aggressive policy towards those countries that did not recognize the United States as the sole leader of the world order.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, international security, foreign policy, soft power, globalization, USA, Barack Obama, Donald Trump.

Введение

В настоящее время понятие «мягкой силы» все чаще используется не только в политике, но и во многих других сферах общественной жизни в целом. Международное сообщество сталкивается с этим даже в самых обычных ситуациях, таких как культурный обмен, учеба за границей, торговля, изучение языков, средства массовой информации, а также социальные сети и др. Сегодня эта концепция стала мощным инструментом интеграции стран посредством отказа от принуждения и применения традиционной силы. Напротив, «мягкая сила» стала описываться как наиболее эффективный инструмент для завоевания доверия к нынешнему «балансу сил» и «наличию ядерного оружия».

Материалы и методы

Соединенные Штаты являются основоположником и ярким примером внедрения концепции «мягкой силы» в практику. Эта концепция была наиболее успешно применена во внешней политике президентом Бараком Обамой. Недавно международное сообщество являлось свидетелем драматического изменение внешней политики со сменой администрации Соединенных Штатов от Обамы к Трампу в 2016 г.

Смена администрации неизбежно привела ко многим изменениям в разработке и применении концепции «мягкой силы», прежде всего американского внешнеполитического курса. Спокойный и умеренный взгляд Барака Обамы сменился уверенным и агрессивным взглядом президента Дональда Трампа, который, казалось, стремился произвести впечатление более строгим взглядом на внешнюю политику, стремясь тем самым превратить Соединенные Штаты в страну-изоляциониста. Обама не только использовал «мягкую силу» во внешней политике, но и смог наладить рабочие отношения с «государствами-изгоями». С другой стороны, Д. Трамп, в свою очередь, пытался укрепить внешнюю политику государства, восстанавливая суверенитет и вступая в конкуренцию с лидерами других государств, вместо того чтобы сосредоточиться на построении диалога.

В данной статье предпринимается попытка проведения компаративного изучения основных внешнеполитических подходов, которыми руководствовались Соединенные Штаты в рамках концепции «мягкой силы», как при правлении президента Барака Обамы и президента Дональда Трампа. При проведении исследования были использованы методы сравнительно- сопоставительного анализа, политического анализа и исторического познания.

Результаты исследования

Вступление Дональда Трампа на пост президента и его более чем противоречивые взгляды на внешнюю политику вызвали раскол в американском истеблишменте, а также между США и их союзниками и конкурентами.

Гипотезой данного исследования является потеря эффективности концепции «мягкой силы» во внешней политике США после смены администраций Барака Обамы и Дональда Трампа. В этой статье предполагается, что администрация Трампа предпочтительно позиционировала свое влияние на мировой арене с точки зрения традиционной власти, уделяя меньше внимания «мягкой силе». Администрация Трампа лишила способность использовать эту концепцию во внешней политике из-за иной стратегии развития государства и средств влияния на другие страны.

Если начать все с самого начала, то в конце XX в. мир вступил в эпоху стремительного развития и преобразований. Соответственно, это также нашло отражение в различных изменениях в теориях в области международных отношений. Теории, концепции, направления и школы международных отношений предложили свои подходы к решению традиционных вопросов и ситуаций в международной сфере. С середины 1980-х гг. традиционная власть стала рассматриваться по-другому, благодаря неолиберальной школе. Была предложена новая идея – идея «мягкой силы». Для начала определимся с понятием «сила» в международных отношениях.

Сила – это способность контролировать и делать что-либо для собственной политической выгоды, а также принуждать других делать то, чего они в противном случае не стали бы делать.

Также нет принципиальных различий между реализмом и концепцией «мягкой силы». Действительно, по мнению представителя политического реализма Ганса Моргентау, все политические отношения сводятся к борьбе за власть. Он рассматривал саму власть как возможность контролировать умы и действия людей, а политическая власть – это отношения взаимного контроля между теми, кто обладает властью, и между последними и народом в целом. В сфере международных отношений под борьбой за власть Г. Моргентау подразумевал борьбу государств за утверждение своего силового превосходства и влияния в мире [1]. Соответственно, для реалистов использование «мягкой силы» может быть эффективным инструментом.

Джозеф Най, профессор Гарвардского университета в области международных отношений, бывший помощник министра обороны по международной безопасности при Клинтоне, администрация и председатель Национального Совета по разведке, ввел термин «мягкая сила» в 1990 г. и заявил, что произошла трансформация в определении власти. По его мнению, власть становится все менее и менее взаимозаменяемой; эффект принуждения в поведении власти теряет свое значение, и она уступает место кооперативной власти, которая, как правило, возникает за счет таких ресурсов, как культурная и идеологическая привлекательность.

Само понятие «мягкой силы» – это идеи либерального и неолиберального направлений. Это связано с их теориями международных отношений, такими как: теория демократического мира, экономическая взаимозависимость, теория международной организации.

Основываясь на первой либеральной теории демократического мира, демократы не будут воевать против идей других демократов. При демократии люди имеют право голоса в стране и могут навязывать мирные цели.

Поэтому демократии более склонны использовать мягкую силу, а не жесткую. Даже если в случае сложной ситуации в стране демократы будут использовать пропаганду и самокритику своих идей, тем самым они повысят доверие народа к стране. То есть, когда политика подвергается критике, это мо-

жет создать некоторую мягкую силу, поскольку люди из других стран могут рассматривать это как доказательство подлинности и как признак свободы слова [6].

Следующей либеральной теорией международных отношений является экономическая взаимозависимость. Если мы посмотрим с точки зрения призмы глобализации, что все страны должны быть экономически связаны друг с другом, это, скорее, принуждение и, соответственно, ближе к «жесткой силе», чем к «мягкой силе». В конце концов государство, обладающее значительными экономическими ресурсами, скорее всего, начнет оказывать давление и изменять поведение других государств, которые экономически слабее. Однако свободная торговля и экономические ресурсы могут стать привлекательными для других стран. И успешная либеральная экономика может вызвать желание в других странах перенять эту модель [9].

По словам экспертов, «Китай добился больших успехов в своем продвижении на мировой уровень, в XX в. страна не была на втором месте по экономике, а буквально за короткий период стала великой державой, которая продолжает расти». Считается, что «существует небольшая проблема между идеологиями Китая и Запада, между демократической и коммунистической идеями, которая бросает тень на представление о Поднебесной в Европе и Америке» [3]. Однако, несмотря на это, Соединенные Штаты в любом случае пытаются поддерживать позитивные отношения с КНР. В 1970-х гг. предпринимались попытки установить дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Китаем. Это началось с поддержки США Китая в тайваньском вопросе. В 1980-х гг. западная идеология начала динамично развиваться в Китае. Когда Дэн Сяопин пришел к власти с либеральными взглядами, народ думал, что государство с консервативной политикой превратилось в более демократическую страну. Отношения улучшились, и, соответственно, это означало начало привлечения иностранных инвестиций.

Историческая подоплека обсуждения проблемы «мягкой силы» всегда была стратегическим приоритетом во внешнеполитической повестке Соединенных Штатов, что свидетельствует о ее стратегической и политической важности для ее реализации. Таким образом, у администрации Обамы и Трампа были несколько разные взгляды на концепцию «мягкой силы», а также на процедуру интерпретации. Очевидная причина заключается в том, что демократические и республиканские партии сильно отличаются во внешней политике США, что делает их внешнюю политику привлекательной как для читателей, так и для политиков в целом. За последнее десятилетие мир часто слышит о концепции «мягкой силы», о неуклонном расширении и использовании этого политического инструмента не только в международных отношениях, но и во многих других аспектах государственного развития. Актуальность «мягкой силы» выходит далеко за рамки ее использования, ее универсальное применение имеет важные стратегические последствия для мирового сообщества, поскольку оно радикально изменило то, как страны взаимодействуют на мировой арене. Эта концепция также существенно повлияла на искусство дипломатии, восприятие мира с точки зрения стратегии и лидерства на мировой арене. Сегодня можно выстроить положительную и в то же время отрицательную корреляцию между различными стилями внешней политики экс-президентов США Барака Обамы и Дональда Трампа. 22 ноября 2016 г. Дональд Трамп объявил о своих ключевых направлениях внешней политики.

В своей президентской речи он предложил своей стране выйти из Транстихоокеанского партнерства; разработать план защиты от кибератак; снять ограничения на добычу всех энергоресурсов; пересмотреть миграционную политику, чтобы сохранить рабочие места в штате для американцев. Для этого он предложил построить стену на границе с Мексикой. Избранный президент также был полон решимости отменить 60–70 % указов сорок четвертого президента Соединенных Штатов Барака Обамы. Через год после своего правления Д. Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения по климату.

Затем он отменил свой визит в Лондон, сославшись на нежелание: причина – открытие нового американского посольства [8].

Администрация Дональда Трампа по большому счету стала катастрофой для мягкой силы Соединенных Штатов и международного авторитета. Очевидно, что американская популярная культура и продукция американских компаний остаются популярными за рубежом.

Опросы общественного мнения показывают, что граждане многих стран не особенно доверяли политике Д. Трампа, чем это было во время президентства Б. Обамы. Эгоизм, проявляемый в риторике и политике Соединенных Штатов Америки, его пренебрежительное отношение к установленным нормам и ценностям, также личность Трампа оттолкнули даже близких союзников. Политики Дональда Трампа не так активно интересовались всеми ресурсами и инструментами «мягкой силы», особенно публичной дипломатией. В конце концов эта форма дипломатии является одним из ключевых инструментов, используемых политиками для создания мягкой силы, это усилия правительства по непосредственному общению с другими странами.

Уильям А. Раг – профессор практики в Северо-Восточном университете, сотрудник Дипломатической службы США в 1964–1995 гг. – считает, что «американские политические лидеры в Конгрессе и других местах, американская пресса и американские представители в неправительственных организациях по всей стране выступают во время выступления Дональда Трампа. Они будут работать над укреплением нашей практики и основных принципов, которые известны и уважаются во всем мире. Привычные отношения в американской политике возобновятся, и, возможно, преувеличенная риторика президентской политической кампании может исчезнуть, по крайней мере, в какой-то степени.

Однако на данном этапе нашей истории мы должны признать, что репутации Америки за рубежом был нанесен ущерб. Американским дипломатам, работающим за границей, остается только надеяться, что элементы нашей «мягкой силы», которые так помогали нашим национальным интересам в прошлом, восстановятся [8].

В результате можно сделать вывод, что вся политика Д. Трампа продолжает осуществляться без вмешательства американских представителей в неправительственных организациях несмотря на то, что некоторые действия президента не одобряются.

Дональд Трамп выступал за закрытие границ США для мигрантов. То есть это полностью противоречит использованию такого инструмента мягкой силы, как поддержка мигрантов и открытие границ. И даже на выборах было ясно, что президент не поддерживал политику предыдущей администрации.

Большинство стран также не одобряют усилия новой администрации по ограничению въезда в Соединенные Штаты граждан из некоторых стран с мусульманским большинством.

Согласно опросу Gallup от 13 января 2018 г., проведенному в 134 странах, только 30 % американцев тогда одобряли руководство США. Это рекордно низкий показатель, на 18 % ниже, чем при президенте Бараке Обаме.

В рейтинге Power 30, который измеряет эффективность использования «мягкой силы», США в 2017 г. опустились с первого на третье место, уступив Франции и Великобритании [2].

Джозеф Най писал про политику Дональда Трампа в своем труде «Американская «мягкая сила» в эпоху Трампа или о том, почему в условиях недавней информационной революции подобные инструменты становятся важными». С начала правления Дональда Трампа концепция «мягкой силы» начала ослабевать. Твиты президента могут помочь сформировать глобальную повестку дня, но они не создают мягкой силы, если они не являются привлекательными для других [4].

Намерение Трампа отказаться от сделки по ядерному оружию с Ираном встретило меньшую оппозицию, чем другие его политические инициативы, но даже здесь такие действия не одобрялись общественностью по всему миру.

Также немного о недавних событиях. 3 января 2020 г. Багдадский аэропорт подвергся ракетному обстрелу со стороны американских вооруженных сил. В конечном счете из-за этого был убит иранский военный лидер Касем Сулеймани. Это произошло потому, что было совершено нападение на американское посольство в Багдаде, и они обвинили Иран за этот произошедший инцидент. Убийство Касема Сулеймани вызвало ударную волну на Ближнем Востоке и за его пределами, вызвав опасения по поводу полномасштабной войны между Вашингтоном и Тегераном.

«Иранские власти выразили свое видение того, что Соединенным Штатам просто так не сойдет с рук смерть их военного лидера и генерала К. Сулеймани». Такие действия максимально противоречили дружественной политике Соединенных Штатов по отношению к любой стране.

Глобальное исследование, проведенное Исследовательским центром Пью во время президентства Джорджа У. Буша, показало, что многие ключевые направления внешней политики Буша были не пользующимися общественными симпатиями, и к тому времени, когда он покинул свой пост, Буш был негативно воспринят в большинстве опрошенных стран. Его преемник, Обама, в целом получал более положительные оценки на протяжении всего своего пребывания в США [1].

В период президентства Дональда Трампа во многих странах рейтинги президента очень были похожи на рейтинги Буша в конце его президентского срока. Эта картина особенно отчетливо проявлялась в Западной Европе. В Великобритании, Франции, Германии и Испании низкий уровень доверия к Трампу очень похож на низкий рейтинг Буша в 2008 г.

Соединенные Штаты под его руководством все чаще прибегали к «жесткой силе». Не только известные политологи, такие как Джозеф Най, но и обычные люди обвиняли Трампа в ухудшении имиджа США. Но некоторые аспекты «мягкой силы» оставались в силе. Популярная культура в Соединенных Штатах (кино, телевидение и музыка) по-прежнему так влиятельна, как никакая другая [5].

Президент, с его видением и подходом к управлению страной, продолжал проводить менее дипломатическую политику, но интеграционные процессы, которые были запущены еще до правления Трампа, не заставили его прийти к равновесию. В будущем «мягкая сила» сможет дальше являться ключевой ос-

новой внешней политики США уже только под контролем следующего президента – Джозефа Байдена.

Обсуждение

В современном мире с развитием информационного общества прежние методы ведения внешнеполитической деятельности государств теряют свою силу и эффективность. Сегодня ключевыми и важнейшими факторами в международных отношениях являются не столько военная мощь государства и наличие ядерного потенциала, сколько экономический рост и культурная привлекательность.

Опыт последних десятилетий показывает, что политика «жесткой силы» перестает восприниматься как наиболее эффективный способ противостояния государствам. Напротив, концепция «мягкой силы» с ее инструментами косвенного и ненасильственного влияния набирает все большую популярность.

«Мягкая сила» стала важнейшим инструментом в реализации внешней политики многих стран. Как утверждал Джозеф Най, «мягкая сила» – это способность получать то, что вы хотите, на основе добровольного участия союзников, а не путем принуждения или оплаты. Мировой опыт показывает, что сегодня «мягкая сила» стала разновидностью управленческой политики, направленной в конечном счете на достижение геостратегической цели конкретной страны.

Выводы

Таким образом, мы можем сказать, что политика «мягкой силы» Барака Обамы вывела информационное воздействие Соединенных Штатов на мировое общественное мнение на новый уровень. Ожидания американской публики были полностью оправданы в понимании формулы «хлеба и зрелищ». Изучение политического наследия Б. Обамы позволяет увидеть, что результаты его политики в значительной степени соответствуют положениям, заявленным в его предвыборной программе.

В настоящее время политика Соединенных Штатов прочно ассоциируется с применением инструментов «мягкой силы». Белый дом обладает большим опытом в реализации этой политики: при осуществлении мягкого влияния он распространяет выгодную для себя информацию, организует политические визиты, оказывает финансовую помощь.

Список источников

1. Зарождение политического реализма в США. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1396220/> (дата обращения: 01.01.2023).
2. Карпушина М. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики США. 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/159631984.pdf/> (дата обращения: 01.01.2023).
3. Каукунов о «мягкой силе» Китая на Западе. 2014. URL: <https://ru.valdaicclub.com/multimedia/video/adil-kaukenov-o-myagkoysile-kitay-na-zapade/> (дата обращения: 01.01.2023).
4. Най Дж. Американская «мягкая сила» в эпоху Трампа или о том, почему в условиях недавней информационной революции подобные инструменты становятся важными – сила в эпохе Трампа. 2016. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/mirovye-diskussii/amerikanskayamyagkaya/> (дата обращения: 01.01.2023).

5. *Най Дж.* Обязанный лидировать: меняющийся характер американской власти. Основные книги (Нью-Йорк). США и Иран на пороге войны? 2011. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2822777.html/> (дата обращения: 01.01.2023).
6. *Пармар И., Кокс М.* Мягкая сила и внешняя политика США: теоретические, исторические и современные перспективы // Электронная библиотека Тейлора и Фрэнсиса. 2019.
7. *Пименова Е.В.* Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1 (52). С. 57–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakat-myagkoj-silyevolyutsiya-teorii-i-praktiki-myagkoj-sily/> (дата обращения: 01.01.2023).
8. *Уильям А.Р.* Президент Трамп и мягкая сила Америки. 2015. URL: <https://www.palgrave.com/gp/palgrave/campaigns/> (дата обращения: 01.01.2023).
9. *Федякин Ю.В.* Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. М.: МИИТ, 2009. 256 с.

Информация об авторах

Пеньковцев Роман Владимирович. Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-6579-5786; e-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Габидуллин Камиль Маратович. Магистрант Института международных отношений Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0009-0003-2545-9985; e-mail: balanly1999@gmail.com; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Вклад авторов

Пеньковцев Р.В. – научная корректировка, доработка текста.

Габидуллин К.М. – исследовательская работа, концепция исследования, итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. The birth of political realism in the USA. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1396220/> (access date: 01.01.2023).
2. Karpushina M. “Soft power” as an instrument of US foreign policy. 2018. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/159631984.pdf/> (access date: 01.01.2023).
3. Kaukenov about China’s “soft power” in the West. 2014. URL: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/adil-kaukenov-o-myagkoysile-china-in-the-west/> (access date: 01.01.2023).
4. Nye J. American Soft Power in the Trump Era or Why Such Tools Are Important in the Recent Information Revolution – Power in the Trump Era. 2016. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/mirovye-diskussii/amerikanskayamyagkaya/> (access date: 01.01.2023).
5. Nye J. Obligated to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books

- (New York). US and Iran on the brink of war? 2011. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2822777.html/> (access date: 01.01.2023).
6. Parmar I., Cox M. Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives // Taylor & Francis Digital Library. 2019.
 7. Pimenova E.V. The decline of “soft power”? The evolution of the theory and practice of soft power // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. No. 1 (52). P. 57–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakat-myagkoy-silyevolyutsiya-theory-and-practice-of-soft-power/> (access date: 01.01.2023).
 8. William A.R. President Trump and America’s Soft Power. 2015. URL: <https://www.palgrave.com/gp/palgrave/campaigns/> (access date: 01.01.2023).
 9. Fedyakin Yu.V. Foreign experience in the policy of forming a positive image of the state: A comparative analysis of theory and practice. M.: MIIT, 2009. 256 p.

About the authors

Penkovtsev Roman Vladimirovich. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6579-5786; e-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

Gabidullin Kamil Maratovich. Undergraduate, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-2545-9985; e-mail: balanly1999@gmail.com; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

Contribution of the authors

Penkovtsev R.V. – scientific correction, follow - on revision of the text.

Gabidullin K.M. – research work, research concept, final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

КИБЕРУГРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В СФЕРЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI В.

Низамова Маргарита Александровна¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2199-4855; e-mail: margarita-nizamova@mail.ru

Аннотация. В статье представлена динамика подходов правительства Японии к обеспечению кибербезопасности, ключевые тенденции в характере киберугроз, их масштабах, а также ответные меры и их эффективность. Приводятся статистические данные, на основе анализа которых делается вывод об отсутствии на данном этапе комплексного подхода к обеспечению устойчивой политики кибербезопасности.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, Япония, киберпространство, политика кибербезопасности, кибератаки, информационная безопасность, геополитическое противостояние, Олимпийские игры 2020.

CYBER THREATS IN THE CONTEXT OF JAPAN'S CYBERSECURITY POLICY AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Nizamova Margarita Alexandrovna ¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,

ORCID: 0000-0002-2199-4855; e-mail: margarita-nizamova@mail.ru

Abstract. The article presents the dynamics of the Japanese government's approaches to ensuring cybersecurity, key trends in the nature of cyber threats, their scale, as well as response measures and their effectiveness. Statistical data is presented, based on the analysis of which it is concluded that at this stage there is no comprehensive approach to ensuring a sustainable cybersecurity policy.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, Japan, cyberspace, cybersecurity policy, cyber-attacks, information security, geopolitical confrontation, Olympic Games 2020.

Введение

В начале XXI в. мир столкнулся с растущей взаимозависимостью интернет-пространства и реального пространства, что привело к активному внедрению современных цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности и производства. Вследствие растущих масштабов цифровизации и повсеместного внедрения информационных технологий киберпространство стало ареной геополитического противостояния, где различные акторы ведут соперничество за ресурсы и геостратегическую выгоду. Япония, будучи одним из са-

мых развитых с точки зрения информационных технологий государств, неизбежно стала объектом кибератак и столкнулась с новыми вызовами и угрозами в области кибербезопасности.

Согласно статистическим данным, приведенным в докладе Международного союза электросвязи при ООН, к концу 2021 г. процент населения, имеющего доступ к сети Интернет, составил более 60 % (4,9 млрд человек или 2/3 населения Земли) [1]. Однако, несмотря на все положительные стороны распространения Интернета и его повсеместную интеграцию в повседневную жизнь, реальность такова, что Интернет создал «новое военное пространство», в котором различные субъекты могут заниматься международным шпионажем, подрывать экономическую и политическую деятельность, оказывать дипломатическое давление, подрывать безопасность путем организации митингов и революций и даже парализовать деятельность объектов критической инфраструктуры.

В киберпространстве, как и в геополитическом пространстве, основную роль играют «цели» и «интересы» того или иного актора, а в качестве акторов выступают как правительства, правительственные и неправительственные организации, так и небольшие компании и даже обычные люди. Зачастую неправительственные организации становятся даже более успешными и могущественными акторами в киберпространстве, нежели непосредственно правительства.

Фактически единственной сверхдержавой на данный момент являются Соединенные Штаты Америки, и конкуренцию им может составить только Китай, однако киберпространство является своего рода «уравнителем». Когда речь заходит о кибербезопасности и наступательных возможностях, даже маленькие государства могут в разы превзойти по возможностям крупные развитые страны и впоследствии использовать свое преимущество в киберпространстве для продвижения собственных геополитических интересов и целей. Ведение информационных войн, осуществление кибератак с целью подрыва деятельности организаций и правительственных учреждений, промышленный шпионаж, нарушение прав интеллектуальной собственности и многие другие способы дестабилизации обстановки без возможности установления ответственности того или иного актора в конечном счете приводят к тому, что посредством киберпространства государства достигают целей, которые не могут быть достигнуты традиционными средствами. «То, что вы видите сегодня, – это то, как технологии становятся мощнее и сводят к минимуму способность традиционных институтов держать их под контролем» [2], – сказал в интервью для SecurityWeek Кристофер Брей, вице-президент и генеральный директор Cylance Inc.

Использование киберпространства для реализации собственных геополитических целей превратило его из пространства коммуникации и торговли в пространство для международной конкуренции и политической, экономической и военной конфронтации. Киберпространство стремительно становится одним из приоритетных направлений внутренней и внешней политики, политики международной безопасности и новым стратегическим инструментом достижения геополитических целей.

Материалы и методы

В качестве информационно-исторических источников авторами были привлечены стратегии информационной и кибербезопасности Японии, на основе сравнительно-сопоставительного анализа которых удалось проследить взаи-

мосвязь между изменениями характера угроз и предпринимаемыми правительством мерами. Множественные статистические данные, опубликованные специализированными учреждениями ООН, позволили оценить уровень внедрения информационных технологий в различные отрасли, а количественный и качественный анализ киберугроз и их тенденций позволил обосновать растущую важность киберпространства и кибербезопасности в реализации внешне- и внутривластного курса Японии. Также авторы ссылаются на ежегодные отчеты по реализации предпринятых в сфере обеспечения кибербезопасности мер, которые позволяют оценить их эффективность и демонстрируют положительную динамику, опираясь на актуальные статистические данные. Для изучения документов авторы применяли общенаучный метод анализа и синтеза, а метод классификации позволил систематизировать существующие угрозы и определить их цели.

Результаты исследования

Согласно ежегодному отчету о развитии информационно-коммуникационных технологий, опубликованному Международным союзом электросвязи ООН, Япония занимает третье место по совокупным показателям процента населения, имеющего доступ к Интернету, и процента населения, имеющего компьютер, уступая лишь Бахрейну и Южной Корее [3, с. 139]. В процентном соотношении доступ к сети Интернет имеют 90,6 % населения, а уровень использования информационных и коммуникационных технологий в частных и государственных предприятиях составляет около 70 % [4, с. 2].

Киберугрозы Японии в первое десятилетие XXI в. Киберпространство стало неотъемлемой частью жизни японского общества, обладающего огромным потенциалом в сфере экономического развития и инновационной деятельности, ввиду чего правительство Японии продолжает активно его осваивать и все больше интегрировать во все сферы жизнедеятельности. Помимо частного и корпоративного использования сети Интернет, благодаря высокому уровню развития информационных технологий и их постоянному и повсеместному внедрению внутри страны, ИКТ на данный момент пронизывают все аспекты социально-экономической инфраструктуры страны. Вследствие такого высокого уровня интеграции кибератаки стали представлять реальную угрозу национальной безопасности государства. Стремясь сохранить репутацию одной из наиболее развитых стран мира в сфере кибербезопасности, перед японским правительством стоит важнейшая задача – обеспечение достойного уровня безопасности киберпространства, а беря во внимание масштабы цифровизации страны, обеспечение безопасности киберпространства тесно связано с обеспечением безопасности реального пространства, в том числе с обеспечением национальных интересов государства [5].

До начала XXI в. кибератаки носили точечный характер, осуществлялись компьютерными вирусами, не подрывали национальную безопасность Японии и не оказывали масштабного негативного влияния на функционирование предприятий и учреждений. Однако новый век был ознаменован существенными изменениями в характере кибератак и их влиянии на национальную безопасность. Наряду с компьютерными вирусами появились более сложные и целенаправленные формы, такие как хакерские атаки, фишинг, несанкционированный сетевой доступ и кибершпионаж, которые используют пробелы в системе безопасности того или иного объекта, похищают, зашифровывают или удаляют

информацию, тем самым приостанавливая их работу. Кроме того, точечные атаки переросли в целевые, направленные на подрыв деятельности коммерческих организаций и государственных ведомств.

Следствием активизации киберпреступности стали атаки на правительственные сайты Японии, по причине которых правительственные ведомства стали объектами масштабного несанкционированного доступа, целью которого был не просто доступ к персональным данным, а подрыв деятельности правительственных учреждений. Веб-страницы министерств и ведомств были сфальсифицированы, статистические данные переписи населения, хранившиеся в базах данных агентства по общим вопросам, были стерты, а тот факт, что первым в ходе серий кибератак пострадало агентство по науке и технике, на домашнюю страницу которого было помещено сообщение с обвинениями японцев в Нанкинской резне, наглядно продемонстрировало низкий уровень осведомленности правительства Японии в вопросах кибербезопасности [6]. Домашняя страница Агентства науки и технологий была взломана.

Геополитическое противостояние в информационном пространстве проявляется в виде кибератак, направленных на правительственные учреждения, критическую инфраструктуру, крупные корпорации и другие секторы, а целью кибератак является преимущественно хищение информации, а также экономическая и политическая дестабилизация. В ходе серии беспрецедентных кибератак, прокатившихся по стране с 24 января по 7 февраля 2000 г., была приостановлена деятельность практически всех правительственных ведомств, что впервые привлекло внимание не только правительства Японии, но и всего мира к проблемам кибербезопасности. Согласно предположению японского новостного портала Nikkei, кибератаки на правительственные сайты были инициированы хакерами из КНР в ответ на митинг, проведенный в Осаке 23 января 2000 г. с целью отрицания Нанкинской резни [7]. Вышеперечисленные события превратили кибератаки в инструмент политической пропаганды и геополитического противостояния и подчеркнули критическую важность разработки мер по обеспечению кибербезопасности на правительственном уровне. Таким образом, уже в начале XXI в. перед руководством Японии встала важная задача – обеспечение кибербезопасности правительственных структур, предприятий и критической инфраструктуры в рамках обеспечения национальной безопасности государства.

Помимо серии кибератак 2000 г. в первое десятилетие XXI в. крупных атак, поставивших под угрозу национальную безопасность Японии, не было, что позволило правительству последовательно подойти к вопросу формирования политики информационной безопасности. В то же время отсутствие таких угроз привело к тому, что меры, предпринятые правительством, были актуальны на начало 2000-х гг. и лишь частично соответствовали стремительно меняющемуся характеру угроз.

Киберугрозы Японии в 2010–2017 гг. Новое десятилетие было ознаменовано началом четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) и активным внедрением Интернета вещей во все сферы экономики. Активная государственная политика по реализации научно-технического потенциала, повсеместное внедрение высоких технологий, активизация разработки искусственного интеллекта и робототехники привели к тому, что Япония стала одной из основных целей кибератак. С 2010-х гг. началась вторая для Японии волна киберугроз, которая в свою очередь носила принципиально новый характер и совершенно иные масштабы. Наиболее значимым инцидентом для Японии в контек-

сте кибербезопасности стала атака 2011 г. на сервера корпорации Mitsubishi Heavy Industry – крупнейшего поставщика военной техники министерства обороны Японии, целью которой стал промышленный шпионаж. Хакерам удалось получить доступ к конфиденциальной информации по подводным лодкам, ракетам, истребителям и атомным электростанциям Японии [8]. Атака на МНІ не только показала некомпетентность ответственных за проведение политики информационной безопасности органов и неактуальность предпринятых в этой области мер, но и стала первой крупной атакой на объект критической инфраструктуры, поставившей под угрозу национальную безопасность Японии. В этом же году был взломан сервер нижней палаты парламента и похищен доступ всех ее членов, посольства и консульства Японии систематически подвергались множественным атакам, а похищенные данные хранились на серверах, находящихся на территории Китая [9].

Согласно статистическим данным «Белой книги по информационной безопасности», опубликованной Агентством по продвижению информационных технологий в 2022 г., количество зарегистрированных инцидентов в сфере кибербезопасности в 2021 г. увеличилось в 1,4 раза по сравнению с 2020 г. и составило 769 атак [10, с. 12]. Наиболее крупными инцидентами за период с 2010 по 2020 г. стали следующие.

1. Кибератака на японский пенсионный фонд 12 июня 2015 г. С помощью вируса были похищены персональные данные более 1,25 млн человек [11].

2. Несанкционированный доступ к сервису PayPal 1 декабря 2020 г. Более 20 млн единиц информации могли попасть в открытый доступ из-за неправильной конфигурации прав доступа к серверу [12].

3. Subway Japan – апрель 2021 г. Несанкционированный доступ к персональной информации более 10 000 сотрудников и посетителей.

4. Kojima Press Kogyo (компания по сотрудничеству с Toyota Motor) – 1 марта 2022 г. 28 линий на 14 заводах Toyota Motor в Японии остановили производство из-за атаки вредоносного программного обеспечения Ransomware [13].

5. Реабилитационная больница Касугаи – 12 мая 2022 г. Электронные медицинские карты 50 000 пациентов были зашифрованы программой Ransomware с невозможностью дальнейшего дешифрования [14].

Вышеперечисленные инциденты и тот факт, что только лишь за 2013 г. Япония подверглась более 5 млн атак, привели к тому, что правительство Японии инициировало полноценную деятельность по обеспечению кибербезопасности государства, разработав стратегию кибербезопасности, пришедшую на смену стратегии информационной безопасности. Переход к стратегии кибербезопасности был обусловлен рядом причин, среди которых следует особо выделить меняющийся характер киберугроз и глобальные тенденции в области кибербезопасности; стремительно растущее количество киберинцидентов в Японии и репутационные потери от них; высокий уровень интегрированности информационных технологий в предприятиях критической инфраструктуры, необходимость обеспечения их защиты и бесперебойного функционирования; стратегическое партнерство Японии и США в рамках технологического противостояния с Китаем.

Активизация усилий по обеспечению кибербезопасности перед Олимпийскими играми 2020. Подготовка к Олимпийским играм представляла собой серьезное испытание для Японии, в том числе и в сфере кибербезопасности, так как киберугрозы стали более комплексными, а разработанные до этого меры стремительно устаревали и уже не соответствовали современному харак-

теру кибератак. Несмотря на то что в сравнении с 2015 г. (принятие второй стратегии кибербезопасности) количество кибератак выросло незначительно, финансовые потери от них существенно возросли. По состоянию на 2018 г. Япония находилась на втором месте по ущербу от киберугроз, уступая только США [15], в связи с чем перед правительством стояли несколько важных задач: обеспечение безопасности инфраструктуры и систем; усиление мер по обнаружению и предотвращению кибератак, обеспечение конфиденциальности данных и снижение финансовых рисков от возможных киберугроз [16].

Анализируя негативный опыт Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне, 2016 г. в Рио-де-Жанейро и 2018 г. в Пхенчхане, где количество кибератак привело к серьезному ущербу, ожидалось, что Олимпийские игры 2020 в Токио станут объектом еще большего количества кибератак ввиду повсеместного внедрения высокотехнологичных услуг. Дабы предотвратить потенциальные кибератаки, в 2017 г. правительством была инициирована деятельность по усилению мер обеспечения кибербезопасности, а в 2018 г. была принята новая стратегия кибербезопасности, в которой особое внимание уделялось обеспечению безопасности киберпространства во время проведения Олимпийских игр [17, с. 27]. Также новая стратегия предполагала создание отдельного органа, занимающегося обеспечением безопасности киберпространства всех систем, использующихся в процессе организации и проведения Олимпийских игр [18, с. 28].

Несмотря на то, что количество кибератак за время проведения Игр превысило 450 млн, что в 2,5 раза превышает количество атак во время Олимпийских игр в Лондоне, все системы работали в штатном режиме. Среди всех кибератак NTT обнаружила вредоносное ПО Emotet, спуфинг электронной почты, фишинг, а также поддельные веб-сайты [19]. Отсутствие серьезных последствий продемонстрировало эффективность всех предпринятых мер и высокий уровень подготовки страны к мероприятию.

Обсуждение

За период с 2020 по 2021 г. киберпреступность в Азиатско-Тихоокеанском регионе выросла на 168 %, что вывело регион на первое место в качестве объекта кибератак. На данный момент Япония в качестве источника кибератак занимает 11 место в мире, в качестве реципиента кибератак – 16 место [20]. В процентном соотношении кибератаки были направлены на следующие сферы и отрасли [21]:

- 1) производственная отрасль – 23,2 %;
- 2) финансовая и страховая отрасль – 22,4 %;
- 3) бизнес-сектор – 12,7 %;
- 4) энергетическая сфера – 8,2 %;
- 5) сфера розничной и оптовой торговли – 7,3 %.

В то же время в последние годы в Японии наблюдается тенденция увеличения кибератак на отдельные компании. Стоит отметить, что из 114 случаев атак более половины пришлось на предприятия малого и среднего бизнеса [22]. Таким образом, высока вероятность того, что даже небольшие компании могут стать целью кибератак. Пока правительство активно занимается защитой предприятий критической инфраструктуры, защита малых предприятий ложится на плечи руководства и зачастую ей не уделяется должного внимания.

Анализируя характер кибератак в Японии, можно поделить их на 5 основных групп [23]:

- 1) атаки на конкретные компании, организации или лица, осуществляемые посредством вирусных писем или несанкционированного доступа;

- 2) атаки, направленные на неопределенное количество лиц;
- 3) атаки, создающие большую нагрузку на серверы с целью вывода их из строя;
- 4) атаки, осуществляемые посредством уязвимостей или «дыр в безопасности»;
- 5) атаки, направленные на получение логинов и паролей для дальнейшего несанкционированного доступа.

По состоянию на 2022 г. наиболее распространенным видом кибератак стала атака при помощи программы-вымогателя [24] – вредоносного программного обеспечения, которое используется для блокировки данных, восстановление которых возможно после выкупа. Именно под такой вид кибератаки попали инциденты с реабилитационной больницей Касугаи и Kojima Press Kogyo, о которых говорилось ранее.

92 % вредоносных программ в Японии передаются посредством электронной почты, и подавляющее большинство направлено на устройства с операционной системой Android. По данным отчета Veeam за 2022 г., в котором приняло участие больше 1 000 ИТ-руководителей предприятий, 76 % компаний за последний год хотя бы один раз подверглись атаке программы-вымогателя, а 24 % руководителей заплатили выкуп для восстановления данных [25]. В Северной Америке, Латинской Америке и Европе программы-вымогатели также стали основным инструментом кибератак и составили 30 %, 29 % и 26 % [26] всех атак соответственно, что демонстрирует схожие тенденции киберпреступности в разных регионах мира.

Следующим после вредоносного ПО наиболее распространенным видом кибератак в Японии является фишинг – вариант мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальной информации пользователя. В большинстве случаев фишинг осуществляется путем рассылок электронных писем, ссылки внутри которых ведут на поддельный сайт, на котором пользователь добровольно вводит свои персональные данные. Данные опроса, проведенного осенью 2020 г., свидетельствуют о том, что более 35 % японских компаний хотя бы раз подвергались фишинг-атакам, а количество атак по состоянию на тот же год составило 4,12 тыс. [27].

Стоит отметить, что, хотя Япония позиционирует себя как одну из самых развитых стран в плане информационных технологий и кибербезопасности, согласно докладу «Киберпотенциал и мощь государства: общая оценка», опубликованному 28 июня 2021 г. Международным институтом стратегических исследований (IISS) Великобритании, Япония «обладает преимущественными либо потенциально преимущественными позициями в одних, но имеет существенные слабости в других категориях» [28].

Выводы

Ввиду постоянно меняющегося характера киберугроз правительству Японии на современном этапе не удалось реализовать комплексный подход и создать сильную политику в сфере обеспечения кибербезопасности. Ввиду высокого уровня внедрения технологий в производство и их относительно невысокий уровень безопасности Япония стала одной из основных целей для кибератак в азиатско-тихоокеанском регионе, в то время как низкий уровень осведомленности населения в области кибербезопасности значительно усугубляет ситуацию. Несмотря на то что правительство крайне заинтересовано в обеспечении безопасности киберпространства, эта заинтересованность носит одновек-

торный характер и направлена на обеспечение безопасности предприятий критической инфраструктуры, в то время как малые и средние предприятия, которые, согласно статистическим данным, подвергаются атакам гораздо чаще, вынуждены самостоятельно обеспечивать свою безопасность. Проанализировав характер угроз и их направленность, можно сделать вывод, что крупнейшие кибератаки были направлены на остановку предприятий критической инфраструктуры и хищение персональных данных. И если в первом случае правительство уже предпринимает меры, эффективность которых подтверждается статистическими данными, то во втором случае перед правительством стоит важная задача по повышению уровня грамотности населения в области обеспечения информационной безопасности и содействию предприятиям малого и среднего бизнеса в реализации эффективных мер защиты от киберугроз.

Список источников

1. 37 % людей никогда не пользовались Интернетом. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414732#:~:text=В%20среднем%2071%20процент%20населения,а%20также%20стоимость%20услуг%20подключения/> (дата обращения: 01.02.2023).
2. The Effect of Geopolitics on Cybersecurity. URL: <https://www.cirt.gov.bd/the-effect-of-geopolitics-on-cybersecurity/> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Measuring the Information Society Report (Vol. 1). International Telecommunication Union, 2017. P. 139.
4. Хатауэй М., Демчак К., Кербен Д., МакАрл Д., Спидальери Ф. Киберготовность Японии: краткий обзор. Вашингтон: Потомакский институт политических исследований, 2016. 23 с.
5. 我が国のサイバーセキュリティ戦略について [О стратегии кибербезопасности]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000853311.pdf/ (дата обращения: 01.02.2023).
6. サイバー攻撃と対策の歴史 過去のサイバー攻撃事件からトレンドを掴む [История кибератак и мер противодействий. Анализ прошлых инцидентов и тенденций]. URL: <https://news.mynavi.jp/techplus/kikaku/20230317-2628056/> (дата обращения: 01.02.2023).
7. 中国のハッカーに有罪 日本政府機関も攻撃か [Китайские хакеры виновны в атаках на правительственные учреждения Японии]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG0500E_V00C12A6CR0000/ (дата обращения: 01.02.2023).
8. Kingston J. Japan's cybersecurity upgrade – too little, too late? // The Japan Times. 2016.
9. 企業発信の総合安全保障 [Комплексная безопасность, предоставляемая компаниями]. URL: <https://www.tekijuku.ne.jp/wp/wp-content/uploads/2019/03/90ff5644e1c28fe692c56ce243898321.pdf/> (дата обращения: 01.02.2023).
10. Information security white paper 2022. Information-Technology Promotion Agency, 2022. P. 12.
11. 日本年金機構における不正アクセスによる情報流出事案について [Инцидент с утечкой информации из-за несанкционированного доступа в Пенсионной службе Японии]. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/0000152638.html/> (дата обращения: 01.02.2023).

12. 当社管理サーバーのアクセス履歴について [История доступа к нашему серверу управления]. URL: <https://paupay.ne.jp/notice/20201207/02/> (дата обращения: 01.02.2023).
13. 小島プレス工業、サイバー攻撃の経路を公表「リモート接続機器に脆弱性」 [Kojima Press Industry: уязвимость в оборудовании для удаленного подключения]. URL: <https://smbiz.asahi.com/article/14589378/> (дата обращения: 01.02.2023).
14. サイバーテロ 病院の危機 [Кибератака на больницу]. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/national/20220222-OYT1T50041/> (дата обращения: 01.02.2023).
15. Average annualized cost of cyberattacks on companies in selected countries in 2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/293274/average-cyber-crime-costs-to-companies-in-selected-countries/> (дата обращения: 01.02.2023).
16. サイバーセキュリティ戦略・平成30年7月27日 [Стратегия кибербезопасности, 27 июля 2018 г.]. URL: <https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/csenryaku2018-kakugikettei.pdf/> (дата обращения: 01.02.2023).
17. Там же. С. 27.
18. Там же. С. 28.
19. 450 million cyberattacks attempted on Japan Olympics infrastructure: NTT. URL: <https://www.zdnet.com/article/nearly-450-million-cyberattacks-attempted-on-japan-olympics-infrastructure-ntt/> (дата обращения: 01.02.2023).
20. 過去15年間でハッカーに最も狙われた国トップランキング [Топ стран, наиболее сильно подвергшихся кибератакам за последние 15 лет]. URL: <https://nordvpn.com/ja/blog/cyber-attack-incidents/> (дата обращения: 01.02.2023).
21. 日本は世界一サイバー攻撃にさらされている！ 狙われやすい業界やセキュリティ脅威のトレンドは？ [Япония больше всего подвержена кибератакам в мире! Какие отрасли и тенденции угроз безопасности наиболее вероятны?]. URL: <https://data.wingarc.com/security-trends-45723/> (дата обращения: 01.02.2023).
22. サイバー攻撃事例 | 日本での被害5例と主な攻撃の種類、対策を解説 [Случаи кибератак: комментарий к пяти случаям нанесения ущерба в Японии, основным типам атак и мерам противодействия]. URL: <https://insights-jp.arcsolve.com/cyber-attack-cases/> (дата обращения: 01.02.2023).
23. Там же.
24. Там же.
25. Veeam サイバーセキュリティに関する動向調査レポート [Отчет Veeam по трендам в кибербезопасности]. URL: <https://www.veeam.com/jp/news/veeam-publishes-trend-survey-report-on-cyber-security.html/> (дата обращения: 01.02.2023).
26. The Latest 2023 Cyber Crime Statistics (Updated August 2023). URL: <https://aag-it.com/the-latest-cyber-crime-statistics/#:~:text=1%20in%20%20American%20internet,the%20first%20half%20of%202022/> (дата обращения: 01.02.2023).
27. Japan Cyber Security Statistics (Updated for 2021). URL: <https://vpnnippon.jp/en/japan-cyber-security-statistics/> (дата обращения: 01.02.2023).
28. Тосио Н. Активизация кибератак по всему миру: готова ли Япония? URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00750/> (дата обращения: 01.02.2023).

Информация об авторе

Низамова Маргарита Александровна. Старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Казанского федерального университета Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-2199-4855; e-mail: margarita-nizamova@mail.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. 37 % of people have never used the Internet. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414732#:~:text=On%20average%2071%20%20ofthepopulation,and%20also%20thecostof%20services%20connection/> (access date: 01.02.2023).
2. The Effect of Geopolitics on Cybersecurity. URL: <https://www.cirt.gov.bd/the-effect-of-geopolitics-on-cybersecurity/> (access date: 01.02.2023).
3. Measuring the Information Society Report (Vol. 1). International Telecommunication Union, 2017. P. 139.
4. Hathaway M., Demchak K., Kerben D., McArdle D., Spidalieri F. Japan's cyber readiness: A brief overview. Washington: Potomac Institute for Policy Research, 2016. 23 p.
5. 我が国のサイバーセキュリティ戦略について [About cybersecurity strategy]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000853311.pdf/ (access date: 01.02.2023).
6. サイバー攻撃と対策の歴史 過去のサイバー攻撃事件からトレンドを掴む [History of cyber-attacks and countermeasures. Analysis of past incidents and trends]. URL: <https://news.mynavi.jp/techplus/kikaku/20230317-2628056/> (access date: 01.02.2023).
7. 中国のハッカーに有罪 日本政府機関も攻撃か [Chinese hackers are responsible for attacks on Japanese government agencies]. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASDG0500E_V00C12A6CR0000/ (access date: 01.02.2023).
8. Kingston J. Japan's cybersecurity upgrade – too little, too late? // The Japan Times. 2016.
9. 企業発信の総合安全保障 [Comprehensive security provided by companies]. URL: <https://www.tekijuku.ne.jp/wp-content/uploads/2019/03/90ff5644e1c28fe692c56ce243898321.pdf/> (access date: 01.02.2023).
10. Information security white paper 2022. Information-Technology Promotion Agency, 2022. P. 12.
11. 日本年金機構における不正アクセスによる情報流出事案について [Information leakage incident due to unauthorized access at the Japan Pension Service]. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/0000152638.html/> (access date: 01.02.2023).
12. 当社管理サーバーのアクセス履歴について [History of access to our management server]. URL: <https://paypay.ne.jp/notice/20201207/02/> (access date: 01.02.2023).
13. 小島プレス工業、サイバー攻撃の経路を公表「リモート接続機器に脆弱性」 [Kojima Press Industry: Vulnerability in remote connection equipment]. URL: <https://smbiz.asahi.com/article/14589378/> (access date: 01.02.2023).

14. サイバーテロ 病院の危機 [Cyber-attack on hospital]. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/national/20220222-OYT1T50041/> (access date: 01.02.2023).
15. Average annualized cost of cyberattacks on companies in selected countries in 2018. URL: <https://www.statista.com/statistics/293274/average-cyber-crime-costs-to-companies-in-selected-countries/> (access date: 01.02.2023).
16. サイバーセキュリティ戦略・平成30年7月27日 (Cybersecurity Strategy, July 27, 2018). URL: <https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/cs-senryaku2018-kakugikettei.pdf/> (access date: 01.02.2023).
17. Ibid. P. 27.
18. Ibid. P. 28.
19. 450 million cyberattacks attempted on Japan Olympics infrastructure: NTT. URL: <https://www.zdnet.com/article/nearly-450-million-cyberattacks-attempted-on-japan-olympics-infrastructure-ntt/> (access date: 01.02.2023).
20. 過去15年間でハッカーに最も狙われた国トップランキング [Top countries most affected by cyber-attacks over the past 15 years]. URL: <https://nordvpn.com/ja/blog/cyber-attack-incidents/> (access date: 01.02.2023).
21. 日本は世界一サイバー攻撃にさらされている！ 狙われやすい業界やセキュリティ脅威のトレンドは？ [Japan is the most exposed to cyber-attacks in the world! What industries and security threat trends are most likely to occur?]. URL: <https://data.wingarc.com/security-trends-45723/> (access date: 01.02.2023).
22. サイバー攻撃事例 | 日本で被害5例と主な攻撃の種類、対策を解説 [Cyber Attack Cases: Commentary on Five Damage Cases in Japan, Main Types of Attacks and Countermeasures]. URL: <https://insights-jp.arcsolve.com/cyber-attack-cases/> (access date: 01.02.2023).
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Veeam サイバーセキュリティに関する動向調査レポート [Veeam Cybersecurity Trends Report]. URL: <https://www.veeam.com/jp/news/veeam-publishes-trend-survey-report-on-cyber-security.html/> (access date: 01.02.2023).
26. The Latest 2023 Cyber Crime Statistics (Updated August 2023). URL: <https://aag-it.com/the-latest-cyber-crime-statistics/#:~:text=1%20in%20%20American%20internet,the%20first%20half%20of%202022/> (access date: 01.02.2023).
27. Japan Cyber Security Statistics (Updated for 2021). URL: <https://vpnnippon.jp/en/japan-cyber-security-statistics/> (access date: 01.02.2023).
28. Toshio N. Intensifying cyber-attacks around the world: is Japan ready? URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00750/> (access date: 01.02.2023).

About the author

Nizamova Margarita Aleksandrovna. Senior Lecturer of the Department of Chinese and Asian-Pacific Studies, Kazan Federal University Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2199-4855; e-mail: margarita-nizamova@mail.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ МЕДИАРЕСУРСОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Шарапов Антон Михайлович¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0009-0008-6904-2977; e-mail: Antonsharapov01@yandex.ru

Аннотация. Публичная дипломатия является собирательным термином для многочисленных инструментов внешней политики государств по репрезентации своей идеологии и мнения по внешнеполитическим вопросам. С появлением IT-гигантов возможности интернета значительно приумножились и открыли дорогу для новых медиаакторов международных отношений. Современные социальные сети позволяют любому пользователю стать рупором своих идей по всему миру, при этом не обладая огромными бюджетами и большой командой, как это было при доминировании телевизионных и газетных медиа. В данной работе производится попытка обозначить текущее состояние цифровой дипломатии и ее роль во внешней политике США. Автор раскрывает динамичное развитие публичной дипломатии и ее глубокую интеграцию в политическую структуру США. Социальные сети создали новые правила игры, разбавив бытующую идейную пропаганду. Появилась необходимость коммуницировать через «персону», политический вес которой измеряется в количестве сторонников в социальных сетях. Цель статьи – раскрыть позиции цифровых медиа ресурсов во внешней политике США.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, публичная дипломатия, цифровая дипломатия, мягкая сила, США, Д. Трамп.

THE ROLE OF DIGITAL MEDIA RESOURCES IN US FOREIGN POLICY

Sharapov Anton Mikhailovich¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,

ORCID: 0009-0008-6904-2977; e-mail: Antonsharapov01@yandex.ru

Abstract. Public diplomacy is a collective term for numerous foreign policy instruments of states to represent their ideology and opinions on foreign policy issues. With the advent of IT giants, the capabilities of the Internet have increased significantly and opened the way for new media actors in international relations. Modern social networks allow any user to become a mouthpiece for their ideas around the world, without having huge budgets and a large team, as was the case when television and newspaper media dominated. This paper attempts to outline the current state of digital diplomacy and its role in US foreign policy. The author reveals the dynamic development of public diplomacy and its deep integration into the US political structure. Social networks have created new rules of the game, diluting existing ideological propaganda. There is a need to communicate as unique person whose political

weight is measured in the number of supporters on social networks. The purpose of the article is to reveal the position of digital media resources in US foreign policy.

Keywords: international relations, world politics, public diplomacy, digital diplomacy, soft power, USA, D. Trump.

Введение

Политическое развитие межгосударственных отношений во время биполярного мира выстроилось на основе концептуальных различий в видении будущего мироустройства, а также появлении у ведущих мировых государств ядерного оружия. Нависающая угроза уничтожения как привычного уклада жизни, так и всей цивилизации, несомненно, заставила акторов международных отношений перейти к продвижению своих интересов через «мягкую силу». Это создало толчок для развития публичной дипломатии США как одного из важнейших и системообразующих инструментов внешней политики государства. Стоит отметить, что публичная дипломатия – это собирательный термин, потому имеет несколько фундаментальных направлений. Первой составной частью стала «культурная дипломатия», появившаяся как термин в начале 1930-х гг. благодаря американскому исследователю Ф. Баргхорну. В процессе исследования советской пропаганды он определил это понятие как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [1]. Советское правительство на этапе становления ведущей державы остро нуждалось в повышении своего имиджа на международной арене, что способствовало привлечению зарубежной интеллигенции и культурному обмену с западными странами. Спустя несколько исторических вех XX в. отношения между США и СССР перешли в состояние холодной войны. На данном этапе цели публичной дипломатии стали выходить за рамки возможностей культурного воздействия на своего оппонента. В разгар блокового противостояния дипломатические и пропагандистские структуры СССР и США работали на пределе своих возможностей. Тогда использовалась общественная и народная дипломатия (горизонтальные связи), научная и культурная дипломатия, стратегические коммуникации (международное вещание) [2]. Но больше всего влияние оказывали СМИ, которые обобщали и расширяли возможности культурной дипломатии и пропаганды, распространяя ее по всему миру. Стоит признать, что даже железный занавес не смог устоять от просочившихся физических носителей западной культуры в виде кассет, пластинок, а также журналов. Таким образом, все сферы деятельности были вовлечены в противостояние пропагандистских машин биполярной системы. Однако, несмотря на весь потенциал СМИ США, СССР в конечном счете смогли сдержать внутренние потоки информации под своим контролем до момента распада Советского союза.

В начале XXI в. с приходом информационных технологий “Web 2.0” дипломатия перешла на следующую стадию своего развития. Биполярный мир перешел к стадии своей эволюции в многополярную систему как в политике, экономике, так и в медиасфере. Появление социальных сетей положило начало новой эре пропагандистской стратегии США в связи с новыми вызовами в виде политически активных блогеров и перспективами их использования. Каждый человек может стать актором внешней политики с помощью доступа в Интернет и привлекательного контента для своих подписчиков. Все эти факторы в совокупности послужили созданию «цифровой дипломатии» США, какой мы ее знаем сегодня. Автор данной статьи ставит перед собой цель попытаться

обозначить текущее состояние и роль цифровой дипломатии во внешней политике США.

Материалы и методы

Механизм политической пропаганды США и их методы влияния посредством «мягкой силы» являются одной из приоритетных сфер изучения для отечественных ученых-международников. Специалисты по международным отношениям и изучению публичной дипломатии не раз ставили вопрос по определению четкой роли публичной дипломатии во внешней политике США. Н.А. Цветкова провела исследование особенностей публичной дипломатии при президенте Д. Трампе, затронув спорные моменты развития и финансирования социальных сетей при новом «экономном» режиме. П.А. Шариков смог широко рассмотреть историю становления публичной дипломатии США, ее институализацию при Б. Обаме, а также провести работу по определению ее роли в международном дискурсе. Ахмед А. Джони в своей книге «Цифровая дипломатия Дональда Трампа и ее влияние на внешнюю политику США в отношении Ближнего Востока» провел анализ колоссальных изменений в публичной дипломатии и переходу к персонализированной дипломатии в отношении арабских государств со стороны президента Трампа. Российские ученые Т. Харламова и Е. Ефанова достигли результатов в выявлении механизма использования «твиттер-дипломатии» (социальная сеть «Твиттер» заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ). Как выяснилось, данная социальная сеть глубоко укоренилась в американском истеблишменте и стала серьезным подспорьем для управления электоратом и отправки своих политических идей в международные медиаканалы. Кроме того, в статье используются официальные источники США в виде концепции развития цифровой дипломатии: «Стратегический план по цифровым технологиям», стенограммы на официальном сайте Государственного департамента США и Белого дома, годовые отчеты федеральных агентств, а также официальные сайты международных программ США по развитию НПО и публичной дипломатии. В статье роли источников также используются публикации руководителей государств и видных политиков в социальной сети «Твиттер» (заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ).

Результаты исследования

Концепция публичной дипломатии неразрывно связана с развитием понятия «мягкой силы», которое используется на разных уровнях политической деятельности многих государств. Данный подход стал следствием развития политтехнологий холодной войны и зарекомендовал себя как эффективное средство для продвижения собственной позиции за рубежом.

Родоначальником укоренения публичной дипломатии в кулуарах системы Белого дома является 44-й президент США Барак Обама. Именно при нем Государственный департамент под руководством Х. Клинтон решал объемные задачи по контролю над двумя конфликтами на Ближнем Востоке и неожиданном финансовом кризисе 2008 г. Современные задачи требовали современного подхода решения поступающих внешнеполитических проблем, а системная «умиротворяющая» деятельность Б. Обамы нуждалась в инструментах, далеких от предлагаемых идей американских «ястребов» [3]. Параллельно с данными событиями стал заметен сильный рост медиаиндустрии США, которая по всем

канонам «культурной дипломатии» захватывала международные рынки как в социальных технологиях, так и на телевидении. Американская дипломатия подхватила волну информационного бума через интернет-ресурсы и с помощью этого смогла вывести свою публичную дипломатию на новый уровень. Уже с 2010 г. стали публиковаться официальные документы под названием «Information Technology Strategic Plan», в которых, во-первых, явно обозначался термин «цифровой дипломатии», а также всеобъемлюще описывались ее цели, ресурсная и кадровая база, а также способы применения [4]. Кроме того, в 2010 г. и в 2015 г. Государственным департаментом США были опубликованы «Четырехгодичные обзоры дипломатии и развития», которые анализировали проделанную работу американского правительства в данной области [5, 6].

При Д. Трампе политика цифровой дипломатии претерпела существенные изменения, навсегда поменяв устоявшиеся стандарты ведения медиапропаганды, повысив планку для каждого публичного политического лица. Впервые социальные сети стали эффективным оружием для достижения геополитических сдвигов в руках всего одного человека [7]. Этот тренд перманентно затронул все государства, и уже в ответ на высказывания Д. Трампа мировые лидеры стали передавать собственное видение на мировые вопросы и результаты своей работы по ним с помощью «твиттер-дипломатии» (социальная сеть «Твиттер» заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ) [8]. Стоит заметить, что тенденция развития публичной дипломатии строилась на основе возросшего бюджета для проведения специализированных пиар-кампаний и роста престижа медиаимперии США [9]. В подтверждение этому всего за три года – с 2021 по 2023 г. – закладываемая сумма на развитие публичной дипломатии выросла с 620 млн до 700 млн долл. [10].

С 1994 г. на основе закона о международном информационном вещании (United States International Broadcasting Act of 1994) американские СМИ смогли занять лидирующую роль в публичной дипломатии Вашингтона [11], создав Совет директоров телерадиовещателей (Broadcasting Board of Governors, BBG), в состав которого также входил госсекретарь США. Совет смог объединить самые крупные теле- и радиовещательные компании в один единый механизм для упрощения фильтрации транслируемой информации. В список этих медиа входят такие, как «Радио Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки» [12]. Спустя некоторое время Совет изменил свое название и был реструктурирован в Агентство глобальных медиа США (United States Agency for Global Media, USAGM) [13].

На основе отчетов USAGM уже с 2016 г. главенствующую роль в публичной дипломатии перехватили социальные сети. Данное утверждение комментировалось тем, что для доступа в американские медиа пользователи из разных стран чаще всего используют именно карманные девайсы [14]. Доля активных пользователей постепенно стала равна количеству политически активного населения. Общее количество пользователей, использующих социальные сети для доступа к медиаресурсам на 2022 г., составила более 400 млн [15].

Больше всего на фоне остальных цифровых медиаресурсов выделяются Twitter (заблокирован по требованию Роскомнадзора РФ), Facebook (признана экстремистской организацией, деятельность запрещена на территории РФ) и YouTube. Каждая социальная сеть имеет собственный способ привлечения и удержания аудитории внутри своей экосистемы, лидируя в своем сегменте, но при этом также разделяя большой массив пользователей со своими конкурентами. Учитывая разные способы взаимодействия с аудиторией и сложившиеся

группы на основе политических интересов или экономического благосостояния, внешнеполитическая повестка США способна распространяться через эти каналы напрямую в нужную страну, нужную категорию людей и в нужное время.

Кроме того, Государственный департамент США в целях развития влияния западных НПО по всему миру начал создавать программы для поддержки блогеров и активистов за рубежом. Примером такой программы является “Freedom Online Coalition”, которая была учреждена для выполнения задачи по укреплению влияния капиталистического и «прозападного» мышления в странах бывшего социалистического лагеря. С помощью данной программы США удастся воспользоваться лидерами мнений и самыми популярными пользователями социальных сетей в своей стране для создания определенной оппозиции власти либо же создания микроячеек антигосударственного мнения. Серьезное внимание уделяется молодым лидерам, которые в перспективе будут ядром местного электората или же частью государственной элиты [16]. На фоне этой идеи с 2008 г. функционирует организация “Alliance for Youth Movements” [17]. А она, в свою очередь, создана в рамках инициативы Государственного департамента США “Civil Society 2.0”, целью которой является поддержка всех западных НПО в зарубежных странах. Программа “TechCamp” с 2010 г. помогает общественным организациям развивать навыки публичной дипломатии, включая интеграцию их активности с современными инновациями в сфере медиакоммуникаций и социальных сетей. Программа на практике работает в формате технологических лагерей (кемпов) в странах с развивающейся экономикой, а в их число вошли Казахстан, Литва, Азербайджан, Украина, Молдова и др. Обязательным фактором подобных мероприятий служит присутствие представителей западных IT-специалистов, американские спонсоры и дипломаты, а также международные фонды.

Обсуждение

Публичная дипломатия США смогла развить новый медийный ресурс и применить его на дипломатическом и внутривластном уровне. Государственный департамент и весь остальной дипломатический корпус Вашингтона однозначно владеет данным трендом и использует его для влияния на гражданское общество своих политических оппонентов и внутри своей страны. Благодаря социальным сетям, Соединенные Штаты способны с большей эффективностью проводить социальную разведку и внедрять необходимые идеи в странах по всему миру.

На первый взгляд, бурное развитие цифровых технологий в США и создание социальных сетей с мировым именем стали решающим фактором в лидирующей позиции Вашингтона в развитии публичной дипломатии на основе “Web 2.0”. Вековой опыт США в международной пропаганде, а также новые государственные структуры «мягкой силы» с увеличивающимся бюджетом смогли невероятно быстро освоить новую концепцию дискредитации и ослабления идеологических и политических противников в цифровом пространстве.

С другой стороны, подобная власть в руках информационно-технологических гигантов вызывает озабоченность в правящих кругах США. Компании, предоставляющие доступ к социальным сетям, обладают невероятно большим объемом информации о своих пользователях, что делает их очень опасным субъектом для своих политических союзников. Похожий случай произошел в 2016 г., когда распространились слухи о вмешательстве в выборы в США с помощью использования внутренних алгоритмов социальных сетей

для формирования определенного мнения среди избирателей США. По итогам данного случая Конгрессу пришлось принять меры по обеспечению информационной безопасности работы медиаресурсов.

Наибольший интерес вызывает прогресс юридического закрепления социальных сетей и цифровой дипломатии в целом как институционального объекта во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов. Путь от прописывания концепций до создания кадровой основы и отдельной строчки в федеральном бюджете был преодолен в разрезе всего пяти лет. Обилие официальных источников и документов, связанных с цифровой дипломатией, и программы для западных организаций по развитию компетенций в публичной дипломатии определенно указывают на то, что цифровая дипломатия уже является структурным элементом дипломатической системы США.

Выводы

XXI в. стал венцом развития публичной дипломатии США благодаря развитию IT-технологий и социальных сетей. Цифровая дипломатия с помощью «Web-2.0» предлагает обширные возможности по ведению пропаганды и противодействию ей. Несмотря на столь малое время развития, социальные сети зарекомендовали себя как ведущий инструмент в проведении аналитических мероприятий в медийной сфере в борьбе с зарубежными и внутренними оппонентами. Более того, цифровая дипломатия смогла закрепиться в США на институциональном уровне и начала занимать существенную сумму в государственном бюджете. Многочисленные программы поддержки и обучения зарубежных блогеров и профильных лидеров мнений указывают на новый тренд в проталкивании интересов США через само общество, а не государственную пропаганду, как это было еще два десятилетия назад. Такие социальные сети, как Twitter (заблокирован по требованию Роскомнадзора РФ), стали заменять привычный способ коммуницирования с общественностью и уменьшили количество посредников между автором и получателем созданного политического контента. По этой причине для американской дипломатии возможности оборачиваются в новые вызовы, где тотальный контроль и фильтрация больше невозможны. Социальная сеть Twitter (заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ) стала ареной для политических дискуссий между руководителями государств и политически активным населением. Последние два президента США показали, насколько может быть силен эффект «твиттер-дипломатии» (социальная сеть «Твиттер» заблокирована по требованию Роскомнадзора РФ) при правильно выработанной стратегии или достаточно творческом подходе владельца аккаунта социальной сети. На данный момент благодаря расположению всех основных IT-гигантов на американском рынке Вашингтону удастся задавать новые тренды и правила игры в цифровом международном поле. Однако социальные сети эффективны благодаря своей обширности и количеству лидеров мнений из разных стран, а именно это и является серьезной угрозой для самих США.

Список источников

1. *Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.
2. *Великая А.А.* Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 500–517.

3. Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривластные детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 167.
4. Information Technology Strategic Plan: Fiscal Years, 2011–2013 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm/> (дата обращения: 15.07.2023).
5. Leading Through Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf/> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Enduring Leadership in a Dynamic World: Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2015 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241429.pdf/> (дата обращения: 04.10.2023).
7. Zhony A. Donald Trump's Digital Diplomacy and Its Impact on US Foreign Policy Toward the Middle East // Politics Today. URL: <https://politicstoday.org/donald-trump-digital-diplomacy-us-foreign-policy-middle-east/> (дата обращения: 19.10.2023).
8. Харламова Т.В. Социальные сети как инструмент современной политической власти (на материале микроблога Д. Трампа в Твиттере) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 396–402.
9. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия администрации Д. Трампа: институциональные и политические вызовы // Americana. Вып. 16: Американцы в революционной России: сборник статей / под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Куриллы. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2020. С. 236–249.
10. Congressional Budget Justification. Appendix 1: Department of State Diplomatic Engagement, Fiscal Year 2023 // U.S. Department of State. P. 166. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-CBJ-Appendix-1-Full-Documents-Final.pdf/> (дата обращения: 19.10.2023).
11. International Broadcasting Act (Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 1994 and 1995) // U.S. Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/oversight/legislation/international-broadcasting-act/> (дата обращения: 12.10.2023).
12. Weed M.C. U.S. International Broadcasting: Background and Issues for Reform, December 15, 2016 // Congressional Research Service. P. 10. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43521.pdf/> (дата обращения: 05.09.2023).
13. The history of U.S. civilian international broadcasting // U.S. Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/history/> (дата обращения: 16.10.2023).
14. Broadcasting Board of Governor. 2016 Annual Report // U.S. Agency for Global Media. P. 28. URL: https://www.usagm.gov/wpcontent/media/2017/06/BBG_2016_Annual_Report_Final.pdf/ (дата обращения: 16.10.2023).
15. Audience and Impact Review 2022 // U.S. Agency for Global Media. URL: https://www.usagm.gov/wpcontent/uploads/2023/01/USAGM_Audience_and_Impact_Report_2022.pdf/ (дата обращения: 14.10.2023).
16. Civil Society 2.0 // U.S. Department of State. 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/statecraft/cs20/index.htm/> (дата обращения 01.11.2023).
17. Alliance for Youth Movements. URL: <https://uia.org/s/or/en/1122268931/> (дата обращения 01.11.2023).

Информация об авторе

Шарапов Антон Михайлович. Аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0009-0008-6904-2977; e-mail: Antonsharapov01@yandex.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.
2. Velikaya A.A. Public diplomacy of Russia and the USA: Comparative aspects of the two systems and the role in the development of bilateral dialogue // Bulletin of Saint Petersburg University. International Relationships. 2019. Vol. 12. Is. 4. P. 500–517.
3. Sharikov P.A. The evolution of US public diplomacy: domestic political determinants, priorities and new challenges // Bulletin of Moscow University. Episode 25. International Relations and World Politics. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 167.
4. Information Technology Strategic Plan: Fiscal Years, 2011–2013 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm/> (access date: 15.07.2023).
5. Leading Through Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf/> (access date: 15.10.2023).
6. Enduring Leadership in a Dynamic World: Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2015 // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241429.pdf/> (access date: 04.10.2023).
7. Zhony A. Donald Trump's Digital Diplomacy and Its Impact on US Foreign Policy Toward the Middle East // Politics Today. URL: <https://politicstoday.org/donald-trump-digital-diplomacy-us-foreign-policy-middle-east/> (access date: 19.10.2023).
8. Kharlamova T.V. Social networks as a tool of modern political power (based on the microblog of D. Trump on Twitter) // News of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2018. No. 4. P. 396–402.
9. Tsvetkova N.A. Public diplomacy of the D. Trump administration: institutional and political challenges // Americana. Vol. 16: Americans in revolutionary Russia: Collection of articles / ed. by A.I. Kubyshkin, I.I. Kurilla. Volgograd: Volgograd University Publishing House, 2020. P. 236–249.
10. Congressional Budget Justification. Appendix 1: Department of State Diplomatic Engagement, Fiscal Year 2023 // U.S. Department of State. P. 166. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-CBJ-Appendix-1-Full-Documents-Final.pdf/> (access date: 19.10.2023).
11. International Broadcasting Act (Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 1994 and 1995) // U.S. Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/oversight/legislation/international-broadcasting-act/> (access date: 12.10.2023).
12. Weed M.C. U.S. International Broadcasting: Background and Issues for Reform, December 15, 2016 // Congressional Research Service. P. 10. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43521.pdf/> (access date: 05.09.2023).

13. The history of the U.S. civilian international broadcasting // U.S. Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/history/> (access date: 16.10.2023).
14. Broadcasting Board of Governors. 2016 Annual Report // U.S. Agency for Global Media. P. 28. URL: https://www.usagm.gov/wpcontent/media/2017/06/BBG_2016_Annual_Report_Final.pdf (access date: 16.10.2023).
15. Audience and Impact Review 2022 // U.S. Agency for Global Media. URL: https://www.usagm.gov/wpcontent/uploads/2023/01/USAGM_Audience_and_Impact_Report_2022.pdf (access date: 14.10.2023).
16. Civil Society 2.0 // U.S. Department of State. 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/statecraft/cs20/index.htm/> (access date: 01.11.2023).
17. Alliance for Youth Movements. URL: <https://uia.org/s/or/en/1122268931/> (access date: 01.11.2023).

About the author

Sharapov Anton Mikhailovich. Postgraduate, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-6904-2977; e-mail: Antonsharapov01@yandex.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY**

**РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**SECTION I. ACTUAL PROBLEMS IN THE HISTORY
OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICIES
OF FOREIGN COUNTRIES**

УДК 327

**О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ
ОТ МАО ЦЗЭДУНА ДО ХУ ЦЗИНЬТАО**

Ван Юй¹

*¹Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация*

ORCID: 0000-0003-1986-8849; e-mail: wangyuiki@mail.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении преемственности во внешней политике Китая с момента образования КНР и до наших дней. Кроме того, автор на этом основании проводит детализацию содержания современной китайской дипломатии. Для выявления влияния традиционной культуры и конфуцианства на формирование китайского дипломатического этикета и дипломатических традиций был использован метод историко-объективного анализа, а применение методологии исторической диалектики позволяет анализировать особенности внешней политики лидеров Китая прошлых лет и на этом основании выявлять преемственность развития китайской дипломатии. Результаты исследования свидетельствуют о преемственности дипломатического курса Китая, а также о том, что именно стратегии и концепции внешней политики предшествующих поколений коллективного руководства КНР заложили основу для дипломатии эпохи Си Цзиньпина. Научная новизна состоит в аккумуляции результатов научных исследований указанной темы российскими, китайскими и западными учеными, а также в акценте на анализ документов и практических материалов на китайском языке.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, внешняя политика КНР, дипломатия Китая, Мао Цзэдун, политика реформ и открытости, Цзян Цзэминь, Ден Сяопин, новый международный порядок, Ху Цзиньтао, гармоничная дипломатия.

ON THE CONTINUITY IN CHINESE FOREIGN POLICY FROM MAO ZEDONG TO HU JINTAO

Wang Yu¹

¹ Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: 0000-0003-1986-8849; e-mail: wangyuiki@mail.ru

Abstract. Objective the aim of the article is to show the continuity of Chinese foreign policy from the founding of the People's Republic of China to the present day. On this basis, the author also provides a detailed description of the content of modern Chinese diplomacy. In order to determine the influence of traditional culture and Confucianism on the formation of Chinese diplomatic etiquette and diplomatic traditions, the method of historical and objective analysis has been applied, and the application of the methodology of historical dialectics makes it possible to analyze the characteristics of the foreign policy of Chinese leaders in the past years and, on this basis, to determine the continuity of China's development.

The results of the research show the continuity of China's diplomatic course and the fact that it was the strategies and foreign policy concepts of previous generations of the PRC's collective leadership that laid the foundation for the diplomacy of the Xi Jinping era. The scientific novelty lies in the accumulation of the results of scientific research on this topic by Russian, Chinese and Western scientists, as well as in the emphasis on the analysis of documents and practical materials in Chinese.

Keywords: international relations, world politics, China's foreign policy, Chinese diplomacy, Mao Zedong, reform and openness policy, Jiang Zemin, Deng Xiaoping, new international order, Hu Jintao, harmonious diplomacy.

Введение

С момента основания Китайской Народной Республики в стране постоянно корректировались и развивались принципы и стратегии внешней политики в соответствии с международной обстановкой. Каждое поколение лидеров Китая, с одной стороны, наследовало внешнеполитический курс своих предшественников, принимая за отправную точку улучшение международного имиджа Китая, повышение его международного статуса и влияния, а с другой, вносило коррективы в основы дипломатии и разрабатывало новые стратегии, создавая мирную и стабильную внешнюю среду для своего развития, реформ, открытости и социалистической модернизации.

После Мао Цзэдуна в Китае сменилось пять поколений коллективного руководства. «Великий кормчий» в своей политике сначала во многом копировал Советский Союз, а потом смог создать высокоцентрализованную плановую экономику и независимую политическую систему. В 1978 г. эта внешнеполитическая стратегия была существенно изменена: в основу была поставлена экономическая дипломатия, основанная на принципах политики реформ и открытости, что стало характерной чертой эпохи Дэн Сяопина. В период Цзян Цзэминя национальная мощь Китая возросла, а дипломатический курс вслед за этим также изменился с консервативного на протестный: в частности, была предложена концепция дипломатии великих держав и принципы установления нового международного порядка. К тому времени, когда Ху Цзиньтао пришел к власти, вызовы и давление международной среды на Китай начали возрастать, и для

устранения недовольства, вызванного экономическим подъемом Китая, была предложена гармоничная мировая дипломатия.

Материалы и методы

Рассмотрению преемственности во внешней политике Китая был посвящен ряд работ российских ученых-историков: Е.П. Бажанова [1], Л.С. Васильева [4], С.Н. Гончарова [5], Л.И. Думаца [6], Д.М. Мажиденовой [8], Л.Д. Позднеевой [9]. В работе В.А. Корсуна «Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» подробно рассмотрены принципы работы китайского руководства по реализации дипломатической стратегии [7]. Профессор В.Я. Портяков в монографии, посвященной анализу внешнеполитических взглядов Дэн Сяопина и их влиянию на деятельность последующих лидеров, дает тщательную оценку перспектив дальнейшего возвышения КНР, рассматривает шаги, предпринятые лидерами пятого поколения на мировой арене [10].

Китайские ученые также посвятили ряд работ китайской дипломатии в ее традиционной преемственности. Это Чжао Хунвэй [11] и Чжу Вэйли [27]. Мэн Хунхуа [18] и Мэн Янь [16] отмечали, что дипломатическая стратегия КНР одновременно традиционна и инновационна, ее основой является поиск баланса с точки зрения идеологической основы и прагматической выгоды.

Ученые из Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки анализировали историческую эволюцию современной внешней политики Китая: Джеффри А. Бадер [32], Сун Дэквон [33] и Джеффри Вассерстром [31].

Результаты исследования

Дипломатия первого поколения коллективного руководства во главе с Мао Цзэдуном (1949–1978 гг.) для установления статуса Китая как мировой державы

В течение 30 лет, прошедших с момента основания КНР в 1949 г. и до третьего пленума Центрального комитета одиннадцатого съезда Коммунистической партии Китая в 1978 г., Китай находился под управлением первого поколения коллективного руководства во главе с Мао Цзэдуном. Это был период, когда страна постепенно подходила к самоопределению своего международного статуса великой державы. В начальный период становления Китайской Народной Республики в соответствии с международной и внутренней ситуацией партия проводила внешнюю политику по трем основным направлениям: *«сложить другой очаг»* (另起炉灶), *«подмести комнату чисто, чтобы потом можно было приглашать гостей»* (打扫干净屋子再请客) и *«держаться одной стороны»* (一边倒). Эти идеи показывают, что КНР твердо стояла на стороне социализма и идеях построения новой демократии [3]. В качестве руководящей внешнеполитической идеологии были использованы идеи борьбы против империализма [3].

Одновременно с этим в феврале 1950 г. был подписан китайско-советский договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи», включавший и положения о военном союзе. При этом Коммунистическая партия провозгласила независимую внешнюю политику Китайской Народной Республики через «Общую программу Китайской народной политической консультативной конференции», провозгласившей создание Народного политического консультативного совета

Китая (НПКСК) и «Обращения Центрального народного правительства Китайской Народной Республики» [16]. Так, 8 ноября 1949 г. была официально проведена учредительная конференция Министерства иностранных дел Центрального народного правительства, возглавляемая премьером Госсовета Чжоу Эньлаем, который в тот момент одновременно занимал пост первого министра иностранных дел Китая. Сосредоточившись на основных задачах дипломатической работы Нового Китая, партия предложила ряд идей и стратегий в области дипломатии, отвечающих требованиям времени и особенностям построения нового китайского государства [16, с. 40].

После этого Китай вступил в достаточно сложный дипломатический этап. Оказавшись в ситуации холодной войны между двумя сверхдержавами, Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, Мао Цзэдун на основании глубокого анализа международной ситуации выдвинул стратегическую «теорию промежуточных зон», которая заключалась в том, что между США и СССР существует обширная «промежуточная зона», включающая Китай и ряд капиталистических государств [25]. Дипломатическая стратегия КНР постепенно перешла от позиции «держаться одной стороны» к принципу «противостояния гегемонии двух сверхдержав, Соединенных Штатов и Советского Союза» [25], что позволило развивать дипломатические отношения в соответствии с «теорией промежуточных зон».

Хотя в середине 1960-х гг. в Китае началась «культурная революция», что привело к внедрению *«революционной дипломатии»* в свою внешнюю политику, приведшую к абсолютной изоляции КПК на международной арене, этот вид чисто идеологической дипломатии позже был раскритикован Чжоу Эньлаем как «вмешательство ультралевых идей во внешнюю политику Китая» [25]. Для того, чтобы вывести Китай из изоляции, в октябре 1967 г. в статье «Азия после Вьетнама» в журнале «Иностранные дела» (Foreign Affairs) Р. Никсон подчеркнул, что «в долгосрочной перспективе необходимо вернуть Китай в мировое сообщество, а не стремиться к его изоляции» [32].

Подобные шаги со стороны США побудили Мао Цзэдуна изменить свою дипломатическую стратегию, попытаться «использовать Соединенные Штаты для собственной защиты» и вернуться в международное сообщество. После теории о «двух промежуточных зонах» Мао Цзэдун предложил теорию «стран третьего мира», суть которой заключалась в том, чтобы Китай всесторонне развивал отношения дружбы и сотрудничества с развивающимися и слаборазвитыми странами, а также нормализовал отношения с развитыми капиталистическими странами, такими как США и Япония [29]. Важным сдвигом в китайско-американских отношениях стал визит Р. Никсона в Китай в 1972 г. В январе 1979 г. США и КНР официально установили дипломатические отношения. На этой базе постепенно осуществлялись следующие направления дипломатической стратегии Китая:

- 1) нормализация отношений с Советским Союзом, восточноевропейскими и другими социалистическими странами;
- 2) активное развитие дружественных отношений с соседними странами и формирующимися национальными государствами в соответствии со стратегией «Пять принципов мирного сосуществования»;
- 3) выдвижение политики «поиска точек соприкосновения при сохранении разногласий» для укрепления дружественных отношений со странами Азии и Африки;

- 4) успешное противостояние влиянию западных стран во главе с США на Северную Корею, Вьетнам и Тайвань, предотвращение военной интервенции и снижение угрозы войны [19].

В этот период собственными усилиями КНР постепенно завоевала признание международного сообщества и стала частью системы международных отношений, заложив хорошую основу для того, чтобы играть более важную и активную роль на международной арене в ближайшие несколько десятилетий.

Внешняя политика в период Дэн Сяопина по принципу «держаться в тени и не выпячивать себя» (1979 по 1993 г.)

После 1979 г. политические лидеры Китая отказались от идеи «ведения классово-борьбы», и, следовательно, крайняя идеологизированность китайской дипломатии также претерпела серьезные изменения. На 3-м пленуме 11-го созыва ЦК КПК было объявлено, что «в дальнейшем центр внимания всей партии будет перенесен на реализацию социалистической модернизации», что предполагает следование принципу «практика – единственный критерий истины» [12].

Дипломатия КПК в 1980-е гг. – это прежде всего отражение основ политики «реформ и открытости», которая была призвана укрепить и расширить отношения КНР со всеми странами мира. Китаю была нужна мирная обстановка для успешной реализации плана четырех модернизаций, что в целом привело к переоценке ценностей в области внешней политики, главными принципами которой теперь стали отказ от вступления в какие-либо военные и политические союзы и отказ от установления стратегических отношений с одной из сверхдержав [26, с. 34].

Дэн Сяопин выдвинул теорию международных отношений, которая определила стратегические цели и основные руководящие принципы китайской дипломатии в период реформ и развития. В ней особо уделялось внимание экономическим факторам, которые способствовали стабильному развитию политических, экономических, культурных, научных и технологических, военных отношений между Китаем и странами по всему миру. Дэн Сяопин постепенно выдвинул аргумент о том, что мир и развитие являются двумя приоритетами в современном мире, предложил содействовать установлению нового справедливого и разумного международного политического и экономического порядка, раскрыл роль научно-технических и экономических факторов в международной конкуренции. В этот период была также выдвинута идея о том, что *открытость внешнему миру* является долгосрочной основой национальной политики Китая, что предполагает «отказ от споров относительно суверенитета в целях достижения совместного развития», а также следование принципу «одна страна – две системы» (идея, предложенная в начале 1980-х Дэн Сяопином, в соответствии с которой существовал бы только один Китай, но при этом Гонконг, Макао и Тайвань имели бы их собственные экономические и политические системы) и т. д. Эти важные идеи и принципы оказали положительное влияние на развитие внешних отношений Китая.

Необходимо отметить, что внешнеполитические отношения Китая не всегда были гладкими. Так, в июне 1989 г. Соединенные Штаты Америки и другие западные страны ввели санкции против Китая в ответ на «Тяньаньмэньский инцидент», и в результате отношения Китая с США и другими западными странами резко ухудшились. В 1990-е гг. в СССР и Восточной Европе произошли кардинальные изменения. В 1990 г. после распада Советского Союза и тектонических изменений в Восточной Европе и по всему миру Дэн Сяопин предложил

сменить курс на более консервативную дипломатическую политику, основанную на принципе «*держаться в тени, не выпячивать себя и заниматься реальной работой*» (韬光养晦, 有所作为) [13].

Китайские эксперты отмечают, что эта стратегия была предложена в условиях тяжелой ситуации, когда Китай подвергся санкциям со стороны западных стран и должен был искать выход из ситуации. Западные политологи полагают, что именно эта идея Дэн Сяопина легла в основу дипломатии Китая того периода, обычно в англоязычной литературе ее обозначают как “hide capacities and bide time”, т. е. «*скрывать способности, ждать удобного случая*» [27]. Также китайские эксперты интерпретируют новый курс Дэн Сяопина следующим образом: «Перед лицом неблагоприятной международной обстановки Китаю не следует паниковать, нужно спокойно наблюдать за изменениями ситуации, стараться не проявлять внешнюю активность, избегать попадания в центр внимания, сначала стабилизировать внутреннюю ситуацию в Китае, дождаться улучшения ситуации, а затем переходить к развитию, спокойно справляться с различными международными вызовами, заводить как можно больше друзей и наживать как можно меньше врагов, что позволит избежать возникновения неблагоприятных ситуаций, которые могут привести к выходу ситуации из-под контроля и повлиять на модернизацию Китая [20].

Для сохранения двусторонних отношений с США Дэн Сяопин выдвинул тезис о том, что «хотя у Китая и Соединенных Штатов есть некоторые разногласия и сложности в понимании отдельных вопросов, однако в конечном счете *Китай и Соединенные Штаты должны объединиться для решения глобальной задачи поддержания мира и стабильности во всем мире* [23]. Так, в качестве шагов навстречу США Китай последовательно предпринял ряд мер по снижению напряжения в китайско-американских отношениях. В частности, были приняты некоторые экономические решения, которые позволили американским компаниям получать в Китае больше прибыли. Дэн Сяопин выдвинул принципы повышения доверия, уменьшения проблем, укрепления сотрудничества и отказа от конфронтации в отношениях с Соединенными Штатами, на основании которых китайско-американские отношения постепенно вышли из тупика, а Китай сумел сохранить темпы устойчивого развития.

Дипломатия мировых держав для установления концепции нового международного порядка в период правления Цзян Цзэминя (1993–2003 гг.)

Дэн Сяопин скончался в феврале 1997 г., а уже в сентябре состоялся XV съезд Коммунистической партии Китая, который заложил основу для реализации внешнеполитической стратегии Цзян Цзэминя. В своем докладе Цзян Цзэминь указал, что «развитие тенденции к многополярности способствует миру, стабильности и процветанию во всем мире; все страны должны выступать против гегемонии, активно проводить независимую и мирную внешнюю политику, все народы имеют право выбирать свою социальную систему, стратегию развития и образ жизни, соответствующие их национальным условиям. Китай выступает против вмешательства во внутренние дела других стран, содействует установлению нового справедливого и разумного международного политического и экономического порядка, придерживается принципа равенства и взаимной выгоды, стремится осуществлять торговые обмены и экономическое и технологическое сотрудничество, а также научные и культурные обмены со странами и регионами по всему миру в целях содействия общему развитию всего

человечества. КНР активно участвует в многосторонней дипломатической деятельности и в полной мере реализует роль постоянного члена Совета безопасности Организации Объединенных Наций и ответственного участника других международных организаций» [14].

Рассмотрим указанные аспекты более подробно. Внешняя политика Китая была направлена на укрепление двусторонних отношений между крупными державами. Так, в частности, в апреле 1996 г. Россия и Китай установили отношения стратегического партнерства (сотрудничества), ориентированные на XXI в. В мае 1997 г. КНР и Франция подписали соглашение о долгосрочном всеобъемлющем партнерстве; в ноябре того же года КНР установил долгосрочные стабильные отношения добрососедства и дружественного сотрудничества с Японией. В декабре был подписан аналогичный договор со странами ЕАЭС. А в апреле 1998 г. КНР и ЕС также заключили соглашение о долгосрочном стабильном и конструктивном партнерстве, обращенном в XXI в.

Необходимость создания новой концепции безопасности КНР была связана с постоянным вмешательством США в споры и отношения стран после холодной войны, в частности с вмешательством США в тайваньский вопрос. Так, КПК для сдерживания этих процессов использовала публичную пропаганду, в рамках которой активно критиковала старые концепции и понимание безопасности времен холодной войны. Новая концепция безопасности должна быть основана на сокращении вооружений, многостороннем диалоге, неприменении силы и разрешении споров путем мирных переговоров [15].

Участие в многосторонних организациях и мероприятиях в основном проявляется в региональном форуме АСЕАН с 1994 г. Китай уделял большое внимание этому направлению сотрудничества, и в 2001 г. удалось создать зону свободной торговли с АСЕАН. В ноябре 2000 г. КНР вступила в ВТО и была официально интегрирована в международную торговую систему. В то же время Китай становится все более активным участником Организации Объединенных Наций и разных ее структур, участвуя во всех инициативах, начиная от операций по поддержанию мира до обсуждения и инициирования реформы ООН.

В целом основные достижения дипломатии Цзянь Цзэмина заключались не только в успешном возвращении Гонконга и Макао, но и в постоянном повышении международной и региональной роли Китая. К началу XXI в. Китай постоянно подчеркивал и продвигал мировые тенденции многополярности и глобализации, что всецело отвечает требованиям развития страны.

Гармоничная мировая дипломатия в период правления Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.)

После XVI съезда Коммунистической партии Китая в 2003 г. Председателем КНР стал Ху Цзиньтао, а главой Госсовета – Вэнь Цзябао, которые приложили все усилия, чтобы выстроить теорию «мирного возвышения Китая» как новую национальную стратегию развития. Так, 26 декабря 2003 г., на форуме, посвященном 110-летию со дня рождения Мао Цзэдуна, Ху Цзиньтао четко заявил, что Китай «будет придерживаться пути мирного возвышения». 23 февраля 2004 г. состоялась 10-я встреча Политбюро КПК, в ходе которой Ху Цзиньтао еще раз подчеркнул, что Китай должен придерживаться независимой внешней политики и идти по пути «мирного возвышения» [21].

Предложение гармоничной дипломатии частично связано с обеспокоенностью внешнего мира по поводу подъема Китая, что привело к возникновению сомнений в отношении теории китайской угрозы. Термин «теория китайской

угрозы» официально появился в соответствующих статьях в журнале «Far Eastern Economic Review» (*Гонконг*) и «Wall-Street Journal» (США), в которых, в частности, говорилось, что «мир китайской гегемонии» вскоре заменит «мир американской гегемонии» [20]. Этот тезис отражает опасения относительно того, что рост совокупной государственной мощи Китая неизбежно изменит существующий международный порядок, а сильный Китай не будет по-настоящему соблюдать международные нормы, которые установлены западными странами. Так, экономический рост современного Китая даже сравнивался с возвышением фашистской Германии и милитаристской Японии в 1930-е гг. [17].

Так, для противодействия разрастающейся «теории китайской угрозы» Ху Цзиньтао поручил вице-президенту Центральной партийной школы Чжэн Бицзяню разработать *теорию «мирного возвышения Китая»* как важную стратегическую основу развития международных отношений. Китайские эксперты дают нижеследующее объяснение стратегии «мирного возвышения»:

- участие в мировой экономической глобализации;
- независимое построение социализма с китайскими особенностями в обстановке мира и развития;
- отказ от внешней экспансии и военной конфронтации;
- стремление к взаимной выгоде в условиях рыночной конкуренции.

В ноябре 2012 г. в своем докладе на XVIII Всекитайском съезде КПК Ху Цзиньтао еще раз изложил идею мирного развития и выдвинул тезис о построении гармоничного мира. Он подчеркнул, что мирное развитие является неизбежным выбором в пользу социализма с китайской спецификой. «Мы должны придерживаться принципа открытости, развиваться совместно с другими странами для получения и взаимной выгоды, развиваться, стремясь к улучшению мирной международной обстановки, поддерживать и продвигать мир во всем мире, поощрять сближение интересов всех сторон и способствовать построению гармоничного общества и процветанию во всем мире». Таким образом, после XVI съезда Коммунистической партии Китая в ноябре 2002 г. новая дипломатическая стратегия четвертого поколения коллективного руководства КНР (Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао), состоящая в движении от «мирного возвышения» к построению «гармоничного мира», по существу следует «пяти принципам мирного сосуществования» Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая и соответствует духу «независимости, реформ и открытости» Дэн Сяопина, и в целом «мир и развитие» по-прежнему остаются теоретической основой дипломатии [28].

Обсуждение

В данный момент генеральная внешнеполитическая стратегия Китая состоит в развитии принципов и реализации «дипломатии мировой державы с китайской спецификой». Базовые положения ныне реализуемой внешней политики Китая под руководством Си Цзиньпина являются собой результат диффузного накопления комплекса идей, принципов, стратегий и методов ведения международных отношений предшествующими поколениями коллективного руководства. Прежде всего стоит отметить, что внешняя политика КНР всегда является продолжением и отражением внутренней повестки, внешние дела опосредуются внутривнутриполитической и экономической ситуацией в стране и приоритетами ее развития.

Так, с 1950-х до середины 1970-х гг., в период правления Мао Цзэдуна, работа ЦК КПК и Правительства КНР была сосредоточена на воплощении иде-

алов социализма, а дипломатия, соответственно, была в крайней степени идеологизирована, в особенности в 1970-е гг., когда КПК вела так называемую политическую дипломатию. С конца 1970-х по 1980-е гг. в соответствии с политикой «реформ и открытости», предложенной Дэн Сяопином, центром дипломатии КНР все больше становилась экономическая дипломатия. В этот период Китай расширял свое экономическое влияние, чтобы укрепить свою роль на международной арене. Коллективное руководство страной во главе с Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао в целом унаследовали долгосрочный план Дэн Сяопина, поэтому во внешней политике не произошло фундаментальных изменений. Китай продолжил реализовывать внешнюю политику на основе принципов мирного сосуществования, открытости внешнему миру и продвигать идею построения гармоничных отношений с разными странами.

Выводы

На наш взгляд, с учетом известно высокой степени ориентации китайского менталитета на прошлое можно сказать, что при изучении характеристик современного состояния дипломатии необходимо в значительной степени учитывать достижения и особенности внешней политики прошлых поколений коллективного руководства и даже рассматривать культурно-философские особенности отношений с иностранными государствами.

Список источников

1. *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI в. М., 2007. 352 с.
2. *Богданова Н.А.* Формирование дипломатии КНР: традиции и инновации (1949–2018 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 20 с.
3. *Богданова Н.А., Солнцева Е.Г.* Мао Цзэдун и формирование дипломатической стратегии «держаться одной стороны» // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 158–162.
4. *Васильев Л.С.* Древний Китай. М., 2015. Т. 1. 145 с.
5. *Гончаров С.Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун (1124–1142). М., 1986.
6. *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье / под ред. С.Л. Тихвинского, Л.С. Переломова. М.: Наука, 1970. С. 34–35.
7. *Корсун В.А.* Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 234–235.
8. *Мажиденова Д.М.* Особенности дипломатической практики древнего Китая // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 1. С. 25–29.
9. *Позднеева Л.Д.* Поучение дипломату в Древнем Китае // Историко-филологические исследования: сборник статей к 75-летию академика Н.И. Конрада. М., 1986. С. 462–465.
10. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М., 2015. 280 с.
11. *Чжао Хунвэй.* Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. М.: Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России; Центр исследований Восточной Азии и ШОС, 2007. Вып. 1 (21).

12. 邓小平. 目前的形势和任务,邓小平文选(一九七五~一九八二) // 北京:人民出版社,一九八三年, 25页. [Дэн Сяопин. Текущая ситуация и задачи // Избранные труды Дэн Сяопина (1975–1982). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1983. С. 25].
13. 邓小平外交思想永放光华. 共产党员网. [Дипломатическое мышление Дэн Сяопина // Коммунист]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0815/c69113-25472007.html/> (дата обращения: 12.10.2023).
14. 江泽民, 高举邓小平理论伟大旗帜, 把建设有中国特色社会主义事业全面推向二十一世纪, 中国共产党第十五次全国代表大会上的报告. [Цзян Цзэминь, высоко держащий великое знамя теории Дэн Сяопина и всесторонне продвигающий дело построения социализма с китайской спецификой в XXI в., выступил с докладом на 15-м Национальном съезде КПК]. URL: <http://www.reformdata.org/1997/0912/5712.shtml/> (дата обращения: 05.10.2023).
15. 中新社. 江泽民阐述中国的新安全观. [Цзян Цзэминь излагает новую концепцию безопасности Китая // Китайское информационное агентство]. URL: <http://www.future-china.org.tw/spc/-rpt/tsr/ts1999032701.htm/> (дата обращения: 11.10.2023).
16. 孟艳. 新中国外交70年的基本历程与本质特征 . 高校马克思主义理论研究[J], 2019, 05 (03), 37–45. [Мэн Янь. Основная история и существенные характеристики 70-летней новой китайской дипломатии // Исследования по марксистской теории в колледжах и университетах [J]. 2019. № 05 (03). С. 37–45].
17. 孟献丽. “中国威胁论” 批判 // 马克思主义研究. 宁波大学马克思主义学院. 2021年第3期, 110–119. [Мэн Сяньли. Критика «Теории китайской угрозы» // Марксистские исследования. Нинбо: Издательство Университета Нинбо, 2021. Вып. 3. С. 110–119].
18. 門洪華, 国际机制与21世纪的中国外交战略 // 中国大战略. 浙江人民出版社. 2003年, 255–337页. [Мэн Хунхуа. Международные механизмы и дипломатическая стратегия Китая в XXI в. // Великая стратегия Китая. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2003. С. 255–337].
19. 中国人大网. 我国改革开放的主要特点. [Основные характеристики реформ и открытости нашей страны // Всекитайское собрание народных представителей]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/rldt/sd/2008-11/17/content_1458640.htm/ (дата обращения: 12.09.2023).
20. 澎湃新闻. 邓小平对外战略实践的现实意义. [Практическое значение практики внешней стратегии Дэн Сяопина // Ошеломляющие новости]. URL: https://m.thepaper.cn/yidian_promDetail.jsp?contid=2371419&from=yidian/ (дата обращения: 15.09.2023).
21. 胡锦涛下令建构和平崛起理论, 联合报, 2003年, 版 A13. [Ху Цзиньтао приказал разработать теорию мирного подъема // Ляньхэ Цзаобао. 2003. A13].
22. 胡锦涛, 「推进伟业 续写史诗」, 在中共中央纪念毛泽东诞辰0周年座谈会讲话, 中国网. [Ху Цзиньтао, «продвигающий Великое дело и продолжающий писать эпические поэмы», выступил на симпозиуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая, посвященном 100-летию со дня рождения Мао Цзэдуна // Китайский информационный интернет-центр]. URL: <http://www.china.org.cn/chinese/> (дата обращения: 21.10.2023).
23. 陈少铭. 走向世界的新中国外交 // 中共中央党史研究, 北京市: 中共党史出版社 2012. 4, 149页. [Чэнь Шаоми. Новая китайская дипломатия выходит в мир //

научно-исследовательский кабинет истории партии ЦК. Пекин: История Коммунистической партии Китая, 2014. № 4. С. 149].

24. 周恩来. 周恩来外交文选 // 北京: 中央文献出版社. 1990. 第1–2页. [Чжоу Эньлай. Избранные дипломатические очерки Чжоу Эньлая // Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 1990. С. 1–2].
25. 朱诗柱. 毛泽东“中间地带”理论探析 // 安庆师范学院学报: 社会科学版1993年第1期. [Чжу Шичжу. Анализ теории «промежуточная зона» Мао Цзэдуна // Журнал Аньцинского педагогического университета. Социальные науки. 1993. № 1].
26. 張光, 八〇年代中國外交政策的重大調整, 北京: 外交學院學報. 1992. 34页. [Чжан Гуан. Основные изменения во внешней политике Китая в 1980-х гг. // Пекин: Вестник Академии иностранных дел, 1992. С. 34].
27. 朱威烈. 关于“韬光养晦、有所作为”外交方略的思考. 中华人民共和国新闻出版. 2010年第3期. [Чжу Вэйли. Размышления о дипломатической стратегии «держась в тени, заниматься реальной работой (концепция Дэн Сяопина). Шанхай: Управление по изданию и хронике КНР, 2010. № 3].
28. 張祥山. 從中共「和平崛起」到建構「和諧世界」的國際戰略看當前臺灣的外交戰略選擇. 《展望與探索月刊》6卷3期(200803), 第22–41页. [Чжан Сяншань. Текущие варианты дипломатической стратегии Тайваня – от мирного возвышения Китая до построения гармоничного мира // Перспективы и исследования. 2008. Т. 6. № 3. С. 22–41].
29. 杨开煌. 中共内政与外交之辩证关系 // 東吳政治學報. 出版單位, 東吳大學政治研究所. 1994. 03 (3期). 187–217. [Ян Кайхуан. Диалектическая взаимосвязь между внутренними делами и дипломатией Коммунистической партии Китая // Сучжоуский журнал политических наук. 1994. № 03. С. 187–217].
30. How Xi Jinping Sees the World... and why / ed/ by J.A. Bader // Asia Working Group Paper 2. Washington: The Brookings Institution Press, 2016. 6 p.
31. Wasserstrom J. A huge deal' for China as the era of Xi Jinping Thought begins // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/19/huge-deal-china-era-of-xi-jinping-thought-politics/> (дата обращения: 01.09.2023).
32. Nixon R.M. Asia after Vietnam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 122–123.
33. Daekwon S. Xi Jinping Thought vs. Deng Xiaoping Theory // China Power. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/xi-jinping-thought-vs-deng-xiaoping-theory/> (дата обращения: 27.08.2023).

Информация об авторе

Ван Юй. Аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-1986-8849; e-mail: wangyuiki@mail.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Bazhanov E.P. China: From the Middle Empire to the superpower of the XXI century. M., 2007. 352 p. (In Russian)
2. Bogdanova N.A. Formation of Chinese Diplomacy: Traditions and Innovations (1949–2018): dis ... cand. of historical sciences. M., 2019. 20 p. (In Russian)
3. Bogdanova N.A., Solntseva E.G. Mao Zedong and the formation of a diplomatic strategy “to stick to one side” // *Modern Scientific Thought*. 2018. No. 6. P. 158–162. (In Russian)
4. Vasiliev L.S. Ancient China. M., 2015. Vol. 1. 145 p. (In Russian)
5. Goncharov S.N. Chinese medieval diplomacy: relations of the Jin and Song Empires (1124–1142). M., 1986. (In Russian)
6. Duman L.I. Foreign policy relations of ancient China and the origins of the tributary system // *China and neighbors in antiquity and the Middle Ages* / ed. by S.L. Tikhvinsky, L.S. Perelomov. M.: Nauka, 1970. P. 34–35. (In Russian)
7. Korsun V.A. Foreign policy mechanism with “Chinese specifics” // *Bulletin of MGIMO-University*. 2010. No. 1. P. 234–235. (In Russian)
8. Mazhidenova D.M. Features of the diplomatic practice of ancient China // *Bulletin of the KRSU*. 2008. Vol. 8. No. 1. P. 25–29. (In Russian)
9. Pozdneeva L.D. Teaching a diplomat in Ancient China // *Historical and philological studies. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Academician N.I. Konrad*. M., 1986. P. 462–465. (In Russian)
10. Portyakov V.Ya. Foreign policy of the People’s Republic of China in the XXI century. M., 2015. 280 p. (In Russian)
11. Zhao Hongwei. Chinese diplomacy in the context of the processes of mutual influence and rivalry in East Asia. M.: Scientific Coordination Council for International Studies MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Center for East Asian Studies and the SCO, 2007. Is. 1 (21). (In Russian)
12. 邓小平. 目前的形势和任务,邓小平文选(一九七五~一九八二) // 北京:人民出版社,一九八三年, 25页. [Deng Xiaoping. The Current Situation and Tasks // *Selected Works of Deng Xiaoping (1975–1982)*. Beijing: Renmin Chubanshe, 1983. P. 25]. (In Chinese)
13. 邓小平外交思想永放光华. 共产党员网. [Deng Xiaoping’s Diplomatic Thinking // *Communist*]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0815/c69113-25472007.html> (access date: 12.10.2023).
14. 江泽民, 高举邓小平理论伟大旗帜, 把建设有中国特色社会主义事业全面推向二十一世纪, 中国共产党第十五次全国代表大会上的报告. [Jiang Zemin. Holding high the great banner of Deng Xiaoping’s theory and comprehensively promoting the cause of building socialism with Chinese specifics in the 21st century, delivered a report at the 15th National Congress of the CPC]. URL: <http://www.reformdata.org/1997/0912/5712.shtml/> (access date: 05.10.2023).
15. 中新社. 江泽民阐述中国的新安全观. [Jiang Zemin outlines China’s new security concept // *Chinese News Agency*]. URL: <http://www.future-china.org.tw/spc/rpt/tsr/ts1999032701.htm/> (access date: 11.10.2023).
16. 孟艳. 新中国外交70年的基本历程与本质特征 . 高校马克思主义理论研究[J], 2019, 05 (03), 37–45. [Meng Yan. The main history and essential characteristics of the 70-year-old new Chinese diplomacy // *Studies on Marxist Theory in Colleges and Universities* [J]. 2019. No. 05 (03). P. 37–45]. (In Chinese)
17. 孟献丽. “中国威胁论” 批判 // 马克思主义研究. 宁波大学马克思主义学院. 2021年第3期, 110–119. [Meng Hsien li. Criticism of the “Theory of the Chinese

- threat” // Marxist Studies. Ningbo: Publishing House of Ningbo University of Marxism, 2021. Is. 3. P. 110–119]. (In Chinese)
18. 門洪華, 国际机制与21世纪的中国外交战略 // 中国大战略. 浙江人民出版社. 2003年, 255–337页. [Men Honghua. International mechanisms and China’s Diplomatic strategy in the 21st century // The Great Strategy of China. Beijing: Renmin Chubanshe, 2003. P. 255–337]. (In Chinese)
 19. 中国人大网. 我国改革开放的主要特点. [The main characteristics of reforms and openness of our country // National People’s Congress]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/rdltd/sd/2008-11/17/content_1458640.htm/ (access date: 12.09.2023).
 20. 澎湃新闻. 邓小平对外战略实践的现实意义. [The practical significance of Deng Xiaoping’s Foreign Strategy practice // Stunning News]. URL: https://m.thepaper.cn/yidian_promDetail.jsp?contid=2371419&from=yidian/ (дата обращения: 15.09.2023).
 21. 胡錦濤下令建構和平崛起理論, 聯合報, 2003年, 版 A13. [Hu Jintao ordered to develop a theory of peaceful rise // Lianhe Zaobao. 2003. A13].
 22. 胡錦濤, 「推進偉業 續寫史詩」, 在中共中央紀念毛澤東誕辰0週年座談會講話, 中國網. [Hu Jintao, «promoting a Great cause and continuing to write epic poems», spoke at a symposium of the Central Committee of the Communist Party of China dedicated to the 100th anniversary of the birth of Mao Zedong // Chinese Internet Information Center]. URL: <http://www.china.org.cn/chinese/> (access date: 21.10.2023).
 23. 陈少铭. 走向世界的新中国外交 // 中共中央党史研究, 北京市: 中共党史出版社, 2012. 4, 149页. [Chen Daoming. The new Chinese diplomacy goes out into the world // the research cabinet of the history of the Party of the Central Committee. Beijing: History of the Communist Party of China, 2014. No. 4. P. 149]. (In Chinese)
 24. 周恩来. 周恩来外交文选 // 北京: 中央文献出版社. 1990. 第1–2页. [Zhou Enlai. Selected diplomatic essays of Zhou Enlai. Beijing: Zhongyang Wenxian Chubanshe, 1990. P. 1–2]. (In Chinese)
 25. 朱诗柱. 毛泽东“中间地带”理论探析 // 安庆师范学院学报: 社会科学版1993年第1期. [Zhu Shizhong. Analysis of the “intermediate zone” theory Mao Zedong // Journal of the Anqing Pedagogical University. Social Sciences. 1993. No. 1]. (In Chinese)
 26. 張光, 八〇年代中國外交政策的重大調整, 北京: 外交學院學報. 1992. 34页. [Zhang Guang. The main changes in China’s foreign policy in the 1980s // Beijing: Bulletin of the Academy of Foreign Affairs, 1992. P. 34]. (In Chinese)
 27. 朱威烈. 关于“韬光养晦、有所作为”外交方略的思考. 中华人民共和国新闻出版. 2010年第3期. [Zhu Wei li. Reflections on the diplomatic strategy “keeping in the shadows, doing real work (Deng Xiaoping’s concept)” // Shanghai: Department for Publication and Chronicle of the People’s Republic of China, 2010. No. 3]. (In Chinese)
 28. 張祥山. 從中共「和平崛起」到建構「和諧世界」的國際戰略看當前臺灣的外交戰略選擇. 《展望與探索月刊》6卷3期 (200803), 第22–41页. [Zhang Xiangshan. Current Options of Taiwan Diplomatic Strategy – from China’s Peaceful Rise to Constructing a Harmonious World // Prospects and Research. 2008. Vol. 6. No. 3. P. 22–41]. (In Chinese)

29. 杨开煌. 中共内政与外交之辩证关系 // 東吳政治學報. 出版單位, 東吳大學政治研究所. 1994. 03 (3期). 187–217. [Yang Kaihuang. Dialectical relationship between internal affairs and diplomacy of the Communist Party of China // Suzhou Journal of Political Sciences. 1994. No. 03. P. 187–217]. (In Chinese)
30. How Xi Jinping Sees the World... and why / ed. by J.A. Bader // Asia Working Group Paper 2. Washington: The Brookings Institution Press, 2016. 6 p.
31. Wasserstrom J. A huge deal' for China as the era of Xi Jinping Thought begins // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/19/huge-deal-china-era-of-xi-jinping-thought-politics/> (access date: 01.09.2023).
32. Nixon R.M. Asia after Vietnam // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 122–123.
33. Daekwon S. Xi Jinping Thought vs. Deng Xiaoping Theory // China Power. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/xi-jinping-thought-vs-deng-xiaoping-theory/> (access date: 27.08.2023).

About the author

Wang Yu. Postgraduate, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1986-8849; e-mail: wangyuiki@mail.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

НОРМАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРЕЗИДЕНТА Р. НИКСОНА

Зайнуллин Тимур Рамилевич¹

¹*Казанский федеральный университет,*

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0009-0007-6010-1208 e-mail: timazainullin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Никсона в нормализации американо-китайских отношений в 1970-х гг. В статье исследуются тенденции и предпосылки к нормализации американо-китайских отношений в 1970-х гг. Основное внимание уделено выявлению причин, побудивших Вашингтон к поиску улучшения отношений с Китаем спустя 20 лет острой конфронтации. В результате исследования было определено, что инициатива Р. Никсона и геополитическая обстановка в 1970-х гг. поспособствовали нормализации американо-китайских отношений.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, международная безопасность, США, КНР, американо-китайские отношения.

NORMALIZATION OF US-CHINA RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY OF PRESIDENT R. NIXON

Zainullin Timur Ramilevich¹

¹*Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,*

ORCID: 0009-0007-6010-1208 e-mail: timazainullin@mail.ru

Abstract. The article examines Nixon's role in the normalization of US-China relations in the 1970s. The article examines the trends and prerequisites for the normalization of US-China relations in the 1970s. The main attention is paid to identifying the reasons that prompted Washington to seek improved relations with China after 20 years of acute confrontation. As a result of the study, it was clear that R. Nixon's initiative and the geopolitical situation in the 1970s contributed to the normalization of US-Chinese relations.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, international security, USA, China, US-China relations.

Введение

После окончания гражданской войны в Китае в 1949 г. коммунисты установили власть на материковой части Китая и основали Китайскую Народную Республику (КНР), в то время как Гоминьдан во главе с Чан Кайши вынужден был бежать на соседний остров Тайвань, на котором он провозгласил власть Китайской Республики (КР). В течение следующих 30 лет США считали Рес-

публику Китай единственным легитимным правительством, представляющим интересы Китая, и не имели официальных дипломатических отношений с КНР.

В конце 1960-х и начале 1970-х гг. появились признаки нормализации двусторонних отношений между США и КНР. Развитие событий во Вьетнаме побудило США искать способы нормализации отношений с коммунистическими правительствами Азии в надежде на то, что такая политика сможет способствовать снижению напряженности в регионе и поможет избежать новых конфликтов, в том числе подорвать отношения между коммунистическими странами, дипломатически изолировать Северный Вьетнам. В свою очередь, напряженность в отношениях между Китаем и Советским Союзом способствовала желанию КНР к сближению с Соединенными Штатами.

Материалы и методы

Для написания статьи на тему нормализации американо-китайских отношений в 1970-х гг. была использована методология системного понимания внешнеполитических противоречий между КНР и США, а также анализа ответной политики КНР по противодействию сдерживания со стороны США. В русле системного анализа были проанализированы противоречия целей и задач внешних политик КНР и США в период президентства Р. Никсона, выявлены причины противоречий и проанализированы влияния данных противоречий на развитие международных отношений.

Результаты исследования

Президент Никсон посетил Китай в феврале 1972 г., став первым президентом США, посетившим материковый Китай во время своего пребывания в должности. Открытие Китая произошло благодаря стратегическому совпадению событий после 1969 г. Ранее Мао Цзэдун провел две социальные революции в Китае в течение десятилетия. Тем временем отношения между Советским Союзом и Китаем разладились, и к моменту вступления Никсона в должность президента США в январе 1969 г. советские и китайские войска открыто воевали друг с другом на реке Уссури. Из-за интереса США выйти из Вьетнама и интереса КНР вновь открыться миру после катастроф «Большого скачка» и «Великой пролетарской культурной революции» у КНР и США появились причины улучшить двусторонние отношения. Никсон увидел данную возможность. По итогам переговоров было опубликовано Шанхайское коммюнике, в котором была сформулирована позиция по острейшему противоречию на пути к нормализации двусторонних отношений – тайваньскому вопросу. Китайская Народная Республика подтвердила, что Тайвань является частью Китая и выступает против его независимости. Соединенные Штаты заявили, что «признают, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай и что Тайвань является частью Китая» [1]. Соединенные Штаты также отметили важность поиска мирного решения тайваньской проблемы и намерение вывести оставшиеся американские войска из Тайваня. Принципы, установленные в Шанхайском коммюнике, послужили основой для установления официальных дипломатических отношений между двумя странами в 1979 г. Сближение КНР и США кардинально изменило контекст холодной войны и повлияло на последующее движение к разрядке между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Р. Никсон стал первым президентом, посетившим Китайскую Народную Республику (КНР), отправившись туда специально для переговоров с коммунистическим лидером Мао Цзэдуном. Визит, который Р. Никсон назвал «неделей, изменившей мир», получил большое внимание. Р. Никсон встретился с Мао Цзэдуном в кабинете лидера, осмотрел Великую китайскую стену вместе с первой леди Пэт Никсон и посетил банкет в его честь с китайским премьером Чжоу Эньлаем.

Встречи между американскими и советскими лидерами происходили много раз за предшествующие годы. Называемые саммитами, эти встречи обычно приводили к улучшению отношений между двумя сверхдержавами. Например, встреча Ричарда Никсона с его советским коллегой Леонидом Брежневым в 1971 г. привела к соглашению об ограничении стратегических вооружений (СОСВ), культурным обменам и торговому соглашению. Оттепель в американо-советских отношениях была частью стратегии Никсона, известной как “detente” («разрядка международной напряженности»), которая была средством для снижения напряженности между двумя сверхдержавами и, возможно, использования СССР для оказания давления на их союзника Северного Вьетнама с целью договориться о прекращении войны во Вьетнаме.

Тот факт, что Никсон стал первым президентом, посетившим КНР и ведущим переговоры с Мао Цзэдуном, мог бы шокировать сторонников обеих сторон в 1950-х гг. Коммунисты установили власть в КНР в октябре 1949 г. после долгой гражданской войны, которая привела к победе над поддерживаемым США правительством Чан Кайши. Чан Кайши бежал на Тайвань и установил там свое правительство Гоминьдан. Мао Цзэдун обратился за помощью к СССР для развития Китая, обеспечив экономическую и военную помощь от Сталина в 1950 г.

США изолировали КНР и поддерживали Тайвань как законное правительство Китая, отказываясь допустить КНР в Организацию Объединенных Наций (ООН). Корейская война (1950–1953) вновь поставила эти страны друг против друга после того, как Китай вмешался в конфликт, поддерживая Северную Корею. Внутри страны антикоммунисты обвиняли администрацию Трумэна и демократов в «потере» Китая. За время своего пребывания в Палате представителей и Сенате Никсон рьяно поддерживал внутренний антикоммунизм, который доминировал в политике конца 1940-х и начала 1950-х гг., и активно поддерживал усилия по исключению Китая из ООН.

Ричард Никсон был выбран в качестве вице-президента Дуайта Эйзенхауэра в 1952 г. частично из-за своих антикоммунистических и консервативных убеждений. Но поражения на президентских выборах 1960 г. (Джону Ф. Кеннеди) и на выборах губернатора Калифорнии (Эдмунду Брауну) два года спустя, казалось, положили конец политической карьере Ричарда Никсона. Однако он восстановил свой статус в Республиканской партии и верно поддерживал Барри Голдуотера в 1964 г. К 1967 г. он был хорошо подготовлен, чтобы быть фаворитом на республиканскую номинацию в 1968 г. С учетом огромных проблем демократов из-за войны во Вьетнаме, антивоенных протестов, расовых беспорядков и гражданских волнений внутри страны Никсон понимал, что у Республиканской партии есть хорошие шансы выиграть выборы в том году.

В 1967 г. статья Никсона «Азия после Вьетнама» была опубликована в престижном журнале “Foreign Affairs” [2]. В ней Никсон утверждал, что, хотя Вьетнам занимал значительную часть повестки в США, развитие экономик региона должно стать более важной целью американской дипломатии. Кроме то-

го, Никсон намекал на возможность начала новых отношений с Китаем и ухода Соединенных Штатов из Вьетнама, приняв политику, направленную на военную поддержку правительства Южного Вьетнама и одновременное прекращение прямого американского вмешательства. Данная статья укрепила внешнеполитический авторитет Ричарда Никсона.

Обе инициативы вступили в силу после вступления Ричарда Никсона в должность президента США в 1969 г. Он начал вывод американских войск из войны в 1970 г. после катастрофического вторжения в соседнюю Камбоджу, которое вызвало массовые антивоенные протесты в студенческих кампусах. К моменту его переизбрания в 1972 г. во Вьетнаме оставалось менее 100 000 американских солдат.

Открытие Китая произошло благодаря стратегическому совпадению событий после 1969 г. Ранее Мао Цзэдун провел две социальные революции в Китае в течение десятилетия. Первой был «Большой скачок», направленный на коллективизацию сельского хозяйства и прекращение частной собственности. Однако коллективизированное сельское хозяйство оказалось менее продуктивным, чем индивидуальное владение землей. Китай экспортировал многие произведенные товары, чтобы погасить свои долги перед Советским Союзом; однако с 1958 по 1961 г. голод унес жизни до 40 млн китайцев. Затем в 1966 г. была провозглашена «Великая пролетарская культурная революция». Тем временем отношения между Советским Союзом и Китаем разладились, и к моменту вступления Никсона в должность президента США в январе 1969 г. советские и китайские войска открыто воевали друг с другом на реке Уссури. Из-за интереса США выйти из Вьетнама и интереса КНР вновь открыться миру после катастроф «Большого скачка» и «Великой пролетарской культурной революции» у КНР и США появились причины улучшить двусторонние отношения. Никсон увидел данную возможность, и его советник по национальной безопасности Генри Киссинджер использовал правительство Пакистана в качестве секретного канала для начала переговоров с Чжоу Эньлаем из Китая.

Во время визита в Пакистан Киссинджер тайно отправился в Пекин на переговоры с Чжоу Эньлаем. Как следует из описания Киссинджером развития двусторонних отношений, он сыграл значительную роль в усилении тенденций двустороннего сближения за счет осуществления целенаправленной дипломатической деятельности. В частности, в начале февраля 1969 г. президент США Р. Никсон поручил ему разработать план мероприятий, направленных на установление отношений с КНР. В результате сотрудниками Совета национальной безопасности были разработаны практические рекомендации, включающие в себя установление секретных отношений с китайским руководством, а также реализацию пропагандистских мер, сигнализировавших Пекину о готовности Вашингтона двигаться в различных направлениях своей китайской политики [3, с. 72]. По словам Киссинджера, инициатива к сближению была проявлена со стороны Пекина, а президент США Р. Никсон не упустил возникшую «стратегическую возможность» [4, с. 42]. Кроме того, при непосредственном участии Киссинджера в обстановке строжайшей секретности прорабатывались детали визита президента Р. Никсона в КНР. Для этих целей Киссинджер в 1971 и 1972 г. совершил два тайных визита в КНР с целью проработки наиболее проблемных вопросов политической повестки двусторонних отношений. В ходе переговоров по тайванскому вопросу Г. Киссинджер озвучил концептуальный тезис новой американской политики по отношению к Китаю, в связи с чем под-

черкнул, что США больше не являются врагом Китая, а значит, не будут больше изолировать КНР на международном уровне [5, с. 357].

Обсуждение

Вьетнам и Тайвань были основными препятствиями на пути к улучшению отношений между Китаем и Соединенными Штатами, при этом КНР настаивала на том, чтобы Соединенные Штаты разорвали свои отношения с Тайванем перед нормализацией отношений с Китаем. Со своей стороны, Киссинджер и Никсон явно хотели, чтобы Китай сыграл роль в давлении на Северный Вьетнам с целью переговоров о завершении конфликта во Вьетнаме. Переговоры уже велись в Париже между Киссинджером и министром иностранных дел Северного Вьетнама Ле Дык То. В апреле 1971 г. американская команда по настольному теннису находилась в Японии, когда их пригласили сыграть в Китае. Этот эпизод «пинг-понговой дипломатии» стал первым контактом между китайскими и американскими гражданами с 1949 г. и символизировал надежду на улучшение отношений между двумя странами.

В июне 1971 г. Никсон поразил мир, объявив, что собирается посетить Китай и встретиться с Мао Цзэдуном. Это также шокировало консервативных антикоммунистов, которые расценили встречу как предательство американского союзника на Тайване. 21 февраля 1972 г. Никсона в Пекине встретил Чжоу Эньлай, и он провел несколько часов в беседе с Мао, обсуждая пути нормализации отношений. Затем он объехал страну и встретился с выдающимися китайскими лидерами. Заключительные переговоры в Шанхае привели к подписанию соглашения, направленного на облегчение нормализации дипломатических отношений между двумя державами, известного как «Шанхайское коммюнике» [6]. В рамках этого соглашения стороны работали над дипломатическим признанием, при этом администрация Никсона согласилась, что в результате этой нормализации Соединенные Штаты прекратят официальное признание Тайваня и выведут военные силы с острова, который Китай считал частью своей «Народной Республики».

Полная нормализация отношений с Китаем была достигнута только в 1979 г., когда Джимми Картер и новый лидер Китая Дэн Сяопин достигли соглашения, включавшего в себя как существенный компонент обязательство Соединенных Штатов прекратить признание Тайваня. Спустя семь лет после исторической поездки Никсона Китай вступил в Организацию Объединенных Наций и под руководством Дэн Сяопина вскоре стал ведущей державой в Азии и мировой экономике.

Выводы

В период президентства Р. Никсона в китайской политике Вашингтона произошел кардинальный поворот, вызванный рядом причин. Во-первых, внешнеполитическим кризисом, связанным с неудачной войной во Вьетнаме. Во-вторых, советско-китайской конфронтацией, которую США попытались использовать для укрепления своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире. В-третьих, атмосферой разрядки международной напряженности, отразившейся и на микроклимате американо-китайских отношений. В-четвертых, желанием отдельных кругов политической элиты, делового сообщества и общественности США урегулировать отношения с КНР.

В результате обоюдной заинтересованности сторон в улучшении взаимоотношений и целенаправленных действий администрации Р. Никсона, сумев-

шей преодолеть антикитайские настроения, в американо-китайских отношениях произошел прорыв, выведший их на качественно новый уровень развития. Однако, несмотря на начавшееся сближение Вашингтона и Пекина, между ними осталось немало острых противоречий, обусловленных разными социально-экономическими системами, идеологиями, геополитическими интересами и предрассудками двадцатилетнего противостояния.

Список источников

1. Rapprochement with China, 1972 // Department of State USA. URL: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/rapprochement-china/> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Nixon R. Asia after Vietnam // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1967-10-01/asia-after-viet-nam/> (дата обращения: 06.12.2023).
3. Дегтярев А.В. Роль Совета национальной безопасности в дипломатической подготовке визита Р.М. Никсона в КНР в феврале 1972 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 72–78.
4. Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2012. 635 с.
5. Косов А.П. Политика США в отношении КНР в период президента Р. Никсона // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 343–369.
6. Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China // Department of State USA. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203/> (дата обращения: 06.12.2023).

Информация об авторе

Зайнуллин Тимур Рамилевич. Аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0009-0007-6010-1208; e-mail: timazainullin@mail.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Rapprochement with China, 1972 // Department of State USA. URL: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/rapprochement-china/> (access date: 05.12.2023).
2. Nixon R. Asia after Vietnam // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1967-10-01/asia-after-viet-nam/> (access date: 06.12.2023).
3. Degtyarev A.V. The role of the National Security Council in the diplomatic preparation for the visit of R.M. Nixon in China in February 1972 // Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 311. P. 72–78. (In Russian).
4. Kissinger G. On China. M.: Astrel, 2012. 635 p. (In Russian).
5. Kosov A.P. US policy towards China during the period of President R. Nixon // Metamorphoses of History. 2014. No. 5. P. 343–369. (In Russian).

6. Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China // Department of State USA. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203/> (access date: 06.12.2023).

About the author

Zainullin Timur Ramilevich. Postgraduate, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-6010-1208; e-mail: timazainullin@mail.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА ПОСТЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В 1991–1997 ГГ.

Исламов Дамир Римович¹

¹Казанский федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1338-3277; e-mail: dam1948@yandex.ru

Аннотация. С 2000-х гг. Европейский союз (ЕС) активно начал внедрять повестку евроинтеграции, особенно в Юго-Восточной Европе (ЮВЕ). Однако внешнеполитические инициативы ЕС стали осуществляться еще в первой половине 1990-х гг., когда регион сотрясали военные действия на фоне распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Несомненно, в тот период Евросоюз обращал более пристальное внимание на страны Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия и др.), которые являлись лидерами в процессе вступления. Из этого следует, что страны ЮВЕ находились на более периферийной позиции из-за военных конфликтов на территории бывшей Югославии и/или слабости их экономик. Вскоре в 1995–1996 гг. ЕС создал две политические группы путем условного разделения региона ЮВЕ на две части: Болгария и Румыния и Западные Балканы (страны бывшей Югославии без Словении плюс Албания). Если первая группа была ближе к странам Центральной и Восточной Европы с точки зрения евроинтеграции, то вторая лишь стала включаться в орбиту региональной политики ЕС в первой половине 1990-х гг. Следовательно, целью данного исследования является изучение региональной политики ЕС в отношении стран постюгославского пространства в 1991–1997 гг., т. е. до обострения ситуации в Косово и Метохии в 1998–1999 гг.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, дипломатия, Европейский союз, Юго-Восточная Европа, Западные Балканы, европейская интеграция, общая внешняя политика, процесс вступления, политика расширения.

THE EUROPEAN UNION AND THE POST-YUGOSLAV SPACE IN 1991–1997

Islamov Damir Rimovich¹

¹Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation,

ORCID: 0000-0003-1338-3277; e-mail: dam1948@yandex.ru

Abstract. Since the 2000s, the European Union (EU) has vigorously commenced to implement the European integration agenda, especially in South-Eastern Europe. However, EU foreign policy began to be implemented in the first half of the 1990s, when the region was shaken by hostilities amid the collapse of the former Yugoslavia. Undoubtedly, at that time the European Union paid closer attention to the

countries of Central and Eastern Europe (Hungary, Poland, Slovakia, the Czech Republic, etc.), which were the leaders in the process of accession to the EU. Consequently, the countries of South-Eastern Europe were in a more peripheral position due to military conflicts in the territory of the former Yugoslavia and/or the weakness of their economies. Soon, between 1995–1996, the EU essentially created two political groups by conditionally dividing the region of South-Eastern Europe into two parts: Bulgaria and Romania and the Western Balkans (countries of the former Yugoslavia without Slovenia + Albania). If the first group was closer to the South-Eastern Europe countries in terms of European integration, the second only began to be included in the orbit of EU regional policy in the first half of the 1990s. Therefore, the purpose of this research is to study the EU regional policy towards post-Yugoslav states in 1991–1997, that is, before the aggravation of the situation in Kosovo and Metohija in 1998–1999.

Keywords: international relations, world politics, diplomacy, European Union, South-Eastern Europe, Western Balkans, European integration, common foreign policy, EU accession process, EU enlargement policy.

Введение

Распад социалистического блока и СССР в 1989–1991 гг., изменения границ государств в Европе разворачивались на глазах мировой общественности. После падения коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы и Юго-Восточной Европы (ЦВЕ и ЮВЕ) и распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) в процесс усиления своего влияния на данные регионы включилось Европейское сообщество, в дальнейшем трансформировавшееся в 1993 г. в Европейский союз (ЕС). Именно тогда начал формироваться образ некоего широкого пространства единой Европы посредством последующей интеграции бывших стран социалистического блока в ЕС. В первую очередь подобные идеи касались стран Центральной и Восточной Европы. В то же самое время в ЕС боялись того, что быстрое включение этих государств в свой состав может серьезно повлиять на единство и достижения ЕС [1, с. 27].

В свою очередь, государства Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) находились на более периферийной позиции, особенно из-за начавшихся войн на территории бывшей СФРЮ. Кроме того, к этому добавлялись сложные межэтнические отношения и соответствующие конфликты на этой почве. Поэтому в отношении ЮВЕ Евросоюз стал применять немного иной подход – региональное сотрудничество. Считалось, что именно данный принцип позволил бы подготовить эти страны к достижению долгосрочной цели – интеграции в ЕС.

Более того, необходимо отметить, что в начале 1990-х гг. ЕС переживал внутреннюю трансформацию с формированием как единого экономического и валютного, так и политического и правового пространства через конструирование Общей внешней политики и политики безопасности, а также Политики в области юстиции и внутренних дел [1, с. 27]. Вследствие этого ЕС стал проводить региональную дифференциацию пространств бывших стран социалистического лагеря и Югославии, несмотря на то что процессы изменения посткоммунистических стран ЦВЕ и ЮВЕ происходили практически одновременно. Разделение пространства на определенные субрегионы происходило исходя из характерных черт переходного периода во внутренней и внешней политике этих государств: страны Центральной и Восточной Европы; страны Балтии:

Латвия, Литва, Эстония; страны Балканского полуострова – чуть позже регион будет разделен на две части: Болгария и Румыния и так называемые западно-балканские государства (страны бывшей Югославии плюс Албания без Словении, которая была отнесена к первой группе); Содружество Независимых Государств (СНГ).

К тому же страны – члены ЕС по-разному ставили приоритеты по поводу интеграции определенных субрегионов в свой состав. Например, ФРГ и Австрия были более заинтересованы в евроинтеграции Польши, Венгрии, Чехии, Словакии. Государства скандинавского полуострова в качестве зоны своих интересов в данном процессе рассматривали прибалтийские страны. Помимо этого, стабильность в ЮВЕ стала заботой для Греции и Италии [1, с. 27].

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования был выбран неоклассический реализм, который утверждает, что внешняя политика актора формируется под влиянием не только внешней среды и накладываемых международной структурой ограничений, но и так называемых вторгающихся переменных как комплекса внутривнутриполитических факторов. Термин «внешняя политика» традиционно используется для описания того, как государства выстраивают свои отношения с другими государствами или иными акторами в рамках международной системы. Тем не менее есть определенные основания считать международную политику Евросоюза внешней политикой, пусть речь и идет о внешней политике особого рода. Она осуществляется как особый метод управления, принятый и разработанный внутри ЕС под воздействием наднациональных институтов и отдельных стран-членов, который как бы «опрокидывается» вовне и влияет на международную среду [2, с. 120].

Результаты исследования

Пакт о стабильности в Европе и Руаймонский процесс. Одним из важных документов для Евросоюза в середине 1990-х гг. являлся Пакт о стабильности в Европе, также известный как «План Балладюра». Именно премьер-министр Франции Э. Балладюр впервые выдвинул идею о важности выработки Пакта во время своей инаугурационной речи в парламенте Франции в апреле 1993 г. Он выразил сожаление о том, что Европа оказалась неспособной справиться с кризисом в Югославии. Кроме того, Э. Балладюр призвал ЕС проявить инициативу с целью укрепления европейской стабильности и избегания подобных конфликтов в будущем [3].

Вскоре в июне 1993 г. Франция официально представила план, названный как «Пакт безопасности и стабильности в Европе», на заседании Еврокомиссии в Копенгагене, где вопрос о расширении ЕС на Восток являлся одним из актуальных для обсуждения [3]. На фоне предоставления реальных перспектив вступления для стран ЦВЕ главы государств и правительств ЕС поприветствовали основные идеи, заложенные в плане. Стоит отметить, что в последующем данная инициатива станет первым «совместным действием» в рамках Общей внешней политики и политики безопасности Евросоюза, как это предусмотрено т. н. Маастрихтским договором, вступившим в силу в ноябре 1993 г. На фоне драматических событий в Югославии инициатива должна была внести вклад в стабилизацию Европы путем укрепления демократического процесса, расширения регионального сотрудничества, решения проблем меньшинств и обеспе-

чения нерушимости границ. Кроме того, необходимо было поощрять те страны, которые еще не имеют каких-либо соглашений о сотрудничестве и добрососедских отношениях. По мнению Х.-Г. Эрхарта, в первую очередь это относилось к странам ЦВЕ, ассоциированных с ЕС [4, с. 2].

Проект был запущен в 1994 г. во время инаугурационной конференции в Париже, где помимо стран – членов ЕС участвовали представители ОБСЕ, НАТО, Западноевропейского союза (ЗЕС), ООН и Совета Европы. На мероприятии было организовано два круглых стола, на которых соответствующие государства должны были обсудить проблемы региональной стабильности при содействии третьих сторон и урегулировать их по взаимному согласию [4, с. 2]. Первый круглый стол был посвящен странам Балтии, а второй – странам ЦВЕ. Спустя год проект лег в основу Пакта стабильности в Европе, принятый в марте 1995 г. под эгидой ОБСЕ. Еще раз необходимо отметить, что одним из важных положений Пакта стали принципы добрососедства и европейской стабильности. Кроме того, в документе указывалось, что пограничные и межнациональные конфликты должны были быть устранены до того, как страна сможет стать полноправным членом Евросоюза.

Таким образом, Пакт о стабильности в Европе был посвящен в первую очередь для урегулирования проблем, имеющихся в странах Балтии и ЦВЕ, куда были отнесены позже Болгария и Румыния. Эти государства тоже принимали участие на круглом столе в 1994 г. Очевидно, что Пакт стал рамочным документом, который дал старт для более нацеленной региональной политики ЕС в ЮВЕ, в частности в отношении стран бывшей Югославии и Албании. Более того, впервые Евросоюз видел в Пакте инструмент «превентивной дипломатии», так как до этого Брюссель реагировал на конфликтные ситуации, особенно в бывшей Югославии, постфактум.

Первой крупной инициативой под эгидой Пакта стал так называемый Руаймонский процесс по стабилизации и добрососедству в ЮВЕ, возникший в 1995 г. на фоне обострения конфликта в Боснии и Герцеговине (БиГ) и подписания Дейтонских соглашений. Официально процесс стартовал в декабре 1996 г. [5]. До этого Евросоюз как самостоятельный актор не предпринимал значимых действий по отношению к странам бывшей Югославии и Албании, играя в большей степени роль «младшего партнера» НАТО. Именно Североатлантический альянс во главе с США продолжал играть ведущую роль как в процессе подписания, так и при имплементации Дейтонских соглашений. Хотя стоит отметить, что военные аспекты мирного урегулирования являлись приоритетной темой переговоров в Дейтоне, благодаря чему, по мнению Е.Ю. Гуськовой, НАТО впервые в истории своего существования не только расширила свои полномочия, но и вышла за обозначенные в Североатлантическом договоре 1949 г. границы зоны действия альянса [6, с. 80].

Исходя из этого более широкое вовлечение ЕС в качестве самостоятельного актора началось после того, как Франция вступила в обязанности председателя ЕС. Благодаря этому Евросоюз попытался разработать первую всеобъемлющую и долгосрочную политику в рамках Руаймонского процесса с вовлечением Европейской комиссии, Европейского парламента и Европейского совета. Целью этой инициативы являлась поддержка осуществления Дейтонских соглашений. После того, как был принят Пакт, страны – члены ЕС стали обращать активное внимание на вопрос о стабилизации ситуации на территории бывшей Югославии. «Пакт о стабильности в Европе был первым практическим

испытанием превентивной дипломатии в рамках Общей внешней политики и политике безопасности», – полагал Х.-Г. Эрхарт [4, с. 4].

Пакт о стабильности был, так сказать, первым полевым испытанием превентивной дипломатии для Брюсселя. Накопленный опыт должен был быть применен для стабилизации неустойчивого мира после окончания боевых действий в Боснии и Герцеговине. Незадолго до подписания Дейтонских соглашений 13 декабря 1995 г. состоялась встреча министров иностранных дел 15 стран – членов ЕС, пяти стран – наследниц бывшей Югославии, а также делегаций из США, России, Совета Европы и ОБСЕ. В ходе встречи была подписана Декларация о стабильности и добрососедских отношениях в ЮВЕ, которая официально дала старт так называемому Руаймонскому процессу [7]. Задачей этой инициативы являлось смягчение последствий конфликтов через демократизацию и поощрение диалога между гражданами и институтами гражданского общества. Кроме того, все это должно было способствовать развитию и расширению каналов коммуникации между различными социальными группами путем сотрудничества между неправительственными организациями.

В связи с этим Руаймонский процесс должен был дополнять положения Дейтонского соглашения. Фактически произошло некоторое разграничение «обязанностей: соглашения в Дейтоне касались проблем безопасности и контроля над вооружениями, а Руаймонский процесс затрагивал вопросы по улучшению или постепенному восстановлению диалога и доверия, предотвращения напряженности и кризисов, примирению, регионального сотрудничества, экономического восстановления и добрососедства» [4, с. 5].

Региональный подход ЕС. В дальнейшем было важно включить Руаймонский процесс в более всеобъемлющий политический подход по отношению к региону. Первые разговоры о Региональном подходе появились на полях Лондонской конференции по реализации Дейтонских соглашений в декабре 1995 г. В документе, принятом по итогам конференции, отмечалась необходимость нормализации отношений между БиГ и ее соседями и регионом в целом, а также остальной частью международного сообщества [8]. Помимо этого, предполагалось установление договорных отношений между БиГ и ЕС в рамках Регионального подхода [8].

В феврале 1996 г. Еврокомиссия презентовала доклад о перспективах развития регионального сотрудничества на территории бывшей Югославии и о том, что ЕС могло бы сделать для содействия такому взаимодействию [9]. В документе особо подчеркивалось то, что предполагаемый подход должен быть направлен не только на политическую стабильность в регионе (формирование государственных институтов, реформирование государственного аппарата, развитие гражданского общества, уважение прав человека и меньшинств), но и на экономическое развитие между заинтересованными странами и их соседями, а также между ними и ЕС (восстановление экономики и инфраструктуры, переориентация бывших плановых экономик на рельсы рыночных реформ и рыночной экономики).

Позже Совет ЕС определил основы Регионального подхода, который должен был быть направлен на те страны, которые не имели мандата на ведение переговоров о соглашении об ассоциации. Это относилось к странам бывшей СФРЮ (БиГ, Союзная Республика Югославия (СРЮ), Хорватия, Бывшая югославская Республика Македония (БЮР Македония)) и Албании [10]. Кроме того, Совет ЕС отмечал то, что будущие соглашения с каждой из этих стран, в дополнение к полной реализации Дейтонских соглашений, могли бы стать осо-

бенно полезными инструментами с целью содействия политической стабильности и экономическому развитию. Также это могло способствовать развитию сотрудничества между этими странами и с их соседями [10]. Впервые в официальном дискурсе ЕС был использован новый политический конструкт – «Западные Балканы», который относился к этим пяти странам [11, с. 185].

Особо стоит отметить, что Евросоюз разделил эти государства еще на две подкатегории. К первой были отнесены Албания и БЮР Македония, а ко второй группе – БиГ, СРЮ и Хорватия. Подобное деление обуславливалось тремя критериями: вовлеченность в военные действия на Балканах, участие в переговорах и соглашениях в Дейтоне и Париже, а также наличие более тесных взаимоотношений с Евросоюзом. Из этого следует, что Албания и БЮР Македония не были частью военных действий и Дейтонских соглашений, поэтому они могли рассчитывать на проведение более интенсивных переговоров с ЕС.

Албания и БЮР Македония. По состоянию на конец 1996 г. именно эти страны считались наиболее продвинутыми с точки зрения защиты прав человека и гражданина, развития демократии и экономических реформ. Еврокомиссия отмечала, что отношения Албании и БЮР Македонии с Евросоюзом гораздо более развиты, чем в случае БиГ, СРЮ и Хорватии [10]. Еще в 1992 г. Европейское сообщество заключило с Албанией непреференциальное Соглашение о торговле и сотрудничестве (без финансового протокола). Это соглашение содержало пункт, который касался цели о подписании соглашения об ассоциации в случае выполнения всех условий. Кроме того, с 1992 г. на Албанию распространялась помощь по программе PHARE для поддержки экономических преобразований и укрепления демократических обществ [10].

В 1996 г. Европейское сообщество заключило преференциальное Соглашение о сотрудничестве с БЮР Македония, включая финансовый протокол. Это соглашение также содержало положение, выражающее желание договаривающихся сторон укрепить свои отношения, и стремление БЮР Македонии к ассоциации [10]. С 1997 г. страна также получает помощь по программе PHARE.

БиГ, СРЮ, Хорватия. Отсутствие схожих соглашений ЕС с указанными сторонами было связано с тем, что эти государства прежде всего были вовлечены в военные действия. Переговоры о заключении соглашения о сотрудничестве и реализации программы PHARE с Хорватией были приостановлены после военной операции «Буря» в Сербской Краине в августе 1995 г. В свою очередь, по мнению Еврокомиссии, СРЮ не выполнила основные условия договорных отношений с Евросоюзом, включая нахождение подхода к решению вопроса Косово и Метохии. Кроме того, руководству СРЮ в укор ставилось то, что не происходило осуществление политических и экономических реформ. Переговоры с БиГ были невозможны до создания общих государственных институтов до выборов в сентябре 1996 г. [10].

В апреле 1997 г. Совет ЕС разработал стратегию, основанную на региональном подходе. Главным элементом являлся принцип обусловленности (conditionality) в рамках взаимоотношений с пятью западнобалканскими государствами, с которыми еще не имелось соглашений об ассоциации. Более того, в рамках принципа обусловленности были определены следующие экономические и политические условия [12, р. 6]:

- содействие возвращению беженцев и готовность вернуть (реадмиссия) собственных граждан страны, которые в то время незаконно находились в странах – членах Евросоюза;

- соблюдение обязательств по мирным соглашениям, сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ);
- приверженность демократическим реформам, соблюдение прав и свобод человека и меньшинств;
- проведение экономических реформ;
- готовность стран региона иметь добрососедские отношения и т. п.

Обсуждение

Стоит отметить, что в тот период политическое и социально-экономическое развитие стран Западных Балкан находилось на разных уровнях. Следовательно, проводить согласованную политику по отношению к этим пяти странам было проблематично. Чтобы сохранить согласованность подходов, но при этом учитывать различия государств, ЕС разработал поэтапный план сотрудничества. Сначала вводились автономные (односторонние) торговые преференции на самом низком уровне взаимоотношений, согласно принципу обусловленности. Затем предоставлялась финансовая и техническая помощь от PHARE и OBNOVA, нацеленная на восстановление инфраструктуры и других объектов, поврежденных в ходе боевых действий, а также на возвращение беженцев. А на завершающем этапе устанавливались продвинутое договорные отношения [13]. Однако к этим критериям добавлялись дополнительные условия, связанные с особенностями и наследием региона, как сотрудничество с МТБЮ, выстраивание добрососедских отношений, вопрос Косово и Метохии.

Выводы

Таким образом, Региональный подход был первой осознанной политикой со стороны ЕС в отношении стран бывшей Югославии и Албании. К тому же был четко определен круг стран, на которые будут распространяться условия этой политики: Албания, БиГ, СРЮ, БЮР Македония, Хорватия. В политическом лексиконе впервые стало употребляться понятие «Западные Балканы». По сравнению с другими региональными инициативами, исходившими тогда от Евросоюза, этот подход являлся наиболее «разработанным, конкретным и содержащим перечень условий, выполнение которых принесло бы определенные результаты», – предполагали Н. Беширевич и И. Кужек [14]. По мнению Е.Г. Антиной, принципиальная разница между стратегией ЕС по отношению к странам ЦВЕ и Региональным подходом к ЮВЕ заключалась в том, что в последнем случае не была предложена перспектива членства [11, с. 186].

С одной стороны, влияние Регионального подхода имело ограниченный характер, так как страны региона не особо изъявляли желание сотрудничать на многосторонней основе, более предпочитая двусторонние отношения с ЕС. Они боялись того, что их сосед может стать тормозом в ускорении взаимодействия с Брюсселем. В свою очередь, Евросоюз, выставив определенные политические и экономические требования для стран региона, четко не указал свои обязательства и ответственность по отношению к этим условиям. Это не давало стимулов для стран региона претворять в жизнь подобные преобразования.

Кроме того, превентивная политика ЕС, реализуемая в рамках Регионального подхода, не смогла предотвратить нового витка кризиса на территории бывшей Югославии, в частности в Косово и Метохии [15]. Однако, несмотря на неудачу Регионального подхода, эта политика ляжет в основу Процесса стабилизации и ассоциации, запущенного в 1999 г., ставшего началом для евроинтеграционного пути западнобалканских стран в начале XXI в.

Список источников

1. *Lopandić D.* Regional cooperation in South Eastern Europe. The Effects of Regional Initiatives. 2002. 298 p.
2. *Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э.* Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 135 с.
3. *Benoit-Rohmer F., Hardeman H.* The Pact on Stability in Europe: A Joint Action of the Twelve in the Framework of the Common Foreign and Security Policy // Helsinki Monitor. 1994. No. 4. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/helsnk5&div=52&id=&page=> (дата обращения: 13.11.2023).
4. *Ehrhart H.-G.* Prevention and Regional Security: The Royaumont Process and the Stabilization of South-Eastern Europe // OSCE Yearbook 1998. Baden-Baden, 1999. P. 327–346.
5. *Solioz C.* Rethinking south-eastern Europe through a pan-European perspective // SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe. 2007. Spec. Is. P. 77–91.
6. *Гуськова Е.Ю.* Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. СПб.: Владимир Даль, 2020. 511 с.
7. Madrid European Council (15 and 16 December 1995): Presidency conclusions // European Commission. 1995. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_95_9/ (дата обращения: 13.11.2023).
8. Letter dated 11 December 1995 from the permanent representative of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the United Nations addressed to the Secretary-General // Security Council. 2000. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/BA_951209_LondonConferenceConclusions.pdf/ (дата обращения: 13.11.2023).
9. Stabilisation and Association process for countries of South-Eastern Europe // European Commission, COM (1999) 235 final. 1999. URL: <http://aei.pitt.edu/3571/1/3571.pdf> (дата обращения: 13.11.2023).
10. Common principles for future contractual relations with certain countries in South-Eastern Europe // Commission of the European Communities COM (96) 476 final. 1996. URL: <http://aei.pitt.edu/3946/1/3946.pdf/> (дата обращения: 13.11.2023).
11. *Энтина Е.Г.* Особенности и пределы интеграционной политики Европейского союза в Юго-Восточной Европе: на примере государств постюгославского пространства: дис. ... докт. полит. наук. М., 2020. 498 с.
12. *Smrkolj M.* Difficult Steps to the Enlargement of the EU (Some Legal Aspects): The EU's Foreign and Enlargement Policy for the Western Balkans // EUSA Biennial Conference (Montreal, 2007). 19 p. URL: <http://aei.pitt.edu/8040/1/smrkolj-m-02b.pdf/> (дата обращения: 13.11.2023).
13. 2192nd Council meeting. General affairs (Luxembourg, 21–22 June 1999). URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/09008.EN9.htm/ (дата обращения: 13.11.2023).
14. *Beshirevic N., Sujzek I.* Regionalna politika Europske unije prema Zapadnom Balkanu – dosezi i ograničenja // Politička misao. 2019. G. 50. Br. 1. S. 155–179.
15. *Буланникова Ю.А.* Процесс интеграции стран Западных Балкан в Евросоюз // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3 (11). С. 311–318.

Информация об авторе

Исламов Дамир Римович. Аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, Казань, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-1338-3277; e-mail: dam1948@yandex.ru; Адрес: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский федеральный университет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Lopandić D. Regional cooperation in South Eastern Europe. The Effects of Regional Initiatives. 2002. 298 p.
2. Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. European Union: The architecture of foreign policy. M.: IMEMO RAS. 2016. 135 p. (In Russian).
3. Benoit-Rohmer F., Hardeman H. The Pact on Stability in Europe: A Joint Action of the Twelve in the Framework of the Common Foreign and Security Policy // Helsinki Monitor. 1994. No. 4. URL: <https://heionline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/helsnk5&div=52&id=&page=/> (access date: 13.11.2023).
4. Ehrhart H-G. Prevention and Regional Security: The Royaumont Process and the Stabilization of South-Eastern Europe // OSCE Yearbook 1998. Baden-Baden, 1999. P. 327–346.
5. Solioz C. Rethinking south-eastern Europe through a pan-European perspective // SEER Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe. 2007. Spec. Is. P. 77–91.
6. Guskova E.Y. Undeclared war. NATO aggression and peace process. SPb.: Vladimir Dal. 2020. 511 p. (In Russian).
7. Madrid European Council (15 and 16 December 1995): Presidency conclusions // European Commission. 1995. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/DOC_95_9/ (access date: 13.11.2023).
8. Letter dated 11 December 1995 from the permanent representative of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the United Nations addressed to the Secretary-General // Security Council. 2000. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/BA_951209_LondonConferenceConclusions.pdf/ (access date: 13.11.2023).
9. Stabilisation and Association process for countries of South-Eastern Europe // European Commission, COM (1999) 235 final. 1999. URL: <http://aei.pitt.edu/3571/1/3571.pdf/> (access date: 13.11.2023).
10. Common principles for future contractual relations with certain countries in South-Eastern Europe // Commission of the European Communities COM (96) 476 final. 1996. URL: <http://aei.pitt.edu/3946/1/3946.pdf/> (access date: 13.11.2023).
11. Entina E.G. Peculiarities and limits of the integration policy of the European Union in South Eastern Europe: Post-Yugoslav space states. Doctoral Thesis in political science. M., 2020. 498 p. (In Russian).
12. Smrkolj M. Difficult Steps to the Enlargement of the EU (Some Legal Aspects): The EU's Foreign and Enlargement Policy for the Western Balkans // EUSA Biennial Conference (Montreal, 2007). 19 p. URL: <http://aei.pitt.edu/8040/1/smrkolj-m-02b.pdf/> (access date: 13.11.2023).

13. 2192nd Council meeting. General affairs (Luxembourg, 21–22 June 1999). URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/09008.EN9.htm/ (access date: 13.11.2023).
14. Beshirevic N., Cujzek I. The European Union's regional policy towards the Western Balkans: achievements and limits // *Politička misao*. 2019. G. 50. Br. 1. S. 155–179 (In Croatian).
15. Bulannikova Y.A. The Process of Integrating the Western Balkan countries into the EU // *Bulletin of MGIMO University*. 2010. No. 3 (11). P. 311–318. (In Russian).

About the author

Islamov Damir Rimovich. Postgraduate, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1338-3277; e-mail: dam1948@yandex.ru; Address: 420008, Russian Federation, Kazan, 18 Kremlyovskaya street, Kazan Federal University.

The author declares no conflicts of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

IRS
INTERNATIONAL RELATIONS
AND SOCIETY

2023, № 3